

Тематическое приложение к газете **Коммерсантъ**

Регенерация

Четверг 9 декабря 2021 №224 (7186 с момента возобновления издания)

kommersant.ru

23	Фонд МСФО готовит стандарты раскрытия данных об устойчивом развитии	24	Как российская промышленность стремится к наилучшим доступным технологиям	26	Какова эффективность России и других стран в переходе к хозяйствованию замкнутого цикла
----	---	----	---	----	---

Организации учатся слышать

В переломную эпоху старые способы решения проблем не работают, их недостатки очевидны — люди хотят лучшего будущего, но не знают, как туда попасть. Сегодня мы уже не предчувствуем, а живем на переломе, и плавного перехода в будущее не будет. Благополучие общества и сотрудников, как и интерес к инструментам, призванным его повысить, стали особенно значимыми трендами последнего времени. В частности, сотрудники ищут компании с заботливой и человеческой корпоративной культурой. Осознанность и практики Теории U помогают не только построить культуру с меньшим стрессом и выгоранием, но и переосмыслить само понятие организаций, сделав их более эффективными и человекоцентричными.

— инструменты —

Теория U
Отто Шармер, создатель Теории U, методологии управления изменениями на основе осознанности,— старший преподаватель Школы менеджмента Слоана Массачусетского технологического института. Он убежден: системные изменения начинаются с понимания симптомов сегодняшних кризисов, лежащих на поверхности, и их скрытых причин. Он выделяет три главные группы очевидных симптомов, указывающих на глубинные разрывы. Разрыв в наших отношениях с планетой (экологические проблемы). Разрывы связей между людьми в обществе (социальные проблемы). Наконец, разрыв в отношениях с собой (потеря контакта с чувствами, телом и жизнью на автомате — проявляется в эпидемии стресса и психологических расстройств).
Чаще всего люди пытаются решить проблемы, фокусируясь на симптомах: пьют обезболивающее, реорганизуют бизнес-процессы, принимают новые законы, меняют людей на должности. Но качественных, устойчивых результатов можно достичь лишь изменениями на более глубоких уровнях, где зарождаются проблемы, убежден господин Шармер. Это уровень мышления, который и создает структуры, бизнес-процессы и продукты. Или нечто еще более глубокое — состояние ума, влияющее и на мышление.
Понимание этого факта начало возникать в науке о менеджменте примерно 20 лет назад, сделав революцию в представлениях об управлении организациями. Отто Шар-

мер уделяет ему особое внимание, именуя «источником» наших действий. Речь идет о базовом психическом процессе или состоянии, которое определяется качеством нашего присутствия и становится местом, где возникает аутентичное лидерство, основанное на широком видении, креативное мышление и спонтанные озарения.
Согласно Теории U, инновация или системное изменение, рождающиеся из осознанности, основываются на четырех принципах. Первый сформулировал Курт Левин — психолог, чьи идеи оказали большое влияние на развитие социальной психологии и теории лидерства: «Невозможно понять систему, не изменив ее». Второй принцип: невозможно изменить систему, не изменив сознание. Сознание — базовый уровень реальности, и изменения, которые его не учитывают, недолговечны. Третий: для изменений сознания системе необходимо увидеть и почувствовать себя. Четвертый принцип: невозможно создавать изменения, не почувствовав и не реализовав потенциал будущего.
Такая модель инноваций в корне отличается от привычного подхода к созданию стратегии или прогнозированию на основе данных. Данные отображают прошлое, и, пытаясь предугадывать будущее таким образом, системы воспроизводят сами себя. В Теории U — это автоматический «режим загрузки». Система выходит из загрузки в момент кризиса, когда осознает, что привычные схемы не работают, или если сознательно решает измениться. Тут возможны два типа реакции. Первый — закрытие или отчуждение. В нем система из-за страха перемен пытается закрыться от новой информации, которую все более очевидно приносит кризис, и в результате возникают отрицание, нежелание слушать и обвинение других. Это обращение к прошлому и попытка сделать что-либо «снова великим». Такой подход способствует росту фундаментализма, неужестства и гнева, ведет к индивидуальной или коллективной психической травме.
Другая реакция — открыться новой информации и возникающему будущему. Это непросто, это требует смелости и открытости сознания неизвестному. Чтобы предчувствовать будущее в настоящем и идти вперед, необходимо открыться на уровнях ума, сердца, воли или намерения. Открытый ум способен преодолеть собственные стереотипы, убеждения и привычки мышления, увидев мир свежим взглядом. Открытое сердце — это способность контактировать со своими чувствами и чувствами других, видя происходящее не только своими глазами и с точки зрения своих интересов. Открытое намерение — способность отпустить старые схемы, двигаться вперед, в путающее неизвестное, осознавая, что это правильно и необходимо.

U-процесс
Отто Шармер интервьюировал более 150 лидеров, создающих инновации в разных сферах, и выявил универсальную схему: для создания чего-то действительно нового все они проходили примерно одни и те же стадии: от

Четыре стадии эволюции, четыре операционные системы						
	Образование	Здравоохранение	Сельское хозяйство	Корпоративное управление	Финансы	Управление
1.0: Централизованное, авторитарное	Традиционное, главная фигура — учитель	Традиционное, главная фигура — врач	Традиционное, главная фигура — производитель	Проекты, нацеленные на PR	Традиционные, центральная сила — банк	1.0 Иерархическое: «видимая рука»
2.0: Нацеленное на результат и эффективность	Система тестов: знания быстро получают и быстро забывают	Доказательная медицина	Монокультурное индустриальное сельское хозяйство	Практики, направленные на эффективность	Увеличение капитала: слепые к экстерналиям	2.0 Рыночное: «невидимая рука»
3.0: Нацеленное на результат, сфокусированное на пользователе	Сфокусированное на ученике	Сфокусированная на пациенте	Органическое сельское хозяйство: уменьшение вреда природе	Бизнес-инновации	Социально преобразующие (импакт) инвестиции: победитель получает все	3.0 Защита интересов заинтересованных групп: лоббирование
4.0: Сосредоточенное на создании в интересах экосистемы	Вовлекает глубинные источники знания	Укрепление источников здоровья и благополучия	Регенеративное (восстанавливающее) сельское хозяйство	Бизнес работает в интересах благой цели, миссии	Регенеративный капитал, трансформирующий систему	4.0 Коллективные действия, основанные на осознанности

Источник: The Presencing Institute.

бесоценочной открытости происходящему до личного или коллективно осознания присутствия себя в большой картине жизни, озарения и быстрого прототипирования инновации. Это погружение похоже на латинскую «U», что и дало название теории.
Вероятно, одним из важнейших достижений Отто Шармера становится открытие доступа к этому процессу через систему методов и практик. Так лидеры могут сознательно создавать доступ к глубокому инновациям и решениям проблем, с которыми не получается разобраться на поверхностном уровне. Когда группа людей проходит этот процесс вместе, возникает общее понимание того, что системе можно изменить. Пока мы смотрим на нее со стороны как на объект и фокусируемся на внешних проявлениях, кажется, что за все ее недостатки отвечает кто-то другой, но, осознав себя частью системы, люди могут ее изменить. Это происходит благодаря управлению коллективным фокусом внимания, который обеспечивает переход от эго-мышления к экомышлению. От видения системы только из своей перспективы — к оупущению и понимаю, что вы также ее часть и создаете ее на своем уровне.
По мнению господина Шармера, любая система проходит четыре стадии эволюции (см. таблицу). На примере корпоративной культуры мы видим, что первый этап — это, например, использование проектов устойчивого развития для PR. Второй этап — соответствующие реальные инициативы. Третий — это изменение всего бизнеса, когда, например, производитель автомобилей переходит от использования двигателей внутреннего сгорания к электрическим. Но и этого недостаточно для изменения этой системы. Произведя больше электрических двигателей, мы будем стоять в тех же пробках. Четвертый этап — создание компаний ради миссии, где бизнес сосредоточен на достижении Целей устойчивого развития (ЦУР).
На открытой лекции в Москве Отто Шармера, в частности, спросили, может ли компания уровня 3.0 существовать в системе 1.0. Он ответил, что в силу необходимости взаимодействовать с другими «не столь прогрессивными компаниями» вряд ли можно сразу и полностью изменить бизнес-процессы: «Многие компании слишком малы, чтобы решать значительные проблемы системы. Другие, наоборот, столь огромны, что не хотят решать маленькие проблемы. В чем-то вы можете перейти на уровень 4.0, а

какие-то процессы останутся на уровне 1.0. Но по крайней мере они уже не будут доминировать». Лидеру нужно найти единомышленников среди сотрудников и партнеров, создать сообщество и транслировать ценности уровня 4.0. «С другой стороны, остаются ключевые показатели эффективности бизнеса. Их никто не отменяет. Где-то вам по-прежнему придется действовать на уровне 1.0 или 2.0. Реальность такова, что, чтобы быть лидером-трансформатором, вы должны уметь говорить на разных языках и действовать на всех четырех уровнях в зависимости от требований ситуации», — отмечает господин Шармер. Даже в одной организации разные структуры могут работать на разных уровнях — кто-то на четвертом, а кто-то на втором. «Не нужно преследовать цель „или так, или так“, пытаясь перестроить все структуры организации на один уровень одновременно. Нужно создать карту организации и отметить на ней, какая структура на каком уровне и, соответственно, какой уровень для нее будет следующим», — заключает он.
Перескочить через уровень, как правило, невозможно — обычно система движется поэтапно: от централизованного к децентрализованному управлению, будь то на уровне организации или управления государством. «В основе должно лежать изменение менталитета. Однако я не исключаю ситуаций, которые потребуют очень быстрого перехода через уровень. Нужно придерживаться ситуационного подхода», — говорит ученый.

U-практика
Методы Теории U практикуют, например, в компаниях Shell, Alibaba, Daimler, Fujitsu, Google, Hewlett-Packard. В 2021 году Программа развития ООН и The Presencing Institute, сооснователем которого является Отто Шармер, создали лабораторию, которая должна помочь найти новые решения для реализации ЦУР.
Методы Теории U и другие инструменты работы с вниманием в командах становятся ответом на вызов времени. Многие факторы — эпидемия стресса, переход компаний к гибкой удаленной занятости и запросы новых поколений сотрудников — заставляют менять корпоративную культуру и работать с состоянием людей. В России с 2020 года, например, проводятся ретриты с применением практик Теории U (формат интенсивной практики, когда участники без отвлечений развивают новые на-

выки) по развитию осознанности для топ-менеджмента Qiwi. «Менеджмент или линейные сотрудники выезжают на ретриты, а после используют наработанные навыки и практики в командах. В сообществе исследователей и дизайнеров мы используем элементы Теории U для обсуждения того, что волнует сотрудников, говорим про разные уровни слушания в общении с коллегами и клиентами на интервью. Для развития навыков осознанности у нас проводят регулярные практики внимательности — 15–20 минутные сессии, в том числе в Zoom», — рассказывает Дмитрий Соловьев, руководитель по исследованию Qiwi. — В условиях удаленки вдвойне важно поддерживать связи между коллегами, поэтому важна чистая коммуникация, полная вниман- стия, и не только про работу, а про состояние человека. В российской культуре у людей не закладываются со школы навыки понимать свое состояние, учитывать его и состояние других в коммуникации и работе. Или открыто и экологично делиться напряжением и справляться с напряжением окружающих. Каждый может научиться этим навыкам — нужно лишь желание, пространство и внимательный тренер».

На примере организаций, которые раньше других начали внедрять продуктовую горизонтальную культуру, можно наблюдать, что стресс — лишь небольшая часть вызова. На самом деле речь идет о формировании нового поля битвы управленцев — о доверии, коммуникации и культуре в компании. Это масштабный переход к устойчивому управлению как части ESG. Такое управление требует новой корпоративной культуры и практик, которые основаны на понимании психологии, физиологии и нейробиологии и учитывают состояние сотрудников, принципы новой этики, коммуникаций и взаимоотношений взрослых людей, необходимость внимательного отношения к психическим травмам, ментальным особенностям, ценностям и переживаниям человека на всех уровнях организации.
Новая корпоративная культура продиктована изменениями среды, высоким уровнем стресса и очевидным ужесточением конкуренции за кадры. Волны реальной или виртуальной эмиграции, когда локальные рынки «пылесосят» в поиске хороших сотрудников, предлагая им более комфортные условия глобальных рынков, — явление очевидное. Новые же поколения сотрудников тре-

буют нетоксичных коллективов, ненасильственного управления и смысла в работе. Чем быстрее компании научатся создавать такую среду, тем успешнее они окажутся в цифровой реальности, где в конечном итоге побеждают именно кадры.
Компания «Авито» для решения этих задач несколько лет назад начала формировать образовательную экосистему, которая позволяет сотрудникам обучаться любым профессиональным и метанавыкам. В этой системе уже два года регулярно проходят курсы по обучению навыкам осознанности и саморегуляции, включающие практики Теории U. К ним открыт доступ тысячам сотрудников крупных российских компаний, например сотрудникам КРОК и «Сбермаркета».
«Авито» точно работает и со своими подразделениями, обучая людей новым навыкам командного взаимодействия. В работу над развитием безопасной и эффективной коммуникации уже год вовлечен дизайн-департамент из 100 человек. Практики Теории U составляют существенную часть этих образовательно-фасилитационных процессов и учитывают взаимосвязи внимания в системе и ее результатов. «От того, как выстроена коммуникация в командах, зависит скорость разработки и доставки продукта до пользователя. И каким бы классным ни был отдельный специалист, хорошие продукты рождаются в кросс-функциональных командах, где собраны люди с разной историей и культурой общения. В командах, которые живут по Agile и работают по современным фреймворкам типа SCRAM, почти невозможно что-то делать в одиночку. Культура коммуникации очень сильно отражается на готовности сотрудника открывать с утра свой ноутбук, работать в команде и быть экспертом в своей области. Так что, инвестируя в коммуникацию, мы инвестируем в людей», — говорит HR T&D P&T Avito Анастасия Чертовских.
Распространено мнение, будто работа с внимательностью, вертикальное развитие лидеров, Теория U — это удел только передовых IT-компаний, но это не так. В 2019 году полноценные сессии по Теории U были проведены департаментом образования Казани для директоров всех школ города. Три дня глубинное слушание практиковали директора разных возрастов с разным жизненным опытом. Оказалось, что даже в условиях высокой зарегулированности государственного школьного образования у них больше ресурсов и возможностей, чем они думали. Объединившись в равные группы по пяти-десяти человек и организовав диалог так, чтобы не скатываться в привычные шаблоны обсуждения, участники учились не давать советы и слушать непредвзято и в результате увидели в друг друге сообщество, осознав, какую колоссальную поддержку они могут в нем получить. Многие их проблемы были решены на месте и без дополнительных финансов — за счет структурированного обмена опытом и изменения установок.
Максим Тимофеев,
Deep mind;
Ольга Гурова

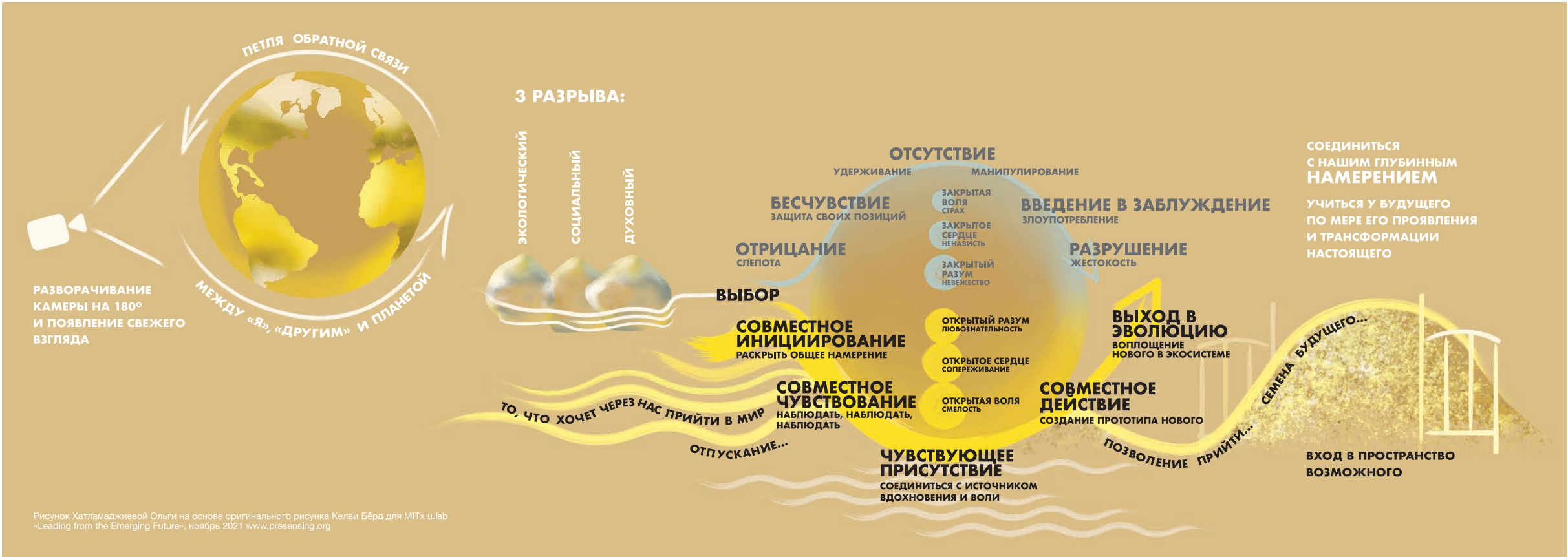

Рисунок Хатламджиевой Ольги на основе оригинального рисунка Келви Бёрда для MTX uLab «Leading from the Emerging Future», ноябрь 2021 www.presencing.org

регенерация

Инструмент

для ответственных вложений

Ежегодный ESG-рэнкинг российских регионов рейтингового агентства RAEX 2021 года выявил движение субъектов РФ к прогрессу по ряду оценок состояния окружающей среды, социальной политики и госуправления. Но пока этот прогресс в большинстве регионов формируется стихийно, а не в результате целенаправленных действий власти или реализации полноценных ESG-стратегий, что оставляет широкое поле для улучшения, без которых привлечь инвесторов, все сильнее интересующихся этичностью своих вложений, будет с каждым годом труднее.

— рэнкинг —

Четверть века назад, когда рейтинговое агентство RAEX (тогда РА «Эксперт») начало ежегодную публикацию рейтинга инвестпривлекательности экономик российских регионов, он был призван ориентировать инвесторов в деталях отечественной экономической географии. Теперь инвесторы неплохо ориентируются в экономических реалиях субъектов РФ, и фокус рейтинга меняется. Желанием вкладывать средства в региональные экономики необходимо понимать, насколько в том или ином субъекте задумываются не только о сегодняшнем дне, но и об интересах будущих поколений. Поэтому и рейтинг RAEX 2021 года стал индикатором привлекательности регионов для ответственного инвестирования.

Тема ответственности бизнеса уже давно затрагивает не только благотворительные программы. Ни за рубежом, ни в России уже не осталось ни одного сколько-нибудь серьезного финансового института, который бы не предъявлял требования к ESG-факторам проектов. Да и сами проекты все чаще предъявляют аналогичные требования к поставщикам. И если производство в российской глубинке находится в цепи поставщиков глобальной компании, то игнорирование ESG может привести к отказу от ее продукции или финансовым потерям на уплату налогов и штрафов за превышение параметров углеродного следа и экологической нагрузки. Кроме того, тема ESG проникает и в российскую госполитику, выражаясь в соответствующих регуляторных инициативах, а значит, отставание от повестки влечет за собой регуляторные риски.

Наконец, учет ESG-повестки региональными властями во многом влияет на восприятие их политики населением, и это важно. Еще в начале 2000-х в RAEX изучали взаимосвязь между шансами губернатора на переизбрание и рейтингом региона, обнаружив корреляцию этих показателей на уровне 80%, то есть рейтинг де-факто отражает и политические риски губернаторов. И дело не в том, что жители внимательно изучают таблицы рейтинга, наоборот, сам рейтинг отражает важные для людей факторы и предупреждает о грядущих проблемах. Состояние экологической обстановки, уровень социальных проблем и степень прозрачности и эффективности решений выходят на первый план при оценке власти.

Индикаторы и веса

Регионы в рэнкинге сопоставляются по уровню управления ESG-рисками. Так, соцсфера и экология оцениваются сопоставлением уровня риска и эффективности мер по его минимизации. Например, для экологической оценки одним из показателей является объем выбросов вредных веществ автотранспорта на душу населения, ему противопоставляется доля транспорта с возможностью использования природного газа в качестве моторного топлива. В теории для нивелирования экологических рисков высокий первый показатель должен сопровождаться ростом второго. Наличие же дисбалансов говорит о том, что рискам не уделяется должное внимание. Таких пар индикаторов пять — кроме упомянутой пары это выбросы загрязнителей в атмосферу и их обезвреживание, сброс сточных вод и повторное использование воды, об-

разование отходов и их переработка и соотношение вывоза ТКО и их переработки.

При социальной оценке также учитываются пять пар индикаторов: доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и бюджетные расходы на социальную политику; доля учеников, обучающихся во вторую-третью смены, и расходы на образование; уровень младенческой смертности и расходы на здравоохранение; число тяжких преступлений и расходы на безопасность; динамика численности населения и создание новых рабочих мест.

Управление же оценивается иначе: здесь нет рисков, predetermined историческими особенностями или природой. Поэтому оценка учитывает наличие в регионах ключевых инструментов повышения качества госуправления и прозрачности, таких как наличие комиссий по противодействию коррупции и простота нахождения сведений о доходах сотрудников правительства региона. Оценка дополняется интегральными индексами — используются данные мониторинга Минфина финансового положения и качества управления региональными финансами.

Три итоговые оценки по секциям E, S, G берутся с равными весами, а на основе получившихся средних значений строится рэнкинг. Ежегодно методика совершенствуется. В ближайшей перспективе планируется добавить в экологический блок показатели, связанные с лесным хозяйством — это важно, потому что на поглощающей способности лесного фонда Россия делает акцент в своей международной климатической повестке. Также рэнкингом пока не охвачена тема цифровизации. Цифро-

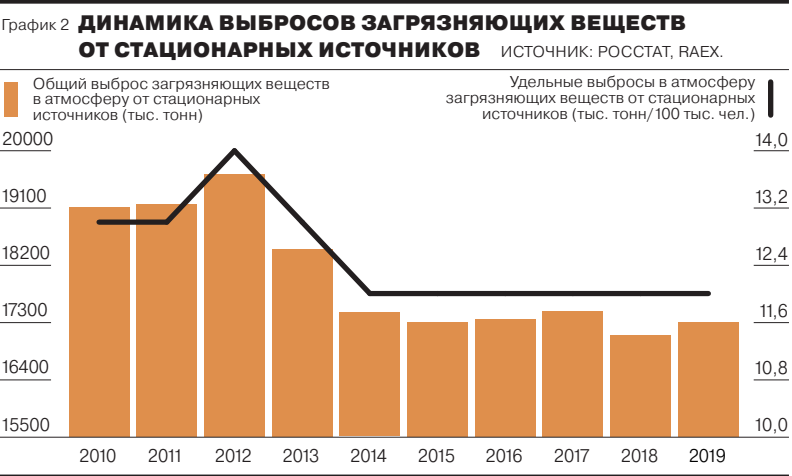
вая зрелость — один из ключевых показателей эффективности губернаторов, в связи с чем соответствующие индикаторы могут дополнить управленческий блок. В более долгосрочной перспективе по мере появления в открытых источниках данных о региональных выбросах парниковых газов появится и блок, связанный с декарбонизацией регионов.

Выбросов меньше, улавливания — столько же

Не секрет, что различия регионов велики, и экологическая ситуация (фактор E) не исключение. Например, показатели концентрации загрязнений атмосферы соответствуют знаменитому соотношению Парето (20% участников рэнкинга формируют 80% эффекта). На пятерку регионов с наибольшими объемами валовых выбросов приходится более 40% фиксируемых статистикой выбросов, а на 17 регионов (это и есть 20% от 85) — около 70%.

В 2021 году антилидером по этому показателю остался Красноярский край: доля выбросов в атмосферу региональных предприятий в общем их объеме за год выросла на 0,5 процентного пункта, до 14,1% (см. график 1). Традиционно в пятерке также металлургические (Свердловская и Кемеровская области) и нефтегазовые (кроме Красноярского края это ХМАО и ЯНАО) регионы.

Впрочем, уровень загрязнения устойчиво снижается. Общие объемы выбросов в атмосферу загрязняющих веществ стационарными источниками в 2019 году (этот год учитывается в данных рэнкинга) составили 17,3 млн тонн против 19,1 млн тонн 2010 году (см. график 2). Выбросы в пересчете на душу населения за это время также снизи-

лись — с 13,4 тыс. тонн до 11,8 тыс. тонн на 100 тыс. человек. В основном это вызвано совершенствованием технологий в наиболее «грязных» отраслях промышленности.

Однако кроме снижения выбросов их можно обезвреживать, и здесь ситуация за десятилетия не изменилась, если не ухудшилась. Если в 2010 году доля утилизированных вредных веществ в среднем по стране составляла 75,7%, то к 2018-му она снизилась до 73,3% и лишь в 2019-м подросла до 75%, но до уровня 2010 года остался почти процентный пункт. В нефтегазовых ЯНАО и НАО показатель улавливания вредных веществ остается равным нулю — наблюдатели связывают это с проблемой утилизации попутного нефтяного газа. Впрочем, это не помешало прогрессу в ХМАО: там доля уловленных загрязняющих веществ выросла с практически нулевых значений до 15%.

Младенцы за социальный прогресс

В социальной сфере (фактор S) один из наиболее значимых показателей рэнкинга — уровень младенческой смертности. Он отражает и качество медицины, и условия жизни, и многие иные социальные факторы, и его, в отличие от многих других показателей, довольно сложно фальсифицировать. В российских регионах наблюдается долгосрочный позитивный тренд снижения показателя (более чем на треть с 2010 по 2019 год). Аналогичную динамику демонстрирует и число тяжких и особо тяжких преступлений (снижение на 30% за тот же период).

Однако и в соцсфере есть показатели, которые много лет держатся примерно на одном уровне,—

это доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и доля школьников, обучающихся во вторую и третью смены. Это увеличивает важность усилий регионов по компенсации социальных рисков. Пока же в рейтинге лидируют малонаселенные нефтегазовые регионы, трансформирующие в социальный прогресс большую нефтегазовую ренту: Ненецкий АО — первое место в социальном блоке, Ямало-Ненецкий АО — второе место, Сахалинская область — третье место, а также столицы с их высокой экономической активностью: они характеризуются высокими показателями обеспеченности базовым образованием, охраны здоровья, безопасности и благосостояния. Санкт-Петербург поднялся с шестого на четвертое место, Москва занимает пятое место.

В сфере управления (фактор G) следует отметить общий тренд на повышение прозрачности российских регионов: веб-сайты региональных администраций становятся все более централизованными и информативными. В тройке лидеров здесь по-прежнему остаются Москва и Татарстан, также на лидирующие позиции в этом году вышли Санкт-Петербург и Ленинградская область, что позволило им вырваться в лидеры и интегрального рэнкинга. Эти регионы отличаются высокими показателями в части прозрачности своей деятельности и построения инвестиционной инфраструктуры. Дмитрий Гришанков, генеральный директор Международной группы RAEX

Дмитрий Гришанков,
генеральный директор
Международной группы
RAEX

ESG-рэнкинг российских регионов (RAEX)																			
	ESG	E	S	G		ESG	E	S	G		ESG	E	S	G		ESG	E	S	G
Ленинградская область	1	13	9	3	Ульяновская область	18	27	26	29	Челябинская область	35	10	65	55	Приморский край	52	49	73	37
г. Санкт-Петербург	2	54	4	2	Тульская область	19	68	15	9	Владимирская область	36	63	55	12	Алтайский край	53	23	79	53
г. Москва	3	37	5	5	Сахалинская область	20	78	3	15	Краснодарский край	37	65	34	21	Ивановская область	54	74	51	17
Республика Татарстан	4	61	16	1	Белгородская область	21	47	10	39	Ярославская область	38	59	33	36	Еврейская автономная область	55	1	84	63
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	5	48	8	4	Ямало-Ненецкий автономный округ	22	81	2	18	Удмуртская Республика	39	44	60	31	Ставропольский край	56	67	70	30
Липецкая область	6	7	14	24	Пермская область	23	40	27	27	г. Севастополь	40	50	12	59	Брянская область	57	35	40	66
Курская область	7	11	21	13	Самарская область	24	42	29	20	Республика Мордовия	41	22	24	62	Костромская область	58	12	63	74
Тюменская область (без автономных округов)	8	24	17	7	Ненецкий автономный округ	25	83	1	19	Мурманская область	42	76	13	26	Омская область	59	30	68	65
Свердловская область	9	15	25	11	Вологодская область	26	26	45	28	Смоленская область	43	3	72	70	Архангельская область (без автономного округа)	60	72	48	49
Московская область	10	36	6	34	Ростовская область	27	9	59	44	Новосибирская область	44	66	50	14	Амурская область	61	46	78	56
Калужская область	11	17	31	8	Чувашская Республика	28	19	35	45	Республика Дагестан	45	6	75	67	Астраханская область	62	75	56	41
Республика Саха (Якутия)	12	16	11	35	Республика Крым	29	28	30	40	Кировская область	46	32	67	38	Волгоградская область	63	57	44	68
Тверская область	13	2	42	50	Новгородская область	30	29	49	33	Красноярский край	47	41	54	51	Республика Бурятия	64	58	80	42
Саратовская область	14	4	39	46	Нижегородская область	31	71	37	61	Республика Башкортостан	48	53	41	52	Калининградская область	65	73	28	57
Республика Адыгея	15	34	36	10	Орловская область	32	8	52	58	Иркутская область	49	56	77	22	Томская область	66	70	64	47
Воронежская область	16	18	23	32	Республика Марий Эл	33	39	61	23	Оренбургская область	50	21	53	60	Республика Коми	67	80	46	25
Рязанская область	17	18	20	16	Хабаровский край	34	31	32	54	Пермский край	51	45	69	43	Республика Северная Осетия — Алания	68	52	47	69

«Нужны рекомендации Росприроднадзора для оценки экологического воздействия зеленых и адаптационных проектов»

— мнение —

СВЕТЛАНА БИК, руководитель экспертно-аналитической платформы «Инфраструктура и финансы устойчивого развития», — о том, как извлечь инвесторов от содержания при обвинении регулятором ESG-отчетов и рейтингов в фейковости.

Глава Росприроднадзора Светлана Радионова будоражит общественность резкими высказываниями про фейковость отчетности российских компаний и рейтингов ESG совсем не зря. В этой отчетности ей даже не надо лупить копать: на столе — сводки нарушений природоохранного законодательства со всей страны. И я верю, что там треш.

Под горячую руку Светланы Геннадьевны попали рейтинговые агентства и «куча консалтинговых компаний», которые вместе с предпрятиями, кроме отчетов, якобы ничего не делают для улучшения ситуации. Оставлю последний тезис без комментариев, поскольку этот камень и в мой как консультанта огород. Росприроднадзор скоро может обрушить свой гнев и на банки, которые выдают «зеленые» кредиты. Откуда им знать, что заемщик не злостный нарушитель законодательства, а финансовый инструмент не будет способствовать гринвошингу?

Действительно, откуда банкам и рейтинговым агентствам доподлинно знать, что заемщик eco-friendly? Экологическая отчетность является собственностью природопользователя, а государство, получая отчетность, не имеет права ее раскрывать — только оперативные сводки, аналитические справки, штрафы, решения судов и публичные обвинения в фейках. Развитию «зеленого» финансирования претензии в фейковости ESG-отчетов и рейтингов не помогут. Изменить это неспроста. «Зеленое» или шире — устойчивое/ESG финансирование — история кросссекторальная. Речь не только о воздей-

ствии компании на окружающую среду, но и о социальных вопросах, корпоративном управлении, сокращении углеродного следа, раскрытии информации и взаимодействии с широким кругом заинтересованных сторон. Главное в этой цепочке — корпоративное управление — руль и двигатель всего, что делается в компании.

Единые стандарты ESG-отчетности, как и единое понимание всего этого поля, отсутствуют и в России, и в мире. Дискуссии о качестве отчетности и рейтингов становятся все серьезнее. Россия входит в этот процесс поздно, но проактивную реализацию национальной повестки, основанной на специфических потребностях нашей экономики, нам никто запретить не вправе. Разработка и принятие национальной таксономии и порядка вери-

фикации финансовых инструментов стали важнейшим этапом в институализации «зеленых» финансов и развитии «зеленой» экономики в РФ. Можно поздравить команду Минэкономразвития и ВЭБ.РФ. На саммите в Глазго российская таксономия принята лидерами мировых экспертных центров в сфере ESG и «зеленых» финансов. У зарубежных инвесторов появились ориентиры, какие проекты в нашей юрисдикции считаются «зелеными», а какие — переходными, адаптационными.

Вслед за победой на климатическом саммите в Глазго нужны новые шаги на российской земле. Национальная таксономия должна помочь получить доступ к льготным условиям финансирования экологически чистым предприятиям и предприятиям со сложной экологической историей и реальностью. Однако пока таксономия — лишь самый общий рамочный документ с перечнем проектов, сгруппированных по отраслям. В ней — минимальный набор критериев, большое количество пробелов, которые отнесены на усмотрение методологий верификаторов — по факту кредитных рейтинговых агентств. А в их методиках отсутствуют единые проработанные подходы к оценке воздействия проектов на окружающую среду и климат. Так быть не должно.

В стране создан нормативный экологический каркас, система разрешений, лицензирования, отчетности и экспертизы. По некоторым отраслям эта система строже, чем в иных развитых странах. Предприятиям не так просто справиться со сложным природоохранным законодательством, но пока оно действует, система экологического менеджмента со всеми обязательными требованиями должна быть в приоритете любой методологии ESG или «зеленого» финансирования. Для начала методики рейтинговых агентств и «зеленые» политики финансирующих организаций должны включать требование о положительном заключении госэкспертизы на проект-

ную документацию. Такая экспертиза (в предусмотренных законом случаях — госэкологическая экспертиза), а не мнение верификатора финансового инструмента удостоверяет «зеленые» аспекты воздействия будущего проекта. Для ее проведения привлекаются специалисты по нужным направлениям.

Вместе с системой госэкспертизы в России появилась сеть институтов, уполномоченных на проведение негосударственной экспертизы или экспертного сопровождения проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий. Ее участники подписывают специально аттестованные лица. Во многих регионах перечень соответствующих институтов и экспертов вывешивается на сайтах региональных администраций, а если этого нет — его обязаны предоставить по запросу.

Помимо госэкспертизы существуют общественные слушания, обязательные и добровольные отраслевые стандарты, справочники. Качество следования им также должно приниматься в зачет при получении «зеленых» рейтингов. Но кто должен подготовить эту сложную матрицу оценки воздействия проекта на окружающую среду, чтобы рейтинговые агентства как интеграторы трех факторов ESG смогли адекватно оценить все риски и выдать инвесторам сводный результат?

В части фактора E этот вопрос надо адресовать Минприроды и Росприроднадзору, которому нужно не собственный рейтинг создавать, а выпустить методические рекомендации оценки воздействия «зеленых» и адаптационных проектов на окружающую среду при верификации финансовых инструментов. Рейтинговые агентства интегрируют эти рекомендации в свои методики, а мы получим единое понимание того, что хорошо, а что плохо в экологии, заодно избавив инвесторов от содроганий при обвинении регулятором отчетов и рейтингов ESG в фейковости.

Review

«Игнорирование принципов устойчивого развития ведет к имиджевым и финансовым потерям»

Заместитель председателя правительства Ленинградской области по экономике и инвестициям **Дмитрий Ялов** рассказывает о том, почему принципы ESG одинаково актуальны как для бизнеса, так и для власти.

— мнение —

Принципы ESG уже прочно вошли в управление крупными компаниями. И если для бизнеса это объяснимо, поскольку напрямую отражается на их инвестиционной привлекательности, то насколько эти принципы применимы и могут быть реализованы в управлении регионами?

Для российских регионов три составляющие ESG, на которые ориентируется бизнес в разработке своих стратегий устойчивого развития, отнюдь не новы. Если говорить о социальных критериях (S — social), то на них направлен наибольший объем работы региональной власти — то, с чем непосредственно сталкиваются жители: доступность социальных объектов и услуг, рост качества жизни и благосостояния граждан. Это первоочередные KPI, которые уже поставлены губернаторам и жестко контролируются.

В сфере управления (G — governance), несмотря на (казалось бы) десятилетиями устоявшуюся систему, все же есть возможности для новаций. Например, с 2020 года в субъектах заработал эффективный механизм обратной связи с населением — Центр управления регионом. Это не только ответы на запросы граждан и точечное решение их проблем, но и, по сути, сбор информации, на основании которой власти могут комплексно решать социальные задачи: борьба с бедностью, здоровье и благополучие граждан, качественное образование и другие.

Я остановлюсь на ключевом управленческом решении как для бизнеса, так и для органов власти — разработке долгосрочной стратегии. В 2012 году мы разработали Стратегию социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года, обновили ее в 2016 году и быстро поняли, что жизнь идет, а стратегия лежит на полке. К сожалению, это факт: 90% управленцев в регионах забывают о стратегии после ее принятия — слишком много текущих вопросов и новых вводных. Для нашей команды это стало вызовом. Мы разработали программу «Госуправление 2.0», где при-

думали, как обеспечить реализацию стратегии. Из госпрограмм объемом 400 страниц, которые с трудом осилит даже чиновник, мы выбрали основные цели и сформулировали их в виде стратегической карты на странице формата А3. Таким образом, план реализации стратегии стал набором страткарт, а у вице-губернаторов появился простой, доступный и понятный план действий.

Программа «Госуправление 2.0» стала основой и для выстраивания системы проектного управления в Ленинградской области. Для того чтобы региональные приоритетные проекты были синхронизированы со стратегией, мы внедрили систему «проектное сито». Оно позволяет оценить проектную инициативу по десятку различных критериев, в том числе соответствии приоритетам региона. Сегодня мы делимся этими наработками с коллегами из других регионов. Наш опыт получил высокую оценку на конкурсе «Проектный олимп»: в 2021 году мы заняли первое место в номинации «Система управления проектной деятельностью» и получили спецприз в стратегическом управлении.

В последние полгода на первый план для российского бизнеса и для регионов

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ ПЕСС: СЛУЖЕБНЫЙ ПОРТРЕТ ДМИТРИЯ ЯЛОВА

вышли экологические критерии (E — environmental). О декарбонизации и трансграничном углеродном регулировании сегодня не говорит только ленивый. Россия приняла на себя обязательство стать углеродно нейтральной к 2060 году, и мы ожидаем, что контрольные показатели по снижению углеродоемкости экономики будут доведены до регионов. У Ленинградской области есть планы стать одним из лидеров в ча-

сти снижения углеродного следа, поскольку под новое регулирование подпадают наши экспортеры: производители удобрений, цемента, электроэнергии.

Есть несколько направлений, которые в силах осуществить регионы в среднесрочной перспективе. В части повышения энергоэффективности жилья и коммунального хозяйства сработают не только перевод угольных и мазутных котельных на

газ, изоляция теплотрасс и усиление требований к вводимым в строй жилым домам, но и механизм офсетных контрактов для увеличения инвестиций в обновление ЖКХ. Суть этого подхода — продажа на рынке сокращений выбросов углекислого газа, которых удалось добиться благодаря мероприятиям по энергоэффективности в сфере ЖКХ.

Еще одно решение — перевод транспорта с бензина и дизельного топлива на электричество. Только в 2022 году в рамках федерального пилотного проекта в регионе будет создано 50 быстрых электрозаправок. Разумеется, увеличение их количества предусмотрено и в будущем.

Для развития альтернативных источников энергии мы прорабатываем проекты по созданию ветропарков суммарной мощностью более 250 МВт с ТТК-1, ВЭС «Свирица» и другими компаниями. Кроме того, стоит уделить внимание повышению степени переработки отходов — речь не только непосредственно о мусоропереработке, но и о создании комплексной системы обращения с отходами в регионе — это сортировка, обработка, обустройство контейнерных площадок.

Все три составляющие ESG — вопросы экологии, решение социальных конфликтов или выстраивание эффективного менеджмента — сегодня одинаково актуальны как для бизнеса, так и для власти. Игнорирование принципов устойчивого развития в обоих случаях приведет к имиджевым и финансовым потерям.

САМЫЕ ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ESG-ПРОЕКТЫ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

«Открытый бюджет»

Портал «Открытый бюджет» Ленинградской области создан в 2014 году. С его помощью каждый житель региона может получить актуальную информацию об источниках формирования доходов и основных направлениях расходования бюджетных средств в доступной форме.

На портале не только представлена вся финансовая информация региона, но и есть возможность обратной связи: каждый житель области может направить свои предложения по корректировке главного финансового документа — бюджета.

С помощью портала в работе над бюджетом региона было сформировано и учтено 72 предложения от жителей Ленинградской области. Ежегодно во время представления главного финансового документа с его проектом на портале «Открытый бюджет» знакомятся порядка 13 тыс. человек.

«Проектное сито»

С 2017 года в Ленинградской области для оценки проектов и принятия решения об отнесении их к приоритетным используется инструмент «проектное сито». Набор критериев, по которым оценивается проектная инициатива: стратегическая важность, инновационность/рискованность, доля частного капитала в объеме инвестиций проекта, объем затрат из областного бюджета, число задействованных органов исполнительной власти, уровень заинтересованности в проекте (федеральный, областной или местный), влияние на социально-экономическое развитие Ленинградской области или ее отдельных территорий. Также учитывается управленческая сложность проекта.

В результате на основании критериев формируется портфель приоритетных проектов Ленинградской области. Сейчас портфель включает в себя 2 приоритетные программы проектов, а также 12 приоритет-

ных проектов. Проекты охватывают разные социально-экономические сферы: от создания суперсервиса «Рождение ребенка» до развития сети экологических маршрутов (проект «Тропа 47»), от создания системы обращения с твердыми коммунальными отходами до внедрения сервиса для инвесторов «Зеленый коридор».

Приоритетные проекты реализуются в Ленинградской области с 2017 года. Часть из них уже завершены, например программа проектов «Улучшение инвестиционного климата в Ленинградской области», проект «Единый водоканал Ленинградской области».

Генерация на свалочном газе

На полигоне «Новый свет ЭКО» в Гатчинском районе Ленинградской области работает современная станциядегазации, которая производит электроэнергию из свалочного газа.

Полигон обустроен газосборочной системой: большие компрессоры высасывают газ из тела полигона и подают в газопоршневые установки, которые генерируют электричество. Затем оно подается в городскую сеть, а также используется для нужд полигона, отопления и зарядки электрический спецтехники.

Во всем мире широко используют практику дегазации полигонов, то есть сбора и повторного использования свалочного газа. Из 1 тонны влажных бытовых отходов можно получить 150–250 куб. м газа. При этом он обладает огромным потенциалом для использования в качестве топлива, ведь большая его часть приходится на метан. Калорийность свалочного газа может составлять от 3,5 до 5,5 кВт•ч/куб. м.

В результате ежегодно удается переработать более 9 млн куб. м свалочного газа и таким образом снизить вредные и парниковые выбросы полигона, в том числе обезопасив его от возгорания.

регенерация

Социальные инновации требуют условий

— инструменты —

Для решения комплексных социальных и экологических задач в обществе необходимы глубокие системные изменения, достичь которых классическими вертикальными методами зачастую невозможно из-за недостатка ресурсов или недоверия к принятым решениям. Поиск новых идей и технологий требует новаций, способствующих позитивным изменениям больших систем и решению долгосрочных задач. Появлению и масштабированию таких новаций могут способствовать условия, создать которые в силах государство, местные власти, бизнес и некоммерческий сектор.

Глобальные вызовы стали чаще привлекать внимание людей, принимающих решения, к потенциалу социальных инноваций и изучению условий, способствующих их появлению и развитию. В сентябре текущего года Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выпустила гид для построения местной экосистемы социальных инноваций (A Methodological Framework «Building Local Ecosystems for Social Innovation»), способствующих устойчивому развитию с учетом потребностей местных сообществ и окружающей среды. Авторы утверждают, что социальные инновации применимы в любой сфере, например в здравоохранении для профилактики заболеваний или обеспечения специального ухода за больными, в области финансов (микрокредитование), в образовании (переход на онлайн-обучение) и других областях. Но так как такие новации учитывают конкретные локальные условия, то при переносе на другую географию или в другие условия они требуют серьезной адаптации. Ключевая особенность социальных инноваций — это вовлеченность в их разработку и реализацию большого количества заинтересованных сторон.

Первый опыт оценки социально-инновационного потенциала стран принадлежит журналу The Economist. В 2016 году аналитики издания выпустили Индекс социальных инноваций, куда вошли 45 стран. Он включил оценку четырех параметров: политико-институционального (программы поддержки социальных инноваций, исследовательская деятельность, регулирующие законы), финансового (наличие программ финансирования, доступность кредитов и прочее), качества предпринимательской среды и гражданского общества (вовлеченность общества в гражданские процессы, готовность к волонтерству, доверие к институтам власти, свобода прессы). Россия в рейтинге заняла 30-е место (24-е место — по политическому контексту, 32-е — по финансам, 41-е — по предпринимательству и 43-е — по гражданскому обществу).

Участники процесса и взаимодействие между ними

Социальные инновации рождаются из максимального взаимодействия всех заинтересованных сторон, а их эффект достигается благодаря многообразию и междисциплинарности. В поиске действенных решений острых локальных вопросов погружение в контекст имеет важнейшую роль. Такой подход дает возможность увидеть проблему полностью, как и ее последствия. По этой же причине включение выгодополучателей в обсуждение инновации на самых ранних стадиях ее разработки не дань инклюзии, а способ сократить риски.

Согласно гиду ОЭСР, наиболее эффективные социальные инновации предполагают взаимодействие бизнеса, госсектора и гражданского общества (НКО, активисты, объединения, эксперты), а для измерения полученных изменений необходимы исследовательские институты. Частный сектор может участвовать навыками и компетенциями, иногда — ресурсами, гражданский — конкретизировать потребности общества и сформировать его доверие и вовлеченность в инновацию, госсектор — разработать целевую программу поддержки изменений (например, по созданию инфраструктуры) и создать среду для обмена знаниями. Функцию управления и упрощения механизмов взаимодействия, необходимую для обеспечения равных условий всем участникам, может взять на себя любой игрок, либо участники могут привлечь третью сторону.

Непредсказуемость и большое количество участников делают процесс экспериментальным и нелинейным. Поэтому разработку и воплощение инновации в жизнь, как и социальная трансформация, могут потребовать значительного количества времени. Поэтому в ОЭСР рекомендуют находить способы тестирования гипотез на ранних стадиях. Кроме того, в фокусе социальных инноваций не только результаты — в равной степени внимание уделяется и процессу. Редко для качественных преобразований в обществе подходят традиционные методы работы, поэтому либо они значительно корректируются, либо создаются новые. Это касается и методов взаимодействия между участниками процесса и партнерами. Так как социальные новации зачастую реализуются новым, неизведанным путем, авторы гида предостерегают от большого количества ограничений и слишком усердного избегания рисков в этом процессе.

Важная роль в социальных новациях, в том числе на этапе тестирования, отводится измерению результатов. Это не только доказывает вклад соответствующих программ и активностей в изменение больших систем, но и позволяет отслеживать процесс и корректировать его по необходимости.

Независимая внешняя оценка вызывает больше доверия со стороны общества и бенефициаров.

Социальные изменения происходят одновременно на нескольких взаимосвязанных уровнях и в некоторых случаях могут вызывать побочный эффект в виде непредсказуемых изменений в смежных видах деятельности. Кроме того, непростой задачей в измерении результатов социальных новаций является определение границ, в которых заканчивается эффект от конкретных программ: нельзя исключать, что другие факторы, будь то технический прогресс или смена культурной парадигмы, оказали влияния на измеряемую трансформацию. Примерами таких методик измерения эффективности авторы называют оценку социального возврата на инвестиции (SROI), стандарты глобальной инициативы по отчетности в области устойчивого развития (GRI), а также индикаторы оценки достижения Целей устойчивого развития ООН.

Условия для экосистемы

Для решения сложных экологических и социальных задач недостаточно оказывать поддержку тому или иному проекту. Нужно формировать среду для появления и развития социальных новаций. ОЭСР выделяет несколько системообразующих факторов: особенности местной культуры, законов и регулирования, наличие гражданских институтов, сообщество социальных инноваций и наличие ресурсов, в том числе финансирования.

Авторы гида подчеркивают, что политика, стимулирующая развитие среды для таких нововведений, не может быть универсальной для всех регионов и должна развиваться с учетом местного контекста. Программа действий, способствующая формированию условий для социальных инноваций, зависит от уровня развития местной среды. Предлагается прежде всего определить заинтересованных в них стороны и создать условия для их взаимодействия. Задать контекст для совместной работы позволит информация, описывающая потребности местного сообщества и окружающей среды, доступность ресурсов, включая господдержку, и особенности регионального регулирования. Следующий этап развития среды даст создание инфраструктуры. Важную роль может сыграть информированность участников о доступных финансовых программах и инструментах, включая налоговые стимулирование и субсидии. Важно также включение социальных и экологических параметров в условия выбора госпредпринимателей. Это даст дополнительные возможности проектам, ориентированным на позитивное воздействие. Дробление объемов закупок и расширение списка организационных форм подрядчиков откроет путь небольшим местным организациям.

Екатерина Колчанова

Мера подлинного благополучия

— инструменты —

По мере того как идеи социальной и солидарной экономики выходят на первый план, вопрос критериев оценки результатов соответствующих проектов становится все более актуальным. Аналитики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) обобщили подходы к измерению результатов проектов в социальной и солидарной экономиках разных странах.

Доказательная база

В поисках замены исчерпавшей себя модели экономического роста все больше людей обращается к идеям социальной и солидарной экономики, где во главу угла ставятся достижение всеобщего благополучия и непричинение вреда. Основой для этого становятся социальные предпринимательство и банкинг, а также высокий уровень ответственности традиционного бизнеса.

Любой проект, в названии которого есть слово «социальный», по умолчанию воспринимается со знаком «плюс», однако от держателей таких проектов все чаще ждут обоснования вклада их активностей в развитие общества и решение его проблем, говорится в исследовании «Измерение социального воздействия в социальных и солидарных экономиках», опубликованном ОЭСР в сентябре 2021 года. Такой запрос часто поступает от инвесторов в социальные проекты. Организация Global Impact Investment Network оценила рынок социальных инвестиций в 2020 году в \$715 млрд, тогда как в 2018 году этот показатель составлял чуть более \$200 млрд.

Растет потребность инвесторов и в качественной отчетности проектов. В такой информации нуждаются и сами субъекты солидарной и социальной экономики. Им необходимо эффективно распределять ресурсы, развивать инновационный подход к своей деятельности. Без четких метрик и понимания, какие результаты даст программа, сделать это трудно.

Оценка благополучия

Ключевой критерий успешности бизнес-проекта — прибыль. Но как измерить «благополучие», «счастье», «качество жизни», «общественное благо», которыми оперируют социальные проекты? Единой, признанной на международном уровне методологии оценки социального воздействия до сих пор нет.

Основываясь на опросах представителей отрасли в Бразилии, Канаде, Индии, Корее, Мексике и США, аналитики ОЭСР систематизировали опыт измерения результатов проектов и программ, выделив несколько групп практик, которые чаще всего используются при оценке их социальной эффективности. Практики выстроили от самых простых, не требующих больших усилий и ресурсов, до самых сложных — связанных с анализом большого количества данных.

Среди самых доступных методов — определение потенциального воздействия программы или проекта. Организации должны разработать теорию изменений, которая лежит в основе их миссии. В идеале эта работа должна вестись во взаимодействии с группами людей, которые будут пользоваться результатами проекта или программы. Следующий шаг — количественный подсчет результатов проекта и бенефициаров, которые получили выгоду от проекта.

Эффективным также считается сбор отзывов заинтересованных сторон. В зависимости от ресурсов организации можно использовать онлайн-форму обратной связи или проведение опросов и фокус-групп.

При оценке эффективности проектов можно опираться и на стандартные метрики. Многие международные организации уже разработали их для оценки рынка труда, уровня бедности и других общественно значимых показателей. По данным ОЭСР, в число часто применяемых международных стандартов входят система показателей достойного труда IRIS+ и руководство Global Reporting Initiative по отчетности в области устойчивого развития.

регенерация

«Деньги создают безграничные возможности для решения самых сложных задач в обществе»

Представители института развития и частного сектора — о предпосылках, условиях и перспективах развития проектов социального воздействия в России, а также роли государства и бизнеса в их поддержке и масштабировании.

Светлана Ячевская,
зампред ВЭБа:
— Часть S (социальные факторы) в аббревиатуре ESG, которая прочно закрепилась в главных трендах последнего года, часто уходит в тень в дискуссиях о новой ответственности бизнеса, уступая место более популярной и понятной E (экологические факторы). Но в этой аббревиатуре, призывающей бизнес становиться устойчивее, помимо прибыли важны все составляющие. Более того, именно в части социальной ответственности у российских компаний в последние годы накоплен заметный опыт. Важная часть в социальной части — импакт-инвестиции. Сегодня в России одна из самых привлекательных форм импакт-инвестирования — это социальные проекты, которые напрямую влияют и на ESG-рейтинги компаний.

Это проекты, в которых частный инвестор направляет средства на достижение заранее установленных социальных эффектов и выплата с доходностью инвестору напрямую зависит только от их достижения. И речь не о косвенных социальных результатах, а о конкретном, измеримом и заранее определенном совместно с публичным партнером социальном эффекте. К примеру, инвестор берет на себя обязательство обеспечить повышение качества образования школьников, выраженное в индивидуальном прогрессе каждого ученика. Если результат будет достигнут, государство выплачивает грант в форме субсидии инвестору. Такой проект, как правило, выполняется с привлечением ведущих экспертов и предполагает отработку новой технологии работы в социальной сфере в пилотном режиме. Это не благотворительность, а инвестиция: достижение социального эффекта обеспечивает доходность инвестору.

ВЭБ.РФ с 2019 года развивает это направление в России и вместе с Минфином является его методологом. Мы выполняем роль оператора проектов социального воздействия и являемся медиатором между государством, бизнесом и НКО. Проекты социального воздействия — единственный закрепленный постановлением правительства механизм импакт-инвестирования в России. Сегодня в стране реализуются пять таких проектов: по одному в сфере образования, здравоохранения и три в сфере соцобслуживания. Четыре из пяти — на Дальнем Востоке. Объем частных инвестиций в них составил более 200 млн руб. (более \$2,7 млн). Конечно, по сравнению с объемами, которые мы видим в мире (225 схожих проектов, из которых завершено 47 и 178 реализуются, объем вложений — почти \$550 млн), мы только в начале пути. Но нужно обратить внимание на динамику. Меньше чем за два года, учитывая год пандемии, пять проектов. В мире за первые два года действия механизма (2010–2012 годы) запу-

предоставлено ВЭБ.РФ

щено 14 проектов. Сейчас, конечно, темпы другие: за 2020 год в мире стартовало 23 проекта. В высокой стадии проработки в России еще семь проектов более чем на 300 млн руб. В будущем мы намерены реализовать их по принципу «плата за успех» не только в регионах, но и на федеральном уровне. Заинтересованные компании могут к ним присоединиться. Мы готовы вместе с бизнесом структурировать выгодные социально ориентированные проекты, организовать работу по определению их эффектов и справедливой оценке и минимизации рисков, чтобы привлечь в проекты более крупных и профессиональных инвесторов и финансовые организации.

Но за вопросами о финансах и рейтингах нельзя забывать об основной идеологии импакт-инвестиций — улучшении жизни людей, на благополучие которых направлены проекты. Это самый важный эффект вложения средств. Реализуя такие проекты, мы не просто решаем проблемы отдельной группы людей, но и закладываем основу для положительных изменений в обществе в целом. Технологии реализации пилотных проектов, достигнутые социальные эффекты и отдельные выводы могут стать основой для совершенствования механизмов реализации социальной политики государства.

В настоящий момент мы ведем переговоры об увеличении господдержки таких проектов. Ведь привлечение частных инвестиций в социальную сферу позволяет решать задачи государства эффективнее и, как правило, дешевле. Мы прорабатываем совместно с Минвостокразвития вопрос федерального софинансирования проектов социального воздействия. Надеюсь, что с 2022 года наряду с запуском новых проектов в субъектах РФ такие проекты его получат.

Оксана Косаченко,
президент благотворительного фонда «Система»:
— Развитие инвестиционных возможностей, выход на рынок молодых инвесторов и предпринимателей диктуют не только смену парадигмы ведения бизнеса с учетом факторов ESG. Эти люди выросли на фоне активного обсуждения проблем социального равенства, ответственного потребления, экологии. Они ищут инструменты, которые помогут их деньгам приносить больше пользы людям и создавать прибыль, выходящую за рамки традиционных представлений о бизнесе. Деньги могут создавать безграничные возможности для решения самых сложных задач в обществе.

Импакт-инвестированию можно найти несколько официальных определений. Один из первых импакт-инвесторов — сэра Рональд Козэн — определил импакт как денежное выражение эффекта от деятельности для людей и планеты. Global Impact Investment Network называет импактными инвестиции, сделанные с намерением оказать положительное, измеримое социальное и экологическое воздействие наряду с финансовой отдачей. В таких проектах последняя обязательна. По разным оценкам, объем импакт-инвестиций в мире достиг порядка \$700 млрд — около 1% мировых активов под управлением. Разброс оценок — следствие неустоявшихся методологий определения импакта и подсчета объема таких вложений в мире.

Для компании, ответственно ведущей бизнес и вместе с тем решающей сложные проблемы во множестве областей, включая образование, нехватку кадров или здравоохранение, вопрос результатов таких вложений выходит на первый план. Проекты социального воздействия, как это определяет правительство РФ (social impact bonds, SIB — в мировой практике), — это ресурс, позволяющий добиться соответствующих изменений, а государству — сэкономить на будущих расходах, если решать существующие в регионах проблемы на раннем этапе.

Несмотря на то что в наименовании услуги значится слово «облигация», по существу, никаких бондов не выпускается, скорее речь идет контрактах с оплатой при достижении результата. SIB — это финансовый инструмент, в котором государство является «заказчиком» улучшений в жизни граждан, которые могут быть оцифрованы еще перед запуском проекта — эти показатели и будут служить данными по достижению результата проекта. Проект часто финансирует частный инвестор, который может привлечь исполнителя или реализовать его самостоятельно. В случае достижения абсолютного результата государство выплатит организатору грант в форме субсидии — «плату за успех».

Большое внимание к SIB появилось после финансового кризиса, поскольку они оказались привлекательной возможностью для финансирования социальных проектов в ряде стран. Первый проект SIB, запущенный в Великобритании в 2010 году, был направлен на снижение рецидивизма. Уже через пару лет по схеме SIB начали реализовываться проекты во всем мире.

Безусловно, нельзя говорить о решении глобальных проблем и титанических социальных изменениях исключительно посредством SIB. Они могут рассматриваться как дополнительный, а не

предоставлено Фондом «Система»

которые с большей вероятностью получат ожидаемый результат, и оставлять вне своего фокуса наиболее сложные задачи. Но стоит отметить и неоднозначную пользу, которую принесли проекты, реализуемые по схеме SIB, — это мониторинг и измерение социальных результатов на каждом этапе проекта, что позволяет точнее выявлять проблемы и подбирать самый эффективный способ их решения.

В июне 2021 года на ПМЭФ БФ «Система» подписал с ВЭБ.РФ и администрацией Костромской области соглашение о реализации SIB-проекта, в котором фонд станет инвестором и исполнителем. Он касается подготовки кадров для лесной и деревообрабатывающей промышленности и рассчитан на три года. Его результатом должно стать закрытие потребностей регионального предприятия группы АФК — Галичского фанерного завода — в пополнении кадров на 18% ежегодно от текущих потребностей. Показатели проекта зафиксированы в его паспорте, который неоднократно проверялся компанией «Сетежа», которой принадлежит завод в Галиче, и правительством области. Эффект от реализации проекта указан в абсолютных показателях. Только при стопроцентном исполнении обязательств государство возместит расходы на его реализацию.

Ни один такой проект не может быть успешен без полного взаимопонимания и поддержки региональных властей. Пока лишь самые продвинутые и понимающие важность социальных изменений регионы подключились к таким проектам. SIB — новый и не до конца изученный инструмент, но время диктует необходимость поиска современных инструментов.

Сегодня импакт-сообщество обсуждает две важные проблемы: необходимость бизнеса активнее включаться в импакт-экономику и большей включенности в проекты самого государства или его агентов. Первый вопрос компании, которые не ориентируются лишь на быстрый и кратный рост вложений и постепенно повышают уровень доверия к социальному бизнесу, для себя уже решили. Вторую задачу по силам решить основному оператору проектов SIB — ВЭБ.РФ: рынку нужно больше знаний об импакт-инвестировании. Одновременно рынок хотел бы видеть пример со стороны института развития в том, как можно активно и с пользой инвестировать в решение важных социальных задач.

Мера подлинного благополучия

— инструменты —

Существуют также готовые инструменты оценки социального воздействия. Среди них — руководство по самооценке для социальных предпринимателей SAMforSE, в котором измеряются 11 параметров. В Южной Корее используется Индекс социальной ценности (SVI), который ранжирует организации в зависимости от социальной ценности их деловой активности.

Более сложный подход — измерение благополучия группы людей, для которой разрабатывается программа или проект, и оценка вовлеченности сообщества в их реализацию. Так, с 2015 года организация One Acre Fund собирает данные о качестве жизни фермеров в Африке, для которых она разрабатывает социальные программы.

Еще один способ — проведение независимой оценки. Тщательно изучаются количественные и качественные показатели проекта, первичные и вторичные долгосрочные эффекты. Этот подход требует опыта, а часто и больших затрат, поэтому редко применяется НКО, он может быть полезен при измерении влияния программ бизнеса или государства.

Наконец, можно определить эффект социального проекта в денежном выражении, для чего чаще всего используются анализ «затраты—выгоды» (CBA) и социальный возврат на инвестиции (SROI).

Предмет договоренности

Сейчас эксперты ищут общий язык и терминологию, отмечает независимый консультант по мониторингу и оценке проектов социальной направленности Наталья Кошелева, и появление работ, подобных исследованию ОЭСР, — отражение этого. Одна из ключевых проблем в оценке социального воздействия, по ее мнению, в том, что его результаты зачастую находятся вне контроля людей, которые их производят. «Если вы чему-то научили человека, не факт, что он будет применять знания на практике», — говорит эксперт. — Если вы обеспечили ребенка-сироту квартирой, нет гарантий, что он ее не продаст и не окажется на улице».

С этим соглашается и директор проектного офиса «Русатом Инфраструктурные решения» Дмитрий Пришин: «Как правило, если людям приносят что-то на блюдечке, они это не ценят и требуют больше. С такой проблемой часто сталкиваются предприятия в моногородах. Когда социальные инициативы сильно раскочены, взаимопонимание с жителями не улучшается. Население считает, что концерты не те, конкурсы скучны — их нужно удивлять все время. По-моему, эффективнее социально преобразующие инвестиции (impact investing): все вкладываются, чтобы получить прибыль, но и рискуют все».

Сложность заключается и в том, что результаты некоторых программ можно увидеть лишь в долгой перспективе, отмечает Наталья Кошелева. Иногда проект завершен, но эффекты от него идут по нарастающей в течение пяти лет и дольше.

«Вопрос об измерении социального воздействия решается грантоодающими организациями разными способами», — отмечает директор Центра социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ Александра Москвская. — В целом фонды уже умеют это делать и обычно оценивают число получателей, качественные и количественные изменения, полученные в целевых группах, и их соответствие целям».

При измерении социального воздействия нужно уметь выявлять причинности, связь между воздействием и итоговым результатом, говорит директор по исследованиям Центра перспективных управленческих решений Михаил Комин. Основная группа методов установления причинности основана на поиске естественных экспериментов — ситуаций, когда при реализации социального воздействия произошло разделение на группу, к которой применялась та или иная программа, и на контрольную группу, — которая воздействия не испытывала.

По мнению Михаила Комина, важно вовлекать бенефициаров проекта в его реализацию, до его окончания, что позволяет вовремя корректировать проект. Также нужно избегать жестких KPI. «Например, мы планировали снизить на определенной территории бедность до конкретного уровня. Если вы не достигли этого, не следует думать, что программа плоха. Возможно, показатель был завышен. Или вы создали другие эффекты, которые привели не к прямому росту доходов, а, допустим, к росту качества здравоохранения или повышению доступности образования», — поясняет эксперт.

Хотя запрос на единую методику измерения социального воздействия существует, аналитики ОЭСР указывают и на возможные риски в случае, если унифицированный подход все-таки будет разработан. «Это может вызвать непредвиденные последствия за счет увеличения бремени отчетности, противодействия новаторским методам, ущемления новых или небольших организаций, у которых нет ресурсов, чтобы следовать протоколу», — указывают они. О негативной стороне унификации предупреждает и Александра Москвская: «Многие ждут единую методику измерения социального воздействия, но если ее выберут и внедрят, то может провалиться часть социальных обязательств государства. Общий подход возможен, но он не будет простым для использования — его нужно дополнять контролем рисков».

Наталья Горова

«Объяснение смысла углеродного регулирования увеличивает его поддержку»

— мнение —

Профессор Уральского федерального университета и научный сотрудник Института наук и технологий об окружающей среде ИВАН САВИН о том, почему государству важно разъяснять то, как работают инструменты климатической политики, и как это влияет на их поддержку и поддержку властей.

Угроза глобального потепления реальна и в 2021 году обсуждается особенно активно как в мире, так и в России. Но при всей важности и срочности поиска решений для ее смягчения развитые и развивающиеся страны сталкиваются с одной и той же проблемой: низкой поддержкой среди населения введения достаточно жестких и эффективных инструментов климатической политики, которые смогли бы снизить выбросы парниковых газов. Игнорирование этой проблемы может привести к печальным последствиям. Достаточно вспомнить выступления «желтых жилетов» во Франции и схожие протесты против повышения цен на углеродное топливо позднее в Чили в 2018–2019 годах.

Возьмем для примера установление платы за выбросы углерода, которое многие экономисты, включая нобелевского лауреата 2018 года Уильяма Нордхауса, считают наиболее перспективным инструментом в борьбе с изменением климата. Такая плата уже применяется к почти 22% всех мировых выбросов парниковых газов в атмосферу (хотя ее размер пока значительно ниже требуемого), а платеж может выражаться в форме углеродного налога или рынка углеродных сертификатов, что несильно меняет суть инструмента и его влияние на экономику в целом. Одна из ключевых причин низкой поддержки этого инструмента заключается в том, что большинство людей просто не понимает, как он работает. Это непонимание может вызвать у них недоверие к правительству и неприятие самих политических инициатив. Красноречивая иллюстрация этого — результаты опросов общественного мнения в разных странах, которые указывают на предпочтения в пользу расходования собранных от углеродного налога средств на климатические

проекты. Иными словами, люди не верят, что налог что-то может изменить, и предлагают потратить деньги на защиту окружающей среды, чтобы «хоть как-то» остановить изменение климата.

В новом исследовании, опубликованном в Nature Communications и поддержанном Российским научным фондом, мы с коллегами провели эксперимент в рамках опроса общественного мнения, где половину участников мы проинформировали о том, как углеродный налог работает и почему он сам по себе способен изменить поведение фирм и конечных потребителей. В частности, мы объяснили, что налог повлияет на повышение цены тех товаров и услуг, в процессе создания которых производится больше выбросов парниковых газов в атмосферу, и таким образом побудит переходить на те товары и услуги, выпуск которых требует меньше высокоуглеродных источников энергии. В результате мы обнаружили, что после получения этой информации люди высказывались о введении налога значительно более одобрительно по сравнению с теми, кому никакого разъяснения дано не было. Схожего эффекта удалось добиться, объяснив, на что будут тратиться собранные от налога деньги (на те

основной механизм предоставления соц. услуг. Корпорации, практикующие социальную ответственность, рассматривают SIB как возможность масштабирования их филантропических проектов. Компании могут использовать вернувшиеся от реализации импакт-проекта средства в другой такой программе. Не следует недооценивать и имиджевый фактор как стимул для участников SIB. Опрос, проведенный Институтом Брукинса, показал: инвесторы с большей готовностью включаются в проекты SIB, если такая инициатива реализуется в стране или в секторе впервые.

В странах, которые можно считать драйверами таких проектов, обсуждается риск того, что их инвесторы и исполнители завуалируют нежелательные результаты, выдавая за целевые показатели только те, которые исполнить легче всего. Ведь исполнители могут сами выбирать бенефициаров, и оставлять вне своего фокуса наиболее сложные задачи. Но стоит отметить и неоднозначную пользу, которую принесли проекты, реализуемые по схеме SIB, — это мониторинг и измерение социальных результатов на каждом этапе проекта, что позволяет точнее выявлять проблемы и подбирать самый эффективный способ их решения.

В июне 2021 года на ПМЭФ БФ «Система» подписал с ВЭБ.РФ и администрацией Костромской области соглашение о реализации SIB-проекта, в котором фонд станет инвестором и исполнителем. Он касается подготовки кадров для лесной и деревообрабатывающей промышленности и рассчитан на три года. Его результатом должно стать закрытие потребностей регионального предприятия группы АФК — Галичского фанерного завода — в пополнении кадров на 18% ежегодно от текущих потребностей. Показатели проекта зафиксированы в его паспорте, который неоднократно проверялся компанией «Сетежа», которой принадлежит завод в Галиче, и правительством области. Эффект от реализации проекта указан в абсолютных показателях. Только при стопроцентном исполнении обязательств государство возместит расходы на его реализацию.

Ни один такой проект не может быть успешен без полного взаимопонимания и поддержки региональных властей. Пока лишь самые продвинутые и понимающие важность социальных изменений регионы подключились к таким проектам. SIB — новый и не до конца изученный инструмент, но время диктует необходимость поиска современных инструментов.

Сегодня импакт-сообщество обсуждает две важные проблемы: необходимость бизнеса активнее включаться в импакт-экономику и большей включенности в проекты самого государства или его агентов. Первый вопрос компании, которые не ориентируются лишь на быстрый и кратный рост вложений и постепенно повышают уровень доверия к социальному бизнесу, для себя уже решили. Вторую задачу по силам решить основному оператору проектов SIB — ВЭБ.РФ: рынку нужно больше знаний об импакт-инвестировании. Одновременно рынок хотел бы видеть пример со стороны института развития в том, как можно активно и с пользой инвестировать в решение важных социальных задач.

же климатические проекты, в пользу потребителей с низким уровнем доходов или поровну между всеми потребителями). Отсутствие же объяснения, на что будут тратиться деньги, может создать впечатление, что это всего лишь предлог, чтобы собрать с населения больше налогов.

Наше исследование показывает, что информирование граждан о том, как будет работать новый инструмент климатической политики, оказывается стратегией, от которой выигрывают все. Потребители начинают больше поддерживать эффективные инструменты климатической политики, что повышает вероятность избежать наиболее опасных последствий глобального потепления. Правительству удастся вводить новые экономические инструменты с меньшими для себя издержками (в форме недовольства и протестов граждан) и, вероятно, даже повысить свой рейтинг среди населения, поскольку они могут ответственно заявлять, что вводимые ими меры направлены на предотвращение опасной угрозы.

На фоне недавно прошедшего в Глазго климатического саммита ООН и разворачивания соответствующих инициатив правительства России (например, пилотный проект рынка углеродных сертификатов на Сахалине) видится особенно важным, чтобы руководство страны наряду с изучением экологической и экономической эффективности инструментов климатической политики (насколько эти инструменты способны достичь поставленной цели и каковы издержки их использования) уделяло особое внимание тому, насколько эти инструменты используются поддержкой среди населения. Это важно как с точки зрения мониторинга того, какие социальные группы несут на себе большие издержки от применения этих инструментов (например, в бюджете малообеспеченных семей высокоуглеродные услуги как транспорт и отопление имеют больший вес), чтобы компенсировать эти издержки. Другая причина заключается в том, что с течением времени строгость климатических инструментов — а значит, и издержки от них — будет, скорее всего, только расти, а потому завоевать поддержку населения потом будет еще сложнее, и нужно озботиться этим уже сейчас.

регенерация

Бережная северная цивилизация

Внимательное и рачительное отношение к природным экосистемам и людям в силу расположения, сурового климата и культурно-этнического состава региона всегда требовалось от правительства Якутии. В ней сосредоточено 30% нетронутой природы России и порядка 10% — мира, треть российских и 7% мировых лесов. Республика — лидер округа по ожидаемой продолжительности жизни и приросту населения, а численность малочисленных народов Севера в республике с 1989 года выросла на 60%. Повестка устойчивого развития, которая реализуется стратегией развития региона в XXI веке, в том числе предполагает в течение десяти лет вхождение Якутии в «клуб 80+» и реализацию «зеленых» проектов, призванных увеличить инвестиционную привлекательность и смягчить последствия глобальных климатических изменений. «Ъ-Регенерация» рассказывает о ключевых программах и проектах республики.

— проекты —

На передовой климатических изменений

Последствия изменения климата в Якутии заметны как нигде в России: таяние мерзлоты, «супержара-2021», лесные пожары. Все это требует усиленной охраны лесов, защиты почв и мерзлоты, которые в том числе являются резервуарами для углерода. «Согласно исследованиям ООН по климату, сегодня Арктика из-за глобального изменения климата нагревается вдвое быстрее, чем остальная поверхность земли. Такие изменения могут привести к таянию вечной мерзлоты, сокращению ледников в Арктике. Поэтому нам важно выработать действенные меры и решения, направленные на предотвращение климатических проблем», — отметил глава Якутии Айсен Николаев, выступая на XXVI Климатической конференции ООН.

Помимо научных исследований и экспериментов по лесовосстановительным технологиям и увеличению интенсивности поглощения углекислого газа в почве в Якутии с середины 90-х годов прошлого века проводится самый известный в мире эксперимент, призванный противостоять изменению климата, — «Плейстоценовый парк». Его цель — воссоздать арктические экосистемы в том виде, в котором они были до появления человека, — в виде высокопродуктивных степей с травяным покровом — и заселить в современную тундру крупных животных, присутствие которых поддержит рост травы и прочей растительности, поглощающей CO₂ из атмосферы (см. «Ъ» от 3 декабря 2018 года). Вероятно, совместно с гарвардскими учеными «Плейстоценовый парк» будет участвовать в проекте возрождения мамонтов.

В сентябре 2023 года в рамках председательства России в Арктическом совете в Якутии запланировано проведение Всемирного саммита по вопросам климата и таяния вечной мерзлоты, который внесет свой вклад в укрепление международного сотрудничества в решении этих проблем.

Автономная низкоуглеродная энергетика

Удаленным районам республики необходима эффективная и экологичная автономная энергогенерация. В декабре 2020 года в поселке Тикси заработал уникальный для России ветродизельный комплекс. Он управляется автоматизированной системой, в которой объединены три ветроэнергетические установки мощностью 900 кВт, дизель-генераторы мощностью 3 МВт и система аккумуляирования электроэнергии. Оборудование комплекса адаптировано к работе в условиях Заполярья: ветроустановки могут работать при температуре до -50°C и способны выдержать ветер скоростью до 70 м/с. Высота каждой из ветроустановок — 41,5 м, диаметр лопастей — 33 м. Оборудование произведено японской компанией Komaihaltes. Использование ветроустановок и современных эффективных дизельных агрегатов позволит снизить расход топлива более чем на 500 тонн в год. Схожие проекты планируется реализовать в других населенных пунктах республики и регионах России. Проект реализуется совместно с правительством Якутии, компанией «РусГидро» и правительственной Организацией по разработке новых энергетических и промышленных технологий Японии.

В Арктической зоне Якутии совместно с ГК «Росатом» будет построена и первая наземная атомная станция малой мощности (АСММ). Ее строительство уберет основные

инфраструктурные ограничения для запуска перспективных коммерческих проектов на территории Северо-Якутской арктической зоны и обеспечит стабильность цен на электрическую энергию, что поможет привлечь новых инвесторов в регион и повысить качество жизни местного населения. Эксплуатация АСММ в Усть-Янском районе позволит сократить углеродный след региона, снизить объемы дизельной генерации, а в перспективе отказаться от нее. «Использование атомной генерации позволит привлекать „зеленое“ финансирование для реализации таких проектов», — считает замгендиректора по работе с экспертами проектного офиса развития Арктики Александр Воротников.

Летом текущего года Якутия и «РусГидро» при содействии Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) также запустили в поселке Улахан-Кюель первый автоматизированный гибридный энергокомплекс в составе ДЭС, СЭС и системы накопления энергии в рамках энергосервисного контракта. Инвестор проекта — ООО «Комплексные энергетические решения». Мощность электростанции — 1125 кВт, включая солнечную генерацию — 400 кВт. Высокоэффективное оборудование и возобновляемая энергетика позволят снизить расход дизельного топлива по сравнению с существующими значениями на 30%. «Благодаря вводу гибридной электростанции жители смогут получить более дешевую, экологически чистую и стабильную электроэнергию. До 2024 года мы планируем аналогично модер-

низировать дизельные электростанции еще в 71 населенном пункте, что повысит качество жизни населения на отдаленных территориях», — говорит Айсен Николаев.

Кроме того, летом нынешнего года представители КРДВ, научно-производственного объединения «Северо-Восточный альянс», компаний «Якутия-Газ» и «Химмаш-Аппарат» подписали соглашение о сотрудничестве в реализации инвестпроекта по производству и хранению безуглеродных энергоносителей в виде аммиака как носителя водорода и гелия в Западной Якутии стоимостью 250 млрд руб., что позволит создать 2 тыс. рабочих мест. В рамках проекта планируется создать системы сбора и долгосрочного хранения гелия в течение 50–100 лет.

Управление охраняемыми территориями в Арктике

Арктика изоблается от мусора, оставленного в прошлом веке, благодаря проектам «Чистая Арктика» и очистки Арктической зоны Якутии — в июне подписан паспорт проекта очистки ее прибрежной части от металлолома. В рамках реализации проекта за пять ближайших лет планируется вывезти около 100 тыс. тонн лома из арктических районов республики.

Якутия лидирует по доле особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в площади региона среди регионов России. ООПТ сегодня занимают почти 38% ее территории. В декабре 2020 года утверждена схема развития ООПТ республики до 2032 года с пер-

спективой до 2050 года. В 2018 году созданы заказник «Новосибирские острова» и национальный парк «Ленские столбы». В 2020-м созданы национальный парк «Кыталык» и заповедник «Медвежий острова».

Добывающая отрасль требует озеленения

Постоянно растущая добыча полезных ископаемых в регионе требует озеленения промышленности. Так, Якутская топливно-энергетическая компания запускает установку комплексной подготовки попутных газов на Средневилюйском газоконденсатном месторождении. Она позволит сократить выбросы парниковых газов более чем на 150 тыс. тонн эквивалента CO₂ в год. Кроме того, будет запущена новая станция биологической очистки сточных вод, которая позволит обеспечить безопасность акватории реки Вилюй и лесного массива от загрязнений.

В свою очередь, угледобывающая компания «Колмар» разработала комплексную программу по охране окружающей среды до 2023 года. По словам председателя совета директоров компании Анны Цивилевой, на экологические мероприятия в 2020 году «Колмар» направил 1,3 млрд руб., а в 2021 году увеличит сумму до 2,2 млрд руб. Компания, в частности, переходит на подземный способ добычи угля в Якутии, строительство фабрик полного замкнутого цикла. «Вода, которая используется на фабрике, не уходит в открытые источники, очищается и запускается в замкнутый цикл производст-

ва. Это строительство шламоотстойников, очистных сооружений, а также использование технологий закрытой перевалки угля в собственном порту», — рассказывает Анна Цивилева.

В то же время компания АЛРОСА приступила к разработке экологической и климатической стратегий до 2030 года с горизонтом до 2050 года. Стратегическим консультантом проекта стала компания McKinsey & Company. АЛРОСА ежегодно реализует около 500 социальных проектов и природоохранных инициатив, направляя на них около 8% выручки ежегодно в рамках своей глобальной программы «Алмазы помогают» (Diamonds that Care). Социальные и экологические инвестиции АЛРОСА на уровне 20–25 млрд руб. в год сопоставимы по объему с вложениями в техническое перевооружение, добывающие мощности и инфраструктуру.

Кроме того, компания завершила первую часть исследований способности кимберлита поглощать CO₂. «Если результаты дальнейших исследований подтвердят уже полученные предварительные данные, можно будет утверждать, что установлен существенный потенциал компенсации выбросов парниковых газов при добыче алмазов за счет явления поглощения обрабатываемой рудой углекислого газа из атмосферы», — говорит руководитель Центра инноваций и технологий АЛРОСА Михаил Дубовичев.

Исследования и разработки для освоения Арктики

В сентябре 2019 года по инициативе главы республики Айсена Николаева был создан научно-образовательный центр (НОЦ) «Север: территория устойчивого развития». Помимо Якутии в него входят Чукотка, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, что позволяет объединить научный потенциал, опыт и ресурсы регионов для решения общих проблем, в том числе климатических и технологических. Цель центра — разработка и апробация технологий повышения качества жизни в условиях Арктики.

В июле текущего года НОЦ «Север» стал победителем конкурсного отбора межрегиональных научно-образовательных центров мирового уровня и вошел в число 15 российских центров, которые могут претендовать на гранты из федерального бюджета.

На сегодняшний день НОЦ реализует девять проектов по пяти основным направлениям. Кластер энергообеспечения и новых энергоносителей создает платформы для разработки и апробации водородных технологий полного цикла для территорий Арктики и Крайнего Севера. Реализуются и проекты использования потенциала ВИЭ, новых решений в атомной промышленности. В кластере рационального природопользования в криолитозоне решаются вопросы технологий добычи, транспортировки и хранения гелиевого концентрата в Восточной Сибири, устойчивости мерзлотных экосистем в условиях изменения климата и техногенных воздействий.

В кластере технологий хозяйственной деятельности в криолитозоне и новых материалов проводятся исследования по устойчивости и безопасности зданий, инженерных сооружений и арктических поселений. Кластер биотехнологий, медицины и здравоохранения представлен проектом клеточных технологий и прецизионных методов геномной медицины, направленных на сохранение здоровья человека на Севере. Кроме того, исследуются биотехнологии глубокой переработки уникального северного экологически чистого, воспроизводимого биосырья.

« В СЕРДЦЕ НАРОДОВ ЯКУТИИ ИДЕЯ ЖИЗНИ В ГАРМОНИИ С ПРИРОДОЙ, А НЕ ЕЕ ПОКОРЕНИЯ »

Глава Республики Саха (Якутия) АЙСЕН НИКОЛАЕВ — о подходах республики к устойчивому развитию и решению проблемы изменения климата.

Республика Саха (Якутия) — самая большая административно-территориальная единица в мире (сопоставимая по площади с территорией шести Франции), которая представляет собой мировой экологический резерват и один из ключевых климатических регуляторов всей планеты. Опыт Якутии показывает, что даже в условиях экстремальных температурных и логистических ограничений есть возможность реализации оптимистического сценария ответа человечества на вызовы XXI века, в основе которого будут лежать экологическая и социальная ответственность, эффективность управления доступными ресурсами.

Мы осознаем необходимость и возможность формирования в Якутии основ «зеленой» цивилизации, которая сможет стать примером для обеспечения благополучия северных, арктических регионов мира и внесет свой значительный вклад в достижение глобального устойчивого развития.

Стоит отметить: то, что сегодня понимается мировым сообществом под принципами устойчивого развития и ESG-повесткой, абсолютно естественно для жителей Якутии.

Вынужденное постоянное преодоление вызовов внешней среды и опора на традиции и знания предков сформировали особенную картину мира народов Якутии. В ее центре — идея жизни в гармонии с окружающим миром, а не задача покорения природы человеком, даже когда это было «генеральной линией».

Настоящей трагедией для всех стала сложнейшая ситуация этого лета с природными пожарами. Каждое сгоревшее дерево невосполнимой утратой отозвалось глубокой болью в сердцах всех якутян. Благодаря слаженной работе федеральных, республиканских сил, местного населения и добровольцев со всего мира удалось пережить сложнейшие периоды испытания этого года. Никто не остался в стороне, каждый по своей возможности старался внести свой вклад в общее дело по спасению природы.

Однако сегодня мы понимаем, что в будущем угроза катаклизмов, вызываемых изменением климата, будет лишь расти. Многие из наблюдаемых изменений беспрецедентны за тысячи, если не сотни тысяч, лет. Уже озооназаемое мировым сообществом таяние вечной мерзлоты несет в себе скрытую угрозу резкого оттаивания криолитозоны, которая играет роль климатической бомбы, удваивая предыдущие оценки потенциальных выбросов углерода на полярном Севере.

Водные пути Якутии, которые являются единственным способом доставить требуемые объемы топлива и товаров первой необходимости в отдаленные районы республики, ежегодно обмеляются и еще более затрудняют логистику.

Кто-то предлагает радикальные выходы из положения, полностью запретив любую деятельность на территории арктических регионов, сделав их зоной экологической резервации, некоторые же продолжают ставить под сомнение масштабность угроз изменения климата.

Не секрет, что Якутия является одним из регионов-лидеров по объему природных ресурсов. Добывающие отрасли республики сегодня обеспечивают

ПРЕДСЕДТЕЛЬ ГЛАВЫ РЕСПУБЛИКИ САХА-ЯКУТИЯ

весомую основу благополучия и социально-экономического развития не только Якутии, но и всей России и стран-партнеров.

Поэтому мы обязаны находить баланс, позволяющий реализовать колоссальный экономический, природный, а также человеческий и социокультурный потенциал, оберегая хрупкие северные экосистемы в условиях изменения климата и деградации криолитозоны.

Сегодня необходимо максимально отходить от потребительского отношения к природным ресурсам и недрам, от отношения к Арктике как кладовой полезных ископаемых. По сути, мы должны активно внедрять новые высокотехнологичные решения по строительству совершенно нового формата северной цивилизации, опираясь на ценности разумного отношения к окружающей среде, на радикально повышенные экостандарты и предельную эффективность управления ресурсами.

И самое главное: при выстраивании устойчивого будущего пристальнейшее внимание должно быть уделено улучшению факторов жизни, влияющих на физическое и духовное здоровье человека. От благополучия жителей зависит и сам регион как бесконечно растущий и меняющийся живой организм.

регенерация

«Мы очень близки к хорошему результату»

Сахалин стал первым российским регионом, объявившим о планах достичь углеродной нейтральности: предполагается, что это может произойти уже в 2025 году. Губернатор области **Валерий Лимаренко** в интервью «Ъ-Регенерации» рассказал о том, как именно власти региона планируют этого добиться.

— интервью —

— Как вы оцениваете итоги конференции в Глазго с точки зрения прояснения условий для климатического эксперимента на Сахалине? У вас в планах достижение углеродной нейтральности в 2025 году.

— Важным итогом двухнедельной конференции стало подписание климатического пакта Глазго, определяющего направления сотрудничества по климату в будущем во исполнение целей Парижского соглашения, а именно принятие национальных политик и мер по низкоуглеродному развитию и достижению нейтральности по выбросам CO₂ около середины XXI века, постепенный отказ от угольной генерации и отказ от неэффективных субсидий на ископаемые виды топлива, расширение производства чистой энергии и мер по повышению энергоэффективности, рассмотрение дальнейших мер по сокращению выбросов метана, защита, сохранение и восстановление природы и экосистем, включая леса и другие наземные и морские экосистемы, адаптация к изменениям климата, предоставление финансовой помощи развивающимся странам.

Таким образом, принятые решения в целом отражают те направления региональной климатической политики, которые приняты в Сахалинской области для достижения углеродной нейтральности. А Сахалин стал первым российским регионом, объявившим об углеродной нейтральности. Для этого мы полностью газифицируем область, переведем 145 угольных котельных на природный газ, на Курилах — на СПГ. Будем развивать чистую энергетику: ветровую, солнечную, геотермальную, запустим производство водорода — как для внутренних нужд (железнодорожные перевозки), так и на экспорт: будем помогать другим странам выполнять климатические обязательства. Уже много сделано по переводу транспорта на газ и растет число электромобилей. Цель:

к 2025 году 50% транспорта области должно быть низкоэмиссионным.

Будем охранять леса, обеспечивая их восстановление и разведение. Изучим возможности по дополнительному увеличению поглощения в лесной и океанической экосистеме. То есть то, что приняли для себя в прошлом году, полностью согласуется с международной повесткой. То есть решения верные.

— Как именно реализуется эксперимент?

— Во-первых, для управления климатическим экспериментом нужна система измерения. Если вы хотите, например, управлять тепловым режимом дома, то обязательно нужна обратная связь: добавили что-то — повысилась температура, и вы следите за этим процессом. А если применили какое-то технологическое решение, чтобы сберечь тепло, то видите, что меньше тратится килокалорий в единицу времени. Поэтому для начала необходимо измерить углеродный след.

Суть эксперимента, который реализуется на Сахалине, заключается как раз в том, что мы должны сделать инвентаризацию углеродного следа. Если ведущие компании, которые создают углеродный след (а по нашим подсчетам, три четверти следа приходится всего на 20 компаний), научатся его считать, то есть вести так называемую углеродную бухгалтерию, то нам станет понятно, с чего мы начнем.

Дальше нам необходимо понять, как этот след уменьшать. Элементарная функция выглядит следующим образом: снижая количество энергии за счет энергосбережения на единицу продукции, на единицу добытой нефти, газа и так далее, мы повышаем эффективность, соответственно, углеродный след на единицу продукции становится меньше.

Теперь более яркий пример: когда угольную или дизельную котельную переводим на газ, то мы тоже получаем снижение углеродного следа. Автомобили, которые ездят на бензине, переходят на электричество или

АЛЕКСАНДР МИЛЮНОВ

на газ — тоже снижается углеродный след. Так формируется программа по снижению углеродного следа.

Дальше мы считаем объемы поглощения. К примеру, у нас столько-то лесов, значит, они поглощают столько-то — все это в какой-то степени условно, но тем не менее есть правила, и разница между поглощением и выделением — это не что иное, как та дельта, которую нам необходимо сокращать, чтобы прийти к углеродной нейтральности. Мы планируем достичь этой цели к 2025 году.

— Это амбициозная цель, насколько сейчас Сахалин далек от достижения нейтральности? В целом для российской экономики, по оценкам экспертов, это может потребовать триллионов рублей новых инвестиций.

— По тому объему выбросов, который потребует снижения, у нас уже есть план мероприятий. Это в первую очередь газификация. Мы оцениваем, что она будет стоить около 60 млрд руб. Но все эти вложения высокоэффективны: поменять уголь на газ или дизель на газ — это же экономически эффективно, окупаемость гарантированно будет достигнута на горизонте десяти лет. Так что если деньги вкладываются во что-то хорошее в экономическом и социальном смысле, то это не потери и не затраты.

Нам предстоит за пять лет полностью перевести всю коммуналку, а также перевести примерно одну треть транспорта на электроэнергию и газ

— мы этим уже занимаемся. В настоящее время около 40 электростанций уже работает на Сахалине. К 2022 году планируем увеличить это число до 500. Наша цель — привлечь каршеринговые сервисы — мне кажется, это будет популярная мера, потому что ездить на электромобиле будет вдвое эффективнее, чем на бензине, тем более что цены на топливо у нас растут каждый месяц и, конечно, они выше, чем в Москве, ведь сначала нефть уходит с Сахалина, потом перерабатывается на материке, затем грузится на транспорт и возвращается к нам. Это двойные затраты.

— Предусматриваете ли вы дополнительные льготы для тех, кто будет пользоваться электромобилями?

— Основная льгота — это экономическая выгода: на электричестве ездить в два раза дешевле. К тому же цены на электромобили будут снижаться — пока еще производство батарей достаточно дорогое процесс.

Для перевода на газ мы даем государственную поддержку: практически полностью компенсируем те траты, которые были понесены на переход и приобретение нового оборудования. К примеру, мы уже покупаем газомоторную сельхозтехнику, грузовики, в которых перевозятся продукты. Это делается в интересах экологии и позволяет уменьшить углеродный след.

— Угольные станции вы также планируете закрывать?

— У нас есть генерация на угле, но там стоят специальные фильтры, которые значительно уменьшают углеродный след. С учетом того что эта станция была недавно построена, мы не планируем пока ее закрывать, но, возможно, в будущем переведем на газ.

Также у нас есть компания, которая занимается добычей угля. Это один из основных источников выбросов углерода, так как добыча и погрузка, перевозка до порта — энергоемкий процесс. В этом году здесь завершается строительство электрического конвейера для доставки угля в порт. Этот проект мы в рабочем порядке называем «Зеленый уголь». Конвейер — это первый шаг, сейчас они поставили измерительную установку для ветропарка, чтобы конвейер работал не за счет угольной электростанции, а за счет ветряков. Также есть проект по переводу «БелАЗов», которые работают на карьере, на электротягу: у них появятся такие же рога, как у троллейбусов. Компания рассчитывает, что опытный экземпляр будет сделан в этом году, а дальше они разместят заказ на изготовление, заменят старые «БелАЗы» на новые — и тогда это будет полностью «зеленый» уголь. Это не просто экологично, но и экономически выгодно: компания может рассчитывать на то, что не возникнет никакой дополнительной пошлины на импорт при введении углеродного регулирования за рубежом.

— В ЕС уже объявили о планах по введению налога на импорт продукции с высоким углеродным следом, как это повлияет на Сахалин?

— Эта история рано или поздно распространится на весь мир: со временем везде появится углеродный налог. Сахалин вышел с инициативой по проведению эксперимента именно потому, что мы — энергетический регион, и если просим этот поворот, то мы из самого богатого региона превратимся в самый бедный. Мы уже получили предупреждение: на фоне пандемии доходная часть бюджета сократилась на 60 млрд руб. из-за сокращения потребления нефти. Цены восстановились, но объемы производства по решению ОПЕК+ снизились, поэтому мы поняли, что нам срочно нужно менять структуру экономики. В частности, планируем заняться производством водорода: мы подписали соглашение с «Газпромом» и «Росатомом» о том, что будем делать из газа водород.

— Речь идет о расширении завода по производству СПГ?

— Да, земельный участок под новый завод будет располагаться недалеко от него. До конца года мы должны получить технико-экономическое обоснование, но уже есть уверенность, что оно будет положительным. Инвесторами в проект выступят «Росатом» и французская компания Air Liquide — у них есть необходимые технологии.

— Насколько далек от углеродной нейтральности нефтегазовый сектор?

— С учетом того что у нас это основной вид деятельности, то именно на этот сектор и приходится основная масса выбросов. У нас нет металлургического завода, доменных печей, поэтому мы и поставили такие амбициозные цели на 2025 год — у нас много леса и мало производства, вообще, мы в этом смысле очень близки к хорошему и быстрому результату.

— На сколько процентов вам предстоит сократить объем выбросов, чтобы он был сопоставим с объемом поглощения?

— В 2019 году разница между выбросами и поглощениями составила 10%, а в абсолютном значении — это 1,2 млн тонн CO₂-эквивалента. Эту величину и нужно уменьшить до нуля в период до 2025 года, то есть достичь баланса между выбросами и поглощениями.

— Как будет работать система торговли квотами на региональном уровне?

— Для компаний, работающих на Сахалине, учет квот будет обязательным. В дальнейшем он станет обязательным для всех, кто захочет присоединиться к эксперименту, но в целом такая система, конечно, необходима на мировом уровне, чтобы была верификация и валидация со стороны соответствующих международных организаций, которые ведут эту работу. Пока мы наметили «дорожную карту» к первым сделкам и подписали «дорожную карту» с Санкт-Петербургской товарно-сырьевой биржей и ПАО «Сбербанк». Предприятия, которые у нас находятся в регионе, будут иметь квоты на углеродные выбросы. Можно торговать и квотами, и так называемыми углеродными единицами — результатами климатических проектов: если компания сажает лес или уменьшает углеродный след быстрее, чем другие, и у нее появляются излишки, то их можно продать тому, кому их не хватает.

Интервью взяла Татьяна Едовина

«Цена на углерод — ключевой инструмент углеродного регулирования»

— мнение —

Партнер КПМГ в СНГ **ВЛАДИМИР ЛУКИН** — о перспективах и механизмах реализации значительного потенциала декарбонизации России с помощью рыночных и дополнительных инструментов.

Предотвращение климатических изменений, управление соответствующими рисками и декарбонизация — существенные факторы, влияющие на финансовые показатели крупных компаний и отраслевых лидеров. Внешний драйвер декарбонизации — положительная динамика антропогенных эмиссий парниковых газов, объем которых в 2020 году достиг 55 млрд тонн CO₂-эквивалента. Ключевой показатель подверженности бизнеса агрессивным политическим инициативам в этой области — углеродоемкость продукции. Углеродоемкие экспортно ориентированные отрасли российской экономики — металлургия, производство удобрений, нефтегазовая отрасль и энергетика — в фокусе международных инициатив. Но косвенные воздействия, связанные с волатильностью цен на энергоресурсы и дивестциями из углеродоемких активов, в скором будущем испытают и другие отрасли, а на горизонте 10–15 лет углеродное регулирование затронет все сферы человеческой деятельности.

Цена на углерод — ключевой инструмент углеродного регулирования. Политические инициативы декарбонизации чаще всего принимают форму регуляторных инструментов, которые можно условно разделить на три категории: ограничения выбросов (включая углеродные квоты, налоги и штрафы), инструменты поддержки инициативы низкоуглеродного развития (в частности, субсидии, инструменты «зелено-

ПРЕСС-ТАСС/РИА

го» финансирования и налоговые преференции), рыночные инструменты, которые обеспечивают гибкость углеродного регулирования и эффективную поддержку низкоуглеродных технологий. Объект рыночных отношений в данном случае — результаты климатических проектов, целенаправленной деятельности по сокращению выбросов и/или увеличению поглощений парниковых газов.

Соотношение поддерживающих, ограничительных и рыночных инструментов в регулировании выбросов определяется приоритетами социально-экономического развития, а также наличием технических и экономических доступного потенциала декарбонизации. Степень воздействия таких инструментов на экономику, выраженная в финансовых терминах и приведенная к объему выбросов, и представляет собой фактическую цену на углерод. Яркий пример ее использования в качестве инструмента углеродного регулирования — политика стран ЕС по поддержанию Европейской торговой системы (EU ETS). Система распределения квот на выбросы парниковых газов, в том числе ограничение доли бесплатных квот и доступности инструментов компенсации углеродного следа (угле-

родных офсетов), определяет цену на углерод и обеспечивает эффективность такого инструмента декарбонизации.

Регуляторные инициативы в области декарбонизации не единственный фактор, определяющий воздействие климатической повестки на бизнес-сообщество. Поведение ключевых стейкхолдеров — инвесторов, потребителей, отраслевых сообществ и конкурентов — в меньшей степени, чем прямые регуляторные нормы, определяет объем дополнительных финансовых издержек на декарбонизацию. Совокупность финансовых рисков компании, связанных с воздействием внешних климатических инициатив — top-down («сверху вниз»), — механизм формирования углеродной цены. Развитие и ускорение ресурсосберегающих низкоуглеродных технологий, выпуск низкоуглеродной продукции, а также продвижения, способствующей декарбонизации (конструктивные элементы ВИЭ, электромобили, биотопливо и т. д.), развитие отраслевой сертификации и низкоуглеродных брендов — очевидные финансовые возможности, которые успешно используют многие компании. Они становятся существенным стимулом инвестирования в низкоуглеродное развитие, поэтому экономическое выражение таких возможностей, приведенное к достижимому потенциалу сокращения выбросов парниковых газов, представляет собой альтернативный подход к формированию цены на углерод — bottom-up («снизу вверх»).

Соотношение оценок цены на углерод, произведенных методами top-down и bottom-up, — основа для принятия стратегических решений по декарбонизации на корпоративном и отраслевом уровнях. Ключевой ее элемент — объ-

ективная и детальная оценка рисков, связанных с углеродоемкостью производственных процессов и потенциала декарбонизации, доступного для реализации на горизонте стратегического планирования компании.

Потенциал декарбонизации России огромен. По оценкам КПМГ, это более 700 млн тонн CO₂-эквивалента в год, из которых около 50% — сокращение выбросов за счет новых технологий и повышения энергоэффективности производства, транспорта и ЖКХ. Реализация этого потенциала — важная стратегическая задача, и максимально гибкие рыночные инструменты и адресная поддержка инноваций приоритетны как минимум на ранних стадиях развития углеродного регулирования. В перспективе же сбалансированный подход к выбору инструментов декарбонизации должен стать новым драйвером социально-экономического развития.

Для достижения целей декарбонизации, определенных государством, нужно в кратчайшие сроки оценить ее потенциал в ключевых отраслях до 2060 года, а после — определить необходимый объем инвестиций (с учетом объективных факторов, влияющих на экономику декарбонизации, в частности удешевления низкоуглеродных технологий). Параллельно должны вестись стратегический анализ мировых трендов декарбонизации и оценка потенциального негативного эффекта от их реализации. Третий этап — сценарный анализ развития климатической повестки для количественной оценки цены на углерод top-down и bottom-up для разных отраслей. Это позволит определить подход к углеродному регулированию и соотношению ограничивающих, поддерживающих и рыночных инструментов.

Горечь волшебной пилюли декарбонизации

— тенденции —

В статье для «Ъ-Регенерации» **ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ** и **АНДРЕЙ ПТИЧНИКОВ** из Центра ответственности приодопользования Институтом географии РАН **АЛЕКСЕЕМ КОКОРИНЫМ** из «WWF Россия» рассказывают, почему возможность использовать поглощение CO₂ российскими лесами для компенсации углеродного следа экспортеров требует огромной работы как в международных переговорах, так и в сфере внутрироссийского регулирования и непосредственно — в лесном хозяйстве.

Почти все развитые страны намерены достичь углеродной нейтральности в 2050-е годы, а Китай, Бразилия, Аргентина, Мексика, Казахстан, Россия — в 2060-е. Цель достигается снижением выбросов парниковых газов в промышленности, ЖКХ, транспорте (80–90%) и проектами поглощения CO₂ из атмосферы управляемыми лесами и другими наземными экосистемами (10–20%). Дальше всех тут продвинулся ЕС, запуская в 2023–2026 годах трансграничное углеродное регулирование (TUV). Российским экспортерам оно грозит большими потерями.

В поисках «волшебной пилюли» декарбонизации взоры заинтересованных сторон обратились к российским лесам как способу снизить углеродный след. Логика проста: часть гигантских лесных просторов нашей страны являющихся естественными поглотителями CO₂, а значит, у России, как и у Канады и Бразилии, есть некоторая фора перед остальным миром.

Сейчас TUV не предусматривает возможность компенсации углеродного следа продукции за счет лесных проектов. Однако если это будет допускаться национальными законодательствами ЕС и России, лесные проекты могут быть использованы в TUV или компенсаторным ему механизмам ЕС. Кроме того, нужно получить признание в ЕС российской системы торговли единицами сокращения выбросов (ЕСВ) парниковых газов. Такой системы у нас пока нет. Принятый закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» организует лишь систему отчетности юрлиц о выбросах и создает нормативно-правовую базу для проектов по их снижению. Дальше необходимо создать национальную систему торговли ЕСВ, стандарты и методологии проектов декарбонизации. Они не должны сильно отличаться от международных.

Введение углеродных платежей, хотя бы на экспортную продукцию, дало бы России более сильную позицию на переговорах с ЕС, но автоматически это не служит «лекарством» от TUV. Проблема состоит еще и в том, что национальная цель России равна 70% от уровня 1990 года, что позволя-

ет не снижать, а увеличивать выбросы парниковых газов (в 2019 году этот уровень — 53% от 1990 года). Крайне слабая национальная цель в Парижском соглашении дает ЕС сильный аргумент против признания наших проектов, особенно лесных, которых в ЕС и так не хотят много. Этому фактору нужно уделить серьезное внимание, а саму цель, безусловно, усилить.

Чтобы лесные проекты учитывались в снижении углеродного следа, они должны соответствовать определенным критериям. Во-первых, приводить к улучшению управления лесами. В них должно быть показано снижение эмиссии и/или более высокое поглощение парниковых газов, чем в базовом сценарии (принцип дополнительности). Во-вторых, действия по ним не должны быть требованием текущего законодательства и проекты не могут быть сделаны (экономически выгодными) без продажи ЕСВ. В-третьих, проектная документация подлежит заверению, а сами проекты — сертификации и мониторингу, что требует немалых затрат. В-четвертых, проекты не должны уменьшать биоразнообразие и снижать экосистемные функции лесов. И в-пятых, пожарные и иные риски лесных проектов требуют резервирования большей части накопленных единиц.

Иными словами, даже частичная «монетизация» потенциала поглощения углерода российскими лесами (до 15–25% всей эмиссии парниковых газов в экономике) для снижения углеродного следа производства требует заметного увеличения энергоэффективности экономики (уменьшение эмиссии CO₂ на единицу ВВП), реализации лесоклиматических проектов с независимой сертификацией, добавленного поглощения CO₂ выше «базовой линии» и открытости информации по российским лесам (включая данные по пожарам).

Важно развивать методологию расчетов «экологического следа» продукции экспортеров с учетом существующих международных подходов и практик. Деятельность финансируемого из госбюджета лесного хозяйства, включая лесовосстановление, должна быть перенацелена на управление не лесопромышленными, а защитными, рекреационными и резервными лесами (более 70% лесов России). Это снижает частоту и площадь пожаров, повышает устойчивость к ним неуродованных лесов, позволяет отказаться от лесовосстановления высокогорными хвойными монокультурами. Нужно создать нормативно-правовую базу для лесоклиматических проектов на землях сельскохозяйственного назначения и Гослесфонда, находящихся в лесопользовательной аренде, а также интегрировать современные подходы (в том числе дистанционное зондирование Земли, данные сети FluxNet) в материалы инвентаризации лесов и развивать международную научную кооперацию для увеличения сопоставимости данных.

регенерация

Вода углерод точит

En+, один из крупнейших производителей алюминия в мире, на климатической конференции ООН в Глазго подтвердила свои обязательства по достижению углеродной нейтральности к 2050 году. Компания собирается сокращать и компенсировать свои выбросы парниковых газов, чтобы выполнить требования Парижского соглашения и послужить драйвером развития международного и российского рынков низкоуглеродных металлургии и энергетики.

— корпоративная практика —

В сентябре 2021 года En+ опубликовала стратегический план «Путь к нулевому балансу выбросов», который охватывает всю производственную цепочку: от добычи бокситов до производства глинозема и выплавки алюминия.

Один из двух крупнейших акционеров «Русала» объявил о намерении разделить активы на высоко- и низкоуглеродные. Для каждого вида активов предполагается собственная стратегия декарбонизации, но так или иначе она будет направлена на достижение углеродной нейтральности всей группы к середине века. Среднесрочная цель — сократить выбросы CO₂ минимум на 35% (по сравнению с 2018 годом). Важно отметить, что компания ориентируется на международные стандарты отчетности Science Based Targets Initiative (SBTI) — партнерства между оператором международной системы климатической отчетности CDP, Глобальным договором ООН, Всемирным институтом ресурсов и WWF, а также учитывает в своей климатической стратегии не только выбросы от производства и потребления энергии (области охвата 1 и 2), но и от использования и утилизации своей продукции (область охвата 3). Компания будет стремиться к лидерству на мировом рынке низкоуглеродного алюминия, другие ее предприятия сконцентрируются на инновациях, чтобы обеспечить себе успешное будущее, сообщили в компании. В климатическом рейтинге CDP акционерная компания En+ «Русал» оценивается на уровне А— (от А до А— — уровень лидерства).

Обычно представители углеродоемких отраслей, к которым относятся металлургия и энергетика, сокращают выбросы благодаря декарбонизации источников энергии. Однако 98% используемой En+ электроэнергии вырабатывается гидроэлектростанциями, и резерв тут почти выбран: углеродный след российского гиганта почти четверть ниже среднего показателя по отрасли. Поэтому в компании планируют достичь углеродной нейтральности прежде всего благодаря постепенному переходу на низко- или безуглеродные технологии электролиза (на выплавку алюминия приходится почти треть выбросов его производства). Речь идет о технологиях «ЭкоСодерберг» — замене классических углеродных анодов на инертные, из

готавливаемые из керамики или сплавов, а еще — о природном газе и его сжиженном аналоге, солнечной энергетике, «зеленом» водороде, технологиях улавливания и хранения углерода (Carbon capture, utilisation and storage; CCUS).

Вторым важным инструментом декарбонизации станет повышение энергоэффективности. Для этого компания реализует программу модернизации «Новая энергия», охватывающую гидроэлектростанции Ангаро-Енисейского каскада. Цель программы — увеличение выработки энергии при том же объеме воды, проходящей через турбины.

Внедрение низкоуглеродных технологий и повышение энергоэффективности позволят к 2050 году сократить выбросы CO₂ на предприятиях En+ Group на 60%. Около 40% выбросов будут компенсированы за счет технологических и природных решений, в том числе CCUS и лесовосстановления.

Как выглядит En+ на рынке России

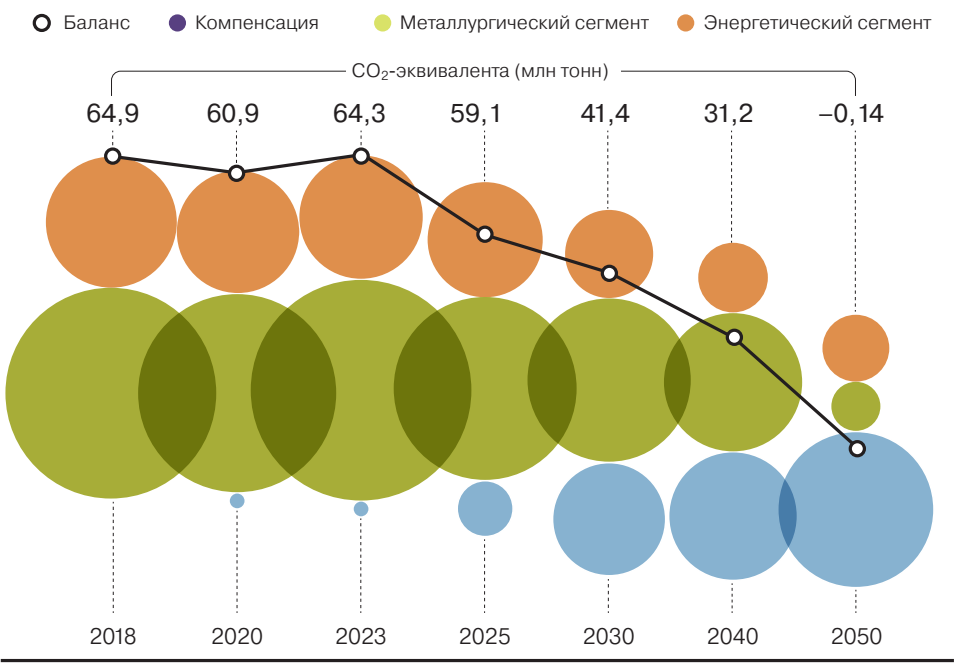
Отечественный бизнес испытывает и внешнее давление инвесторов, и внутреннее стремление к достижению Целей устойчивого развития ООН (ЦУР). Он также располагает технологиями, которые позволяют их достичь, говорится в исследовании «Курс на устойчивость», выпущенном в 2021 году международной консалтинговой компанией Accenture. Ассоциацией европейского бизнеса, Российско-Германской внешнеторговой палатой, посольством Германии в РФ и РСПП. Партнеры опросили свыше 140 топ-менеджеров отечественных компаний из 13 отраслей.

Главной корпоративной инициативой на пути к устойчивости опрошенные руководители назвали сокращение выбросов углекислого газа (39% респондентов). Эта задача превалирует над развитием сотрудников и улучшением вопросов социального обеспечения (34%), а также сокращением отходов (33%).

83% респондентов отметили роль технологий в достижении ЦУР. 37% отдали свои предпочтения в пользу обновления физического оборудования, а вовсе не цифровых технологий. «Необходимо ввести углеродный налог для тех производителей, кто не хочет инвестировать в технологии, чтобы сделать свою продукцию «чистой»», — убеждены в En+.

О важности поддержки инноваций говорят и две другие российские компании, за

«ДОРОЖНАЯ КАРТА» ПО ДОСТИЖЕНИЮ УГЛЕРОДНОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ EN+ ИСТОЧНИК: EN+ GROUP.

явившие о цели достичь углеродной нейтральности к 2050 году.— «Татнефть» и «Металлоинвест». Первая делает ставку на технологии возобновляемой энергетики: малые ГЭС, солнечные и ветряные станции, тепловые насосы, пеллетное топливо, биотопливо. Другими перспективными решениями в компании называют улавливание и хранение углерода, развитие циклической экономики — повторного использования побочных продуктов производства и отходов. Система учета и управления выбросами в «Татнефти», так же, как у En+, основана на международных стандартах, включая SBTi. У компании тоже есть промежуточная цель по декарбонизации — к 2030 году снизить выбросы на 20% по сравнению с 2016-м. Компенсировать их остаток компания планирует за счет природных решений: за последние 15 лет производитель нефтепродуктов высадил более 12 млн деревьев. «Татнефть» участвует в рейтинге CDP и ежегодно раскрывает информацию о выбросах парниковых газов в областях охвата 1, 2, 3. С 2021 года при оценке инвестпроектов компания учитывает климатические риски на этапе строительства и эксплуатации объекта. Для этого установлена внутренняя цена на углерод \$49/т CO₂.

Практически одновременно с En+ о своей приверженности цели стать углеродно нейтральным объявил один из крупнейших горно-металлургических холдингов — «Металлоинвест». Он планирует сделать это в три этапа: к 2025 году завершить модернизацию своих предприятий; с 2026-го по 2036-й создать низкоуглеродное производство железа за счет перехода на «зеленый» водород и сократить выбросы на 15% к уровню 2019-

го. Задачи для третьего этапа в отчете компании не указаны. При разработке климатической стратегии «Металлоинвест» ориентировался на российские и международные стандарты и подсчитывал выбросы от производства, потребляемой энергии, использования и утилизации своей продукции.

Что общего у En+, «Татнефти» и «Металлоинвеста»

«Основной акцент в достижении углеродной нейтральности промышленные компании делают на декарбонизации своих производственных процессов за счет модернизации предприятий и внедрения низкоуглеродных технологий», — говорит Владимир Лукин, партнер КППМГ в СНГ.

По его словам, если это металлургия, речь идет прежде всего о «зеленом» и «голубом» водороде: первый получают при пропускании через воду электрического тока, выработанного ВИЭ, второй — путем паровой конверсии метана при условии улавливания и хранения углерода. «В металлургии водород используется не столько как энергоноситель, сколько как восстановитель — сырье, позволяющее заменить бокситы или уголь. Но его доступность — большая головная боль для российских компаний», — говорит Владимир Лукин.

По словам эксперта, пока в России не хватает производственных мощностей и инфраструктуры для поставок водорода. «В этом плане En+ Group чуть проще, чем другим компаниям, поскольку в ее структуре существует гидрогенерация. Во-первых, она позволяет получать безуглеродную электроэнергию, производство которой не сопровождается выбросами

ми парниковых газов, а во-вторых, водород», — поясняет господин Лукин.

Отсутствие вала заявлений об углеродной нейтральности среди российских компаний эксперт объясняет тем, что времена гринвошинга уходят в прошлое. Сегодня инвесторы ожидают от компаний не только «зеленых» деклараций, но и конкретных результатов в их реализации, подчеркивает представитель KPMG.

Как выглядит En+ на мировом рынке

Чтобы изучить климатические обещания 400 компаний со всего мира, участники интеллектуальной платформы «Цель 13», куда в том числе входят представители консалтинговой фирмы Deloitte, Конфедерации британской промышленности и британского объединения неисполнительных директоров Chapter Zero, подготовили исследование «Голоса рынка: как бизнес управляет переходом к безуглеродному, устойчивому и процветающему будущему».

Выяснилось, что почти половина опрошенных компаний (48%) установили цели по снижению выбросов парниковых газов, 17% заявили о стремлении к «чистым нулевым выбросам», а 13% — к «углеродной нейтральности». Между тем большинство целей (54%) у представителей углеродоемких секторов, включая энергетику, добывающую промышленность и коммунальное хозяйство, не обоснованы научно, сообщают аналитики.

Авторы исследования выделили пять стадий климатической зрелости компаний. В результате опроса оказалось, что чуть больше трети фирм (38%) установили как минимум две климатические цели, среди них — углеродная нейтральность или «чистые нулевые выбросы» в областях охвата 1 и 2 (средняя зрелость, 3-я стадия). Лишь 10% компаний установили две климатические цели, хотя бы одна из которых предполагает достижение углеродной нейтральности в области охвата 3 (наивысшая зрелость, 5-я стадия). En+ Group можно отнести к их числу.

Между тем аналитики отмечают нехватку единой терминологии: часто под разными словами опрошенные имеют в виду одно и то же, как в случае с «чистыми нулевыми выбросами» и углеродной нейтральностью. Кроме того, респонденты не до конца понимают различия между областями охвата. Например, некоторые представители компаний связывают достижение углеродной нейтральности с уменьшением прямых выбросов от производства и потребления энергии, но не с цепочкой поставок, тогда как подсчет выбросов от использования и утилизации продукции обязателен для постановки такой цели. Это требует унификации терминов для дальнейшего прогресса в климатической политике как на уровне компании, так и на уровне отраслей.

Александр Титов

Много званных, мало избранных

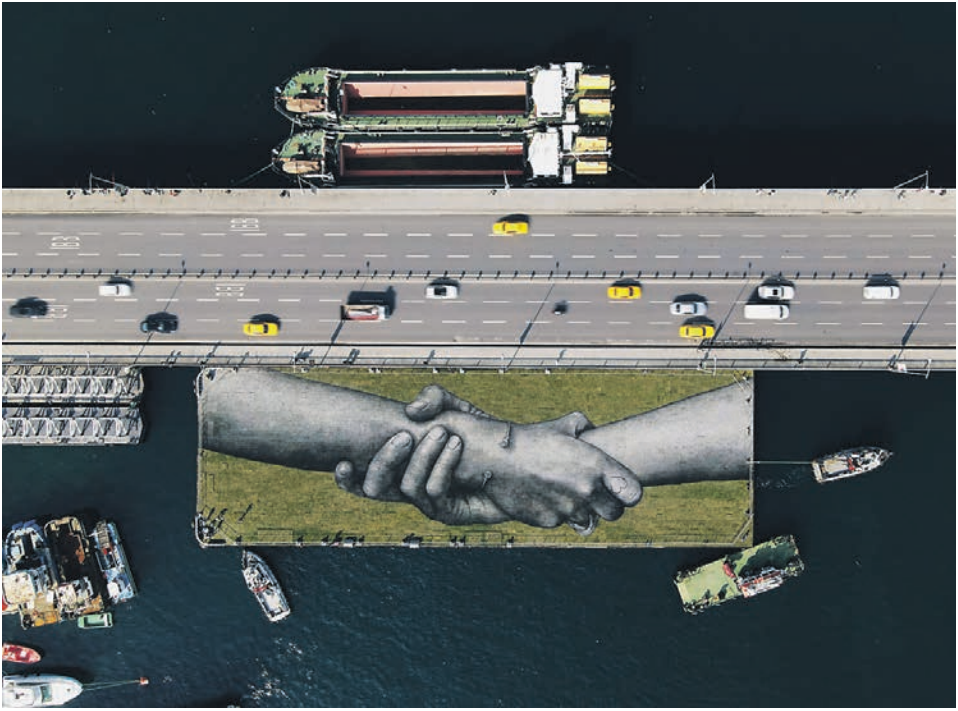
— устойчивые поставки —

Компании, внедряющие ESG-стандарты, вынуждены ужесточать и критерии отбора поставщиков: чтобы выпускать «устойчивую» продукцию, необходимы сырье и компоненты, которые также производятся в соответствии с требованиями ESG. Найти поставщиков, обеспечивающих такое соответствие, нелегко: ESG-трансформация только начинается. Компаниям приходится идти на удорожание закупок, а также разрабатывать собственные правила для выбора источников сырья и комплектующих.

Двигаясь по следу

Компании—приверженцы ESG-принципов демонстрируют более быстрый рост продаж, чем другие игроки в своем сегменте, говорится в публикации «Покупая в более устойчивой цепочке создания стоимости» на сайте McKinsey от 21 сентября 2021 года. Разница составляет в среднем 10–20%: современные покупатели охотнее выбирают экологичную продукцию и готовы за нее доплачивать. За счет особого внимания к операционной эффективности и снижению отходов на 5–10% сокращаются и издержки таких компаний. Однако экологические и социальные след бизнеса «выходит далеко за пределы его собственных стен», отмечают эксперты McKinsey. От 80% до 90% выбросов парниковых газов, которые производит компания, относятся к категории Score 3 (охват 3), то есть ко всему жизненному циклу товара: от закупки сырья и его доставки до продажи, использования, утилизации, при этом учитываются даже поездки сотрудников в офис. Две трети этих выбросов обычно связаны с цепочкой поставок, отмечают в McKinsey. Поэтому поиск поставщиков, которые придерживаются ESG-стандартов, становится важной задачей для компаний.

Россия находится на ранней стадии ESG-трансформации бизнеса, отмечает основатель ESG Consulting Екатерина Герус. На этом этапе необходимы инвестиции в адаптацию к новым принципам и рано говорить о результатах. Однако процесс идет. «По разным оценкам, на 60–80% устойчивости или ее отсутствия обусловлены поставщиками. Проверять их по ESG-факторам — необходимо. Ряд российских компаний — металлургическая, химическая промышленность — уже предъявляют поставщикам ESG-требования», — отмечает Андрей Черногоров, руководитель экспертного центра ESG-трансформации «Деловой России», гендиректор Bidzaa.

Вопрос соответствия особенно актуален для экспортеров, отмечает директор направления CPM компании «Лига цифровой экономики» Юлия Захарова. «Им нужно доказать, что они действительно выполняют ESG-требования. Приходится проходить через процедуры контрольных закупок, дополнительные аудиты для иностранных партнеров, которые хотят быть уверенными, что принципы действуют не только на бумаге. Часть игроков, естественно, не была готова к такому радикальному внешнему ESG-аудиту. Отставание в сфере ESG для некоторых компаний уже ведет к потере конкурентоспособности», — говорит она.

Сложный этап

По данным опроса McKinsey, который проводился среди топ-менеджеров крупных европейских компаний, только 20% респондентов используют соответствие принципам ESG в качестве основного критерия отбора или проверки поставщиков. Одна из проблем расширения такой практики — отсутствие необходимых инструментов, навыков и данных у директоров по закупкам, считают в McKinsey: «70% участников опроса заявили, что в их организации не понимают, где в их цепочке создания стоимости генерируются выбросы категории Score 3, для 90% респондентов трудно определить верные действия

в стратегии ESG, и почти три четверти не знали, какие цели ESG необходимо ставить».

С похожими проблемами сталкиваются и в России. «Пока у игроков отсутствует четкое понимание, что такое ESG и как его соотносить с операционной деятельностью и стратегическими целями. На государственном уровне повестка только формируется, а без индустриальных стандартов даже крупным игрокам тяжело самостоятельно внедрять эти подходы в свои процессы», — говорит Юлия Захарова. «Тема ESG, в особенности для стран СНГ, относительно новая. Компании только начинают фокусировать внимание и формировать бюджеты этого направления, им еще предстоит определиться с приоритетами и подстроить собственные бизнес-процессы под критерии устойчивого развития», — отмечает Нодирбек Юлдашев, глава отдела корпоративного развития компании AKFA Group.

Первоочередные шаги

Для повышения устойчивости закупок эксперты McKinsey рекомендуют встроить критерии ESG в стандартные процессы выбора поставщиков, организации закупок и управления поставками и обучать этому специалистов. Похожие рекомендации дают и российские эксперты. «Сначала необходимо внедрить систему ESG-оценки поставщиков, —

говорит Екатерина Герус. — Целесообразно разработать и опубликовать кодекс ответственных закупок, который будет содержать основные экологические и социальные требования компании к поставщикам. Понятно, что сейчас немногие компании способны на 100% соответствовать ESG. Начинать надо с просвещения поставщиков в области ESG и помощи им в трансформации, не устанавливая жестких требований. Однако надо четко определить период, в течение которого поставщики должны измениться». По словам Екатерины Катлабуги, начальника отдела поддержки продаж компании Овегос, система оценки поставщиков по критериям ESG может состоять из формирования к ним требований, анализа отчетности, разработки опросника (системы показателей) и оценки при отборе, можно проводить анкетирование по вопросам охраны окружающей среды, социальной ответственности, менеджмента и на этой основе оценивать их с точки зрения применения принципов ESG.

Андрей Черногоров считает, что если поставщик только сегодня услышал термин ESG, но поверил в него и готов меняться, то это уже можно считать как устойчивость. «Но как ESG-рейтинг заемщика не отменяет актуальность обычных кредитных рейтингов, так и оценка поставщиков по ESG-критериям не отменяет стандартную проверку на добросовестность и финансовую состоятельность», — предупреждает эксперт.

Договорные отношения

Чтобы внедрять ESG повсеместно, а не только в отдельной компании, нужны единые стандарты, считает Юлия Захарова. Пока же игроки пытаются либо разработать собственные правила и регламенты, либо применять различные действующие международные стандарты. В итоге каждая организация может предъявлять уникальные требования устойчивым поставкам. «Поставщики будут вынуждены прорабатывать и предоставлять каждому клиенту свои особые подтверждения выполнения целей ESG», — говорит госпожа Захарова. — Компании должны выработать единые правила достижения целей устойчивого развития по всей цепочке поставок».

Как отмечает Екатерина Катлабуга, процесс уже идет. В экспертной палате «Деловой России» запущен профильный центр ESG, который помогает российским компаниям совершенствовать ESG-показатели. В ближайших планах — подготовить ESG-стандарт закупочной деятельности и ввести его в практику.

Важную роль в повышении устойчивости закупок играет и цифровизация, но она также нуждается в проработке стратегии работы с данными, считает Юлия Захарова: «Только после этого нужно переходить к сложным расчетам, таким как, например, определение в конечной продукции доли выбросов личного автотранспорта сотрудников поставщика. Потенциально можно рассмотреть использование смарт-контрактов и более широкое применение блокчейна для обеспечения контролируемости исполнения заявленных параметров». Колоссальные дополнительные возможности для оптимизации логистических цепочек и сокращения расходов дают предиктивные модели и технологии искусственного интеллекта (ИИ), добавляет генеральный директор DIS Group Павел Лихницкий.

Появляются и первые цифровые решения в этой сфере. В России площадка Bidzaa предоставляет возможность выбора поставщиков, прошедших ESG-сертификацию. По словам Екатерины Герус, в Европе популярностью пользуются сертификация поставщиков EcoVadis и такие решения, как Agavo — система управления эффективноcтью и рисками третьей стороны на базе интеллектуальной автоматик. Другим партнером EcoVadis является Coupa Software — поставщик решений для управления расходами бизнеса (BSM). Они предлагают облачную платформу BSM, объединившую организацию с большим количеством поставщиков по всему миру. Платформа позволяет получать подробную информацию о поставщиках, добиться экономии и устойчивости. Еще один пример — цифровые решения компании GEP, помогающие повышать операционную эффективность и обеспечивающие прозрачность цепочек поставок.

Однако следует учесть, что для компаний, внедряющих ESG-подходы, неизбежно увеличение стоимости закупок — по крайней мере на начальном этапе, считает Юлия Захарова: необходимо проверять выполнение всех метрик, подтверждающих, что поставщик действительно соблюдает ESG-требования. «Многим компаниям на этом пути предстоит принять сложное решение — отказаться от выгодного финансового, но неустойчивого поставщика, — соглашается Екатерина Герус. — В этой ситуации можно выработать тактику постепенного отказа от неустойчивых поставщиков, понимая, что тем самым компания сокращает свои риски, увеличивает качество продукции, что в будущем окажет положительное влияние на ее бизнес».

Наталья Горова

регенерация

«Потребители все чаще покупают продукцию из-за ценностей бренда»

Клаудио Кавикьоли, генеральный директор L’Oreal в России и СНГ, о том, как и для чего компания трансформирует свои цели и развивает программу устойчивого развития, делая частью этой трансформации поставщиков и потребителей.

— интервью —

— Компания L’Oreal относится к компаниям, заявляющим об активной ценностной трансформации своего бизнеса. Какова ваша миссия и в чем вы видите основные несоответствия ей в текущей операционной деятельности компании?

— Основная идея того, что мы называем своей миссией, — «Создавать красоту, которая движет миром». Эта концепция берет свое начало от понимания, что сегодня потребители не покупают продукты и бренды только за их «потребительские свойства», но, что важно, все больше и больше за социальные ценности, которые представляет бренд. L’Oreal — одна из первых международных компаний, представивших программу устойчивого развития в 2013 году и обновивших ее в 2020 году. Часть этой программы — L’Oreal for the Future — компания ассоциирует с каждым брендом и с компанией в целом. Ценности программы связаны с важными социальными инициативами. Бренды также представляют свои инициативы. Так, Garnier борется против пластикового загрязнения, La Roche Posay улучшает жизнь детей, больных раком, L’Oreal Paris борется против домогательств в общественных местах, Kiehl’s организует сборку, сортировку и переработку косметической упаковки, другие бренды объявят о своих инициативах в ближайшее время.

— Стратегия L’Oreal for the Future до 2030 года содержит разные элементы подходов к управлению устойчивым развитием: от капитализма заинтересованных сторон до регенеративных практик. Какое место в этом переходе отводится управлению — как оно должно меняться?

— Управление компанией учитывает цели устойчивого развития, а не только получение прибыли. Это возможно делать параллельно, шаг за шагом меняя решения в области бизнеса в пользу устойчивых процессов. Так, на

пример, мы трансформируем ряд логистических решений в пользу более экологичных, меняем упаковку наших продуктов на более экологичные, а составы продуктов — на более натуральные и биоразлагаемые без ущерба для качества.

— L’Oreal к 2025 году должна стать углеродно-нейтральной. Такая формулировка все чаще вызывает вопросы НКО и ученых, в том числе из-за покупок так называемых офсетов (сокращений выбросов на рынке). Как компания будет добиваться абсолютного снижения прямых и косвенных парниковых выбросов?

— К 2025 году мы достигнем нулевого уровня выбросов углекислого газа на всех своих объектах за счет повышения энергоэффективности и 100% использования возобновляемой энергии (ВИЭ). Наше обязательство — до 2025 года достичь углеродной нейтральности всех наших объектов (фабрик, распределительных центров, административных объектов и исследовательских объектов), то есть направления 1 и 2, без углеродной компенсации. Мы продолжаем усилия по повышению энергоэффективности местных ВИЭ, когда это возможно. В конце 2020 года мы уже сократили выбросы CO₂ на всех наших промышленных объектах по всему миру на 81%, а административных и исследовательских зданий — на 76% по сравнению с 2005 годом. У нас было 72 углеродно нейтральных объекта, из них 19 — заводы.

Наша следующая цель — сократить к 2030 году выбросы парниковых газов во всех на-

правлениях на 50% на единицу готового продукта (на 25% в абсолютном выражении) по сравнению с 2016 годом — цель, утвержденная инициативой Science-Based Targets еще в 2017 году. Чтобы добиться ее, мы должны бороться с прямыми и косвенными выбросами. С одной стороны, это означает работу по сокращению выбросов CO₂ нашими поставщиками. Для этого мы поставили конкретные цели: к 2030 году наши стратегические поставщики сократят свои прямые выбросы (направления 1 и 2) на 50% в абсолютном выражении по сравнению с 2016 годом. С другой стороны, это подразумевает сокращение углеродных выбросов, связанных с использованием наших продуктов. Мы будем вводить инновации, чтобы дать возможность нашим потребителям сократить к 2030 году выбросы парниковых газов, образующиеся при использовании нашей продукции, на 25% по сравнению с 2016 годом (в среднем на единицу продукции).

Обязательство L’Oreal к 2050 году — достижение нулевых выбросов в качестве участника инициативы «Бизнес-амбиции на 1,5°С», к которой мы присоединились в 2019 году. Это подразумевает сокращение выбросов в нашей цепочке создания стоимости в соответствии со сценарием +1,5°С и нейтрализацию любых оставшихся источников выбросов за счет постоянного устранения эквивалентного количества CO₂. Наши цели на 2025 и 2030 годы — это шаги, которые проложат путь к новым стратегиям по сокращению нашего углеродного следа до 2050 года. Это единствен-

ный способ внести по-настоящему позитивный вклад в борьбу с изменением климата.

— Компания также поставила перед собой набор целей, призванных ускорить переход к циклической экономике. К 2030 году 95% ингредиентов в продуктах компании будут иметь биологическое происхождение, получены из распространенных минералов или в результате рециркуляции, а 100% отходов будут повторно использоваться или перерабатываться. Ваша продукция может когда-нибудь на 100% соответствовать принципам циклической экономики и стать услугой?

— Мы выпускаем средства повседневного использования в самых разных категориях: уход за кожей и волосами, краски для волос, макияж, ароматы и другие. Они созданы, чтобы делать людей более уверенными в себе, а их жизнь — гораздо комфортнее. Мы рассчитываем, что благодаря нашей трансформации, трансформации сообществ и экологизации инфраструктуры мы на 100% будем соответствовать принципам циклической экономики. Значение услуги безусловно растет, но не как замены продукту, а как помощь в выборе подходящих продуктов. Для этого L’Oreal создает, например, биоти-технологии, которые позволяют виртуально примерить разные оттенки краски или макияжа.

— Вы каким-то образом оценивали эффективность платформы Inside Our Product об ингредиентах, составах и подходах к ним?

— Сайт Inside our Products — часть нашей стратегии прозрачности, которая помогает потребителям сделать осознанный выбор косметических средств в соответствии с их ценностями. Сайт отвечает на вопросы потребителей об ингредиентах, входящих в состав продукции, подходах к созданию формул, оценке безопасности, а также позволяет получить простые ответы на самые обсуждаемые темы в области применения и безопасности косметики. Мы видим, что эта платформа очень популярна и полезна для потребителей.

— Каким образом вы распространяете свои социальные инновации на поставщиков и других контрагентов?

— Мы ведем активную работу со своими бизнес-партнерами (поставщиками и клиентами), чтобы помочь им улучшить показатели устойчивого развития и гарантировать, что принципы деятельности наших партнеров будут не менее строгими, чем политика L’Oreal. Мы также объединяем усилия со своими поставщиками в развитии программы солидарных закупок, посредством которой L’Oreal направляет долю своих глобальных закупок поставщикам, которые предоставля-

ют людям, как правило исключенным из рынка труда, работу и устойчивый доход. В числе таких поставщиков — компании, трудоустранивающие представителей социально незащищенных групп населения, организации, которые могут не иметь доступ к международным тендерам, а также малые компании. Все они находятся в регионах присутствия L’Oreal. Наши марки также работают в этом направлении и, пользуясь своим авторитетом, стремятся привлечь внимание партнеров, поставщиков и покупателей к главным социальным проблемам сегодняшнего дня.

— Какие внешние социальные проекты и программы сейчас приоритетны для компании и почему?

— Социальные миссии брендов — это важные для нас проекты, которые мы транслируем нашим потребителям. В 2020 году бренд Garnier запустил программу устойчивого развития Green Beauty и масштабировал ее в реальных проектах по борьбе с пластиковым загрязнением. В этом году бренд обустроил экопляж на побережье Черного моря для экологичного отдыха людей. В августе 2021 года L’Oreal Paris запустила программу Stand Up борьбы с домогательствами в общественных местах. Уже около 10 тыс. человек прошли специальное обучение. La Roche Posay улучшает жизнь детей, больных раком. Maybelline New York помогает бороться с тревогой и депрессией у подростков.

— Вы оцениваете каким-то образом социальный эффект от соответствующих программ и проектов?

— В своей стратегии устойчивого развития мы опираемся на конкретные показатели и исследования. Согласно исследованию, проведенному независимой исследовательской организацией Ipsos, россиян больше всего волнуют вопросы отходов — 39%, загрязнения воды — 37%, вырубки лесов — 59%. В социальных инициативах брендов мы отвечаем на наиболее острые запросы общества и проблемы окружающей среды. Например, в рамках инициативы Garnier Green Beauty 700 волонтеров приняли участие в субботниках бренда и собрали 63 тонны отходов. Мы уверены, что такие проекты оказывают позитивное влияние на общество, на образ мышления и конкретные действия людей для улучшения окружающей среды и общественного благополучия. C L’Oreal for the Future мы участвуем в амбициозном плане по оказанию положительного воздействия на окружающую среду и сообщество. Мы полны решимости достичь всех наших целей, сотрудники и менеджеры полностью вовлечены в процесс и очень гордятся этим. Мы обязательно добьемся поставленных целей.

«Потенциальные выгоды выше издержек низкоуглеродного развития»

— интервью —

НИКИТА ВОРОБЬЕВ, директор по экологии и климату группы НЛМК, — о техниках и технологиях снижения углеродного следа компании и ее продукции, а также издержках и выгодах низкоуглеродного развития для России.

— В Глазго многие удивлялись, что Россия в принципе стала что-то делать для снижения углеродного следа своей экономики. Расскажите, как в этом участвует компания?

— Да, действительно, есть такой миф, что российские компании никогда не занимались ни экологическими, ни климатическими вопросами и безнадежно отстали. На самом деле, это далеко не так. Группа НЛМК давно и последовательно снижает углеродный след. Например, за последние десять лет мы снизили расход угля для производства стали на 25% — а это 2,5 млн тонн угля в год, или такой объем эмиссии CO₂, который эквивалентен выбросам нескольких миллионов автомобилей.

Сегодня мы уже достигли неплохих показателей: например, эмиссия CO₂ наших доменных печей — на уровне 10% лучших в Европе, в целом мы входим в число глобальных лидеров, но, конечно, реализуем и новые проекты. Например, строим новую электростанцию на попутных газах металлургического производства, которая позволит повысить долю собственной генерации НЛМК с 65% до 95% и сократить эмиссию парниковых газов на 650 тыс. тонн в год. Внедряем новые технологии обогащения руды, которые позволяют увеличить содержания железа в сырье и снизить расход топлива доменных печей — это еще более 800 тыс. тонн CO₂ в год.

Но мы понимаем, что потенциал текущей технологии ограничен, и планируем создание нового производства на базе наилучшей доступной сегодня промышленной технологии — прямого восстановления железа. Эта технология имеет углеродный след в два раза ниже по сравнению с «классической» доменной технологией и позволит нам предо-

тратить эмиссию более 3 млн тонн парниковых газов только в рамках упомянутого проекта, который мы реализуем в Белгородской области.

Мы также исследуем и технологии улавливания и использования CO₂, применение биотоплива, перерабатываем внешние климатические проекты и много других направлений, поскольку понимаем, что сегодня нет «серебряной пули» в сфере декарбонизации.

— Вы уже считаете косвенные выбросы парниковых газов, происходящие от вашей деятельности?

Каким образом вы намерены снизить эту часть эмиссии?

— Да, в прошлом году мы впервые произвели такую оценку. Сразу скажу: поскольку мы вертикально интегрированная компания, объем Score 3 (косвенные выбросы, охват 3 — „Б-Регенерация“) для нас существенно уступает первым двум охватам — менее 8 млн тонн Score 3 против порядка 34 млн тонн Score 1 и 2 (прямые выбросы, связанные с основной деятельностью компании. — „Б-Регенерация“). Для нас Score 3 — это прежде всего эмис-

сия от добычи, переработки и транспортировки каменного угля, природного газа, жидкого топлива и так далее.

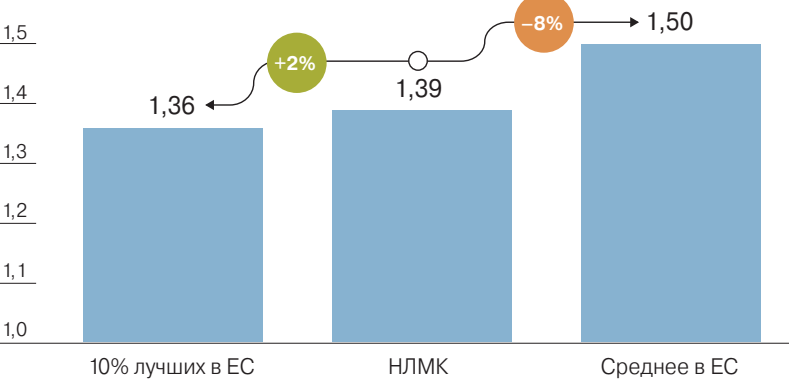
Главное, что мы непосредственно делаем для снижения косвенной эмиссии, — сокращаем само потребление топливно-энергетических ресурсов. Также мы начинаем работу с поставщиками по предоставлению информации об углеродном следе продукции и расходе энергии. Компания видит в этом направлении один из инструментов декарбонизации. Например, стимулируя поставщиков угля снижать выбросы метана при его добыче и переработке.

— Готовы ли, на ваш взгляд, компании, да и вся российская промышленность, к радикальному снижению углеродного следа?

— Вы знаете, сегодня это вопрос не только готовности компаний, но и наличия возможностей для этого, прежде всего технологических и ресурсных. Могу сказать однозначно, что группа НЛМК — одна из тех, кто имеет лучшие возможности для трансформации в условиях активной климатической повестки. Во-первых, у нас есть собственное сырье, причем такого качества, которое может быть использовано в упомянутой технологии прямого восстановления железа. Лишь 30% железорудного сырья в мире пригодно для этих целей. Во-вторых, мы имеем собственное производство на рывок, где наиболее активен спрос на низкоуглеродные продукты, прежде всего ЕС. И, в-третьих, мы уже инвестируем в технологию, которая может в перспективе позволить действительно достичь радикального снижения углеродного следа. Сегодня мы планируем использовать для восстановления железа природный газ, но после появления промышленно освоенных технологий восстановления железа водородом, а также достаточного объема низкоуглеродной электроэнергии данная технологическая цепочка позволит снизить уровень углеродоемкости группы до 0,1–0,2 т CO₂/т стали, или более чем на 90%. Это действительно радикально. И мы будем к этому готовы на горизонте уже ближайших 10–20 лет.

ЭМИССИЯ CO₂ ДОМЕННЫМИ ПЕЧАМИ НЛМК (CO₂/Т СТАЛИ)*

ИСТОЧНИК: НЛМК.

*Рассчитано по европейской методологии EU. Среднее значение в ЕС по данным Европейской ассоциации производителей стали (Eurofer). Расчеты верифицированы независимым аудитором.

— За какой инструмент регулирования вы бы проголосовали: углеродный налог, рынок торговли сокращениями выбросов или их комбинацию?

— Вы знаете, я думаю, что сейчас основным драйвером должен стать рыночный стимул для декарбонизации: предприятия будут снижать углеродный след, потому что это одно из требований клиентов, есть активный запрос с их стороны. Что касается регулирования, то для определения эффективной модели необходимо для начала провести полноценный анализ по отраслям, определить отраслевые бенчмарки, провести переговоры с ЕС о взаимном признании регулирования (в контексте активно обсуждаемого трансграничного углеродного сбора) и только потом принимать решение о том, как будет выглядеть система в России. Да, в мировой практике мы чаще видим системы торговли квот, но это непростая система, которая требует тщательного администрирования.

— Рассматриваете ли вы появление внутренней цены на углерод в компании в качестве инструмента декарбонизации?

— Не просто рассматриваем, а уже используем. Для всех проектов с материальным CO₂-эффектом мы уже сегодня считаем экономический эффект в двух вариантах: с учетом и без учета углеродной цены. И у нас уже есть положительные примеры, когда

этот фактор позволил запустить ряд значимых для компании проектов.

— Какими вы видите среднесрочные и долгосрочные издержки и выгоды низкоуглеродного развития для России?

— Российские металлургические компании могут продемонстрировать конкурентоспособность в условиях декарбонизации. Мы уже создаем передовые продукты для адаптации общества к условиям углеродной нейтральности. Сталь играет ключевую роль в создании энергетических и транспортных систем будущего, устойчивой к изменению климата инфраструктуры, в жилищном строительстве, низкоуглеродном производстве и сельском хозяйстве. Мы уже производим такую продукцию. Это, например, электротехническая сталь НЛМК, которая повышает эффективность трансформаторов и электродвигателей и позволяет сократить эмиссию CO₂ у конечных пользователей на 8 млн тонн в год за счет замещения двигателей внутреннего сгорания. Кроме того, мероприятия по декарбонизации позволяют реализовать потенциал металлургии как части экономики замкнутого цикла не только потому, что сталь — это полностью перерабатываемый продукт, но и потому, что большой объем нашей попутной продукции используется в других отраслях: от химической до отрасли дорожного строительства. Так что, уверен, год здесь точно больше.

регенерация

ESG не для галочки

Внимание потребителей, инвесторов и государства к экологичности и этичности компаний растёт — они меняются сами и ждут того же от бизнеса. Формального принятия стратегии устойчивого развития и выпуска ESG-отчета уже недостаточно, чтобы подтвердить намерения организаций становиться ответственнее. Неприемлема и ситуация, когда заявленные ESG-цели интересуют только отдел маркетинга и коммуникаций или подобные подразделения — несогласованность заявлений и реальных действий компании создает недоверие к ней на рынке. Решить эти проблемы позволяет внедрение принципов устойчивого развития на всех уровнях корпоративной культуры. Такая гармонизация позволяет отделам внешних коммуникаций рассказывать участникам рынка не о планах, которые никто не собирается выполнять, а о реальном движении к этичности, экологичности и устойчивости бизнеса.

— инструменты —

Кредитка как голос

По мнению 95% покупателей, принявших участие в опросе рекламного агентства Barkley и инвесткомпаний Jefferies Group, бизнес не должен сосредотачиваться лишь на увеличении прибыли. Его роль в обществе видится потребителям более глубокой: компании должны участвовать в противостоянии глобальным вызовам и нести социальную и экологическую ответственность. Опросы проводились в США, чтобы оценить изменения в отношении к ESG-повестке в 2019–2021 годах. Исследователи утверждают, что потребители отличают декларации корпораций от содержательных действий в области устойчивого развития и готовы поддерживать вторые деньгами: 48% опрошенных заявили, что при выборе между двумя продуктами конкурирующих брендов они выбрали тот, производитель которого предпринимал реальные действия в рамках соответствующей повестки, а 75% таких покупателей рекомендовали этот бренд другим. При этом 49% руководителей опрошенных компаний признают, что не готовы внятно рассказать, какие программы их предприятия реализуют в области ESG.

Те же тренды наблюдаются и в Европе. По данным исследования Deloitte, проведенного в 15 странах ЕС в 2021 году, потребители стали осознаннее выбирать продукты и считают, что не только производители, но и торговые сети могли бы стремиться к большему соответствию своих рыночных практик ESG-декларациям. И в России, где вопросы устойчивого развития стали широко обсуждаться значительно позже, по данным октябрьского опроса ВТБ, 64% клиентов банка готовы отказаться от товаров, наносящих существенный вред природе.

Ближе к делу

Рост внимания потребителей к реальному исполнению компаниями их деклараций в области устойчивого развития в Barkley объясняют повышением экологической и социальной активности граждан. При этом фокус внимания сместил-

ся с вопросов переработки отходов на более сложные материи: все больше людей сокращают потребление и придерживаются минимализма как образа жизни (+14% с 2019 года), тщательнее выбирают покупки (+6%), участвуют в волонтерской деятельности (+3%) и даже выбирают работодателей, разделяющих ценности устойчивого развития, или работу, связанную с ними (+2%).

По данным же Deloitte, где исследовали готовность компаний участвовать в борьбе с изменением климата (опрос 350 членов аудиторских комитетов компаний из 40 стран), почти 60% сотрудников хотят работать в компаниях, соответствующих их персональным и этическим ценностям. Это дает таким компаниям преимущество в привлечении и удержании талантливых сотрудников, однако при этом 42% специалистов замечают, что их компании выполняют свои климатические цели недостаточно быстро и полно.

Реальных действий ждут и инвесторы — учет нефинансовых факторов играет все более важную роль в оценке рисков и перспектив роста компании. В Barkley и Jefferies Group называют 2021-й годом инвесторского экоактивизма. По их

данным, инвесторов в ESG-повестке больше всего беспокоят проблемы окружающей среды (изменение климата, потеря биоразнообразия, проблема отходов и другие) и этичность бизнеса.

Мимо целей

В то же время 70% руководителей крупнейших компаний мира не сильно обеспокоены изменением климата, 60% не учитывают климатическую угрозу в работе с рисками (данные ежегодного опроса руководителей крупнейших компаний мира PWC 2021 года). Отсутствие должного внимания к экологической повестке у российского бизнеса подчеркивают и в агентстве «Эксперт РА»: в ноябре 2021 года оно проанализировало 134 годовых отчетов и отчетов об устойчивом развитии крупнейших российских компаний и банков, и экологическая составляющая в их ранкинге получила наименьший балл (1,16 из 2).

Одна из причин, по которым ESG-программы компаний реализуются медленно и не всегда последовательно, связана с тем, что заявленные ценности и этические нормы не проникают во все уровни компании, нередко остаются лишь лозунгами для внешней коммуникации. Зачастую разработка программы в области устойчивого развития и этических норм, а также их реализация локализованы в одном департаменте или даже делегированы отдельно человеку. Остальные же подразделения часто плохо информированы о существующих в компании ESG-целях и способах их достижения, не знают, как действовать в соответствии с ними. В этом убеждены эксперты крупного провайдера бизнес-решений в области риск-менеджмента и устойчивого развития SAI Global. Такая же ситуация и с климатическими инициативами: по данным опроса Deloitte среди членов аудиторских комитетов крупнейших ми-

ровых компаний, отсутствие четкости внутренних программ, направленных на сокращение углеродного следа, наряду с неоднозначными стандартами его измерения — причины медленного перехода бизнесов к углеродной нейтральности.

Когда публично задекларированные ценности не получают отражения в виде реальных программ (лишь 18% компаний показывают эти направления своей работы в годовом финансовом плане), они не включаются в операционную работу, не входят в систему KPI и могут вступать в противоречие с бизнес-целями. Даже осведомленные сотрудники, разделяющие ценности и этические нормы компании, могут сталкиваться с затруднениями в их практической реализации, не имея возможности менять существующие бизнес-процессы и KPI. И если в организации нет работающего способа, позволяющего сотрудникам сообщать о противоречиях, возникающих между реальными действиями и декларируемыми ценностями, то эти противоречия могут стать причиной репутационного риска для всей компании.

Формирование внутренней среды

В SAI Global, ссылаясь на разработанную модель ценностного развития корпоративной культуры, рекомендуют внедрить ESG-принципы на всех уровнях компании, которые будут помогать сотрудникам принимать решения в ежедневной работе. Эти принципы должны описывать способы реализации ценностей компании и этичного поведения в организации, а также методы и правила оценки их потенциала и изменений в работе компании.

Предложенная модель предсказания этических рисков, с одной стороны, задает параметры, по которым может развиваться корпоративная культура, с другой — может стать ориентиром для старта внутренних

коммуникаций о культуре и этике и в то же время служить инструментом для регулярного отслеживания изменений внутренней среды компании (см. таблицу). Эксперты SAI Global рассчитывают, что ценности и этика, интегрированные в корпоративную культуру на всех уровнях, станут нормой и будут учитываться сотрудниками при принятии операционных решений, а в отделы коммуникаций компаний вернутся реальные данные о действительно реализуемых программах.

Внешние коммуникации

Потребители (60%, согласно Barkley и Jefferies Group) хотят, чтобы компании не только реагировали на их запрос, но и провели детальную оценку программ и проектов и разработали собственную стратегию, опережающую требования общества. Эта стратегия должна затрагивать не только внешние процессы и коммуникации компаний, но и основные бизнес-процессы, а также отношения с сотрудниками. Это позволит перенаправить коммуникационные усилия на реальные изменения вместо траты ресурсов на следование за трендами в информационной среде.

Всем заинтересованным сторонам нужно идти от организации доказательств реального движения к устойчивому развитию, включая прозрачные индикаторы, подтвержденные внешней экспертизой, реальные проекты, направленные на достижение ЦУР, в том числе реализованные в партнерстве с другими публичными компаниями. ESG-обращения должны иметь четкие временные рамки, соответствующие срокам, определенным глобальными задачами, а лучше — опережающие их. Ответность же должна быть понятной и раскрывать суть действий и их последствия для систем, лежащих за границами основной деятельности организации.

Екатерина Колчанова

Лекарство от экологической тревожности

— инструменты —

Предотвращение и минимизация последствий нарастающих климатического и экологического кризисов требует перестройки общественного сознания. Индивидуальное и общественное экологическое сознание — предмет экологической психологии. Использование ее подходов и инструментов может позволить бизнесу не только усилить внутреннюю трансформацию, но и способствовать трансформации потребителей.

Психология среды

Глобальный климатический и экологический кризисы приводят к повышению общественной тревоги и вместе с этим к росту экологической осознанности. Исследование потребительского поведения PwC за 2020 год показывает, что 80% респондентов в России обеспокоены вопросами экологии. По словам Елены Сауткиной, профессора факультета социальных наук НИУ ВШЭ, международный эксперт в области психологии среды, для российского общества в целом характерны сильная связь с природой и высокий уровень экотревожности.

Существует набор психологических феноменов, которые затрудняют переход к уровню сознания, адекватному вызовам времени. Напри-

мер, из-за отсутствия личного опыта переживания последствий серьезных катаклизмов людям трудно осознать риски текущего экологического кризиса, а низкая информированность и нагнетание ситуации в СМИ усиливают синдром выученной беспомощности и чувство личной неэффективности.

Исследованием отношений в системе «человек-природа» и изучением проэкологического поведения людей занимается экокпсихология, или психология среды (Environmental Psychology). «Это направление стало активно развиваться с 1970-х годов в ответ на вызовы, связанные с планировкой городов, а также с экологическими вызовами. Например, в нашей стране большое влияние оказала авария на Чернобыльской АЭС», — поясняет Елена Сауткина.

С 2000-х годов внимание экокпсихологов концентрируется на трех проблемах: глобальных средовых изменениях, устойчивом развитии и проэкологическом поведении. Проэкологическое поведение направлено на снижение вреда окружающей среде или оказание на нее благоприятного воздействия. Экокпсихологи уверены, что выход из глобального кризиса возможен, если все заинтересованные стороны: государство, бизнес, ученые и гражданское общество — объединят усилия для формирования новой культуры. Эта задача связана с

просвещением и мотивацией людей к проэкологическому поведению. «Чтобы решить проблему изменения климата, а также насущные социальные проблемы нашего времени, мы должны фундаментально пересмотреть понимание себя и мира вокруг нас», — говорит Деннис Кили, президент EcoPsychology Initiative и член правления A Climate to Thrive — объединения бизнеса и местного сообщества, призванного сделать остров Маунт-Дезерт энергетически независимым к 2030 году. — Ключ к значимым изменениям — в признании нашей взаимозависимости со всей жизнью и реинтеграции естественных принципов в нашу жизнь».

Особую роль в вопросах преодоления кризиса в России возлагают на бизнес. «Бизнес должен устанавливать новые общественные ориентиры в области устойчивого развития и быть главным двигателем изменений. Проактивная экологическая позиция и противостояние гринвошингу выгодно бизнесу — доверие потребителей к устойчивым компаниям будет только расти», — убеждена госпожа Сауткина.

Помимо перехода к экологически устойчивой низкоуглеродной модели развития бизнес может заниматься просвещением и мотивировать людей. Например, в июне 2021 года крупные игроки финансового сектора и рынка электронной коммерции

создали EAC Coalition (коалиция «Каждое действие имеет значение»), ставящую задачу обмена знаниями и поиска инновационных технологических решений для блага планеты. По словам представителя альянса Марианны Хаар, цель — к 2025 году с помощью экспертов в области устойчивого развития и новых технологий дать возможность миллиарду человек повысить экоосознанность и сформировать новые нормы поведения.

Инструменты для компаний

Экологическая психология предлагает бизнесу рассмотреть три метода, которые могут повлиять на мотивацию к проэкологическому поведению сотрудников и потребителей.

Первый — комбинировать внешнюю и внутреннюю мотивацию. Мотивировать человека к проэкологическому поведению можно с помощью внешних и внутренних стимулов. Внешняя мотивация связана с тем, как мои действия повлияют на мою ситуацию, здоровье, финансы. Внутренняя мотивация — более сильная и длительная: она связана с ценностями, нормами, чувством личной ответственности, пользой окружающей среде и обществу. Эффективнее всего будет работать комбинация этих двух стимулов. Елена Сауткина считает, что двойную мотивацию можно было бы реализовать через smart-счетчики

и приложения обратной связи, которые мониторят, что именно мы потребляем (продукты и услуги), как перемещаемся, и дают научно обоснованную, но понятную обратную связь как о воздействии на окружающую среду, так и о влиянии этих активностей на наше здоровье и финансы. Например, покупка кофе в свою термocupку давала бы покупателю smart-сигнал: он только что избежал попадания в организм микропластика из одноразового стакана и позаботился о своем здоровье, а одновременно с этим внес конкретный вклад в борьбу с загрязнением окружающей среды.

Второй метод — активировать новые социальные нормы. Человеку важно соответствовать принятым в социуме нормам и получать за это одобрение. Чтобы сформировать новое проэкологическое поведение, его нужно сделать общественной нормой, которая признается и поощряется. Бизнес может использовать в коммуникациях с потребителями цифры и наглядную статистику, подтверждающие значительный рост внимания россиян проблемам экологии. Например, исследование потребительского сектора Deloitte за 2021 год показывало, что 58% россиян отмечают влияние экологичности товара и упаковки на их выбор. Осознание того, что ответственное потребление становится общепринятой нормой, будет мотивировать людей ей соответствовать.

Чтобы реализовать этот подход внутри компании, можно проводить опросы персонала и демонстрировать их результаты, показывающие динамику экокпривичек сотрудников. Потребность в соответствии нормам корпоративной культуры может активировать мотивацию к проэкологическим действиям у всей команды.

Третий метод — сделать устойчивость доступной. Выбор в пользу проэкологического поведения сильно зависит от того, насколько легко его реализовать. Опросы потребителей международного сообщества Sustainable Brands показывают, что самыми большими препятствиями на пути к более устойчивому образу жизни являются высокая стоимость экотоваров и услуг, отсутствие понимания, с чего начать, и ощущение личной неэффективности в решении глобальных проблем. Бизнес может сделать значительный вклад в устранение этих препятствий. Искать способы снижения стоимости экотоваров и услуг, привлекая науку и технологии. Запускать образовательные проекты для обучения людей экологичной организации быта и устранения ложных убеждений о том, что устойчивое поведение — это дорого и сложно.

«Проэкологическое поведение на самом деле реализовать просто, не сложнее, чем выбрать телевизор», — заключает Елена Сауткина.

Наталья Малахеева

регенерация

Наука безопасности

ЛУКОЙЛ реализует масштабную программу по модернизации трубопроводов. В нынешнем году компания перешла на практически полную замену труб в инновационном антикоррозионном исполнении. Также сокращен парк трубопроводов старше 20 лет. Это будет способствовать надежной профилактике нефтяных разливов и более эффективной защите окружающей среды.

Трубопроводная система ЛУКОЙЛа в России имеет протяженность почти 50 тыс. км — больше, чем окружность Земли по экватору. В 2020 году компания заменила 2,3% трубопроводов, это более 1100 км

— тенденции —

Двадцать девять сантиметров на пиксель — такова разрешительная способность среднего видеоснимка из космоса. С подобным качеством пока невозможно рассмотреть номер машины, а вот чрезвычайные экологические происшествия, например слив предприятием стоков или нефтяной разлив,— запросто. «Роскосмос» уже не раз предлагал ввести систему штрафов по фотографии — точно такую же, как сегодня существует для нарушителей ПДД. Именно космические снимки позволили уточнить последствия разлива нефти в августе текущего года в Новороссийске, происшедшего при погрузке греческого танкера Minerva Symphony. «Ни одна компания ни в одной стране мира не может гарантировать безаварийную работу,— сказала председатель комиссии Общественной палаты РФ по экологии и охране окружающей среды Елена Шаройкина на недавнем круглом столе «Уроки ликвидации последствий резонансных аварий в нефтегазовом секторе в 2021 году».— Другой вопрос, как бизнес реагирует на запросы общества во время кризисных ЧП». Положительными изменениями в российской нефтяной отрасли эксперты круглого стола назвали готовность крупного бизнеса к открытому диалогу с обществом и стремление применять новейшие технологии как для предотвращения разливов нефти, так и при ликвидации аварий. Правда, с учетом российской специфики.

Где тонко, там и рвется

В России одна из самых протяженных систем трубопроводов в мире. Если сложить магистральные, промысловые и распределительные нефтепроводы, получится невероятное расстояние в сотни тысяч километров. При этом климатические и географические условия пролегания трасс, мягко говоря, не самые простые. В советское время трубы в нефтянке меняли планово независимо от их состояния, а вот в турбулентные 1990-е об этом благополучно забыли. В итоге сегодня, по некоторым экспертным оценкам, порядка 75% фонда нефтепроводов по стране можно считать устаревшим. Это особенно печально, учитывая, что когда-то Россия была «законодателем мод» трубопроводного транспорта: саму идею подобного способа перекачки нефти предложил и разработал Дмитрий Менделеев.

Замена труб остается основным способом предотвращения нефтяных разливов. Но вот что на что менять, остается открытым вопросом. На Западе в 1990-е годы металличе-

ские трубы начали активно заменять полимерными: они менее подвержены коррозии, более долговечны и позволяют создавать надежные гибкие соединения. В США, например, таковых порядка 90% трубопроводов полимерные. В России полимерные трубы пока используют-

Замена труб остается основным способом предотвращения нефтяных разливов

ся в основном как эксперимент, хотя и удачный. О положительном опыте применения полимеров в нефтяной отрасли неоднократно говорили эксперты компании ЛУКОЙЛ, которая одной из первых начала использовать новые технологические решения. Неметаллические трубы, например, уже применяются на объектах РИТЭК (научно-технический полигон, который специализируется на разработке, испытаниях и внедрении новых технологий) в Волгоградской области и на объектах «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», «ЛУКОЙЛ-Коми» и «ЛУКОЙЛ-Пермь». По мнению ана-

литиков, внедрение полимеров поможет снизить стоимость продуктов нефтегазодобычи, учитывая, что за последние четыре года стальные трубы подорожали на 30%. Провести более масштабную замену труб на инновационные до сих пор было невозможно из-за отсутствия законодатель-

ной базы. Лишь недавно в Минэнерго РФ была создана межведомственная рабочая группа для разработки государственных стандартов по использованию полимерной трубной продукции, и это должно коренным образом изменить ситуацию. В работе приняли участие эксперты министерства и бизнеса, в том числе представители ЛУКОЙЛа, который управляет развитием промысловой трубопроводной системой в России протяженностью почти 50 тыс. км. Это больше, чем окружность Земли по экватору. В 2020 году компания заменила 2,3% трубопроводов, это более 1100 км.

ИЗ ТОЧКИ А В ТОЧКУ Б

Современный трубопровод — сложнейшее инженерное сооружение, по размаху и технологичности решений не уступающее объектам космической индустрии. Так выглядят самые интересные системы.

«Дружба». Крупнейший трубопровод в мире для транспортировки углеводородов (на это звание претендует еще китайский газопровод Запад—Восток). Протяженность — 8900 км, мощность — 66,5 млн тонн в год. «Дружба» соединяет Альметьевск (Татарстан, Россия) со Шведтом (Германия) и Шаги (Венгрия). Включает в себя 46 насосных станций, 38 промежуточных насосных станций, резервуарные парки которых вмещают 1,5 млн куб. м нефти. На строительство нефтепровода потребовалось четыре года. Запущен в 1964 году.

Трансаяскийский. Один из сложнейших по исполнению нефтепроводов. Протяженность — почти 1300 км. Связывает месторождение Прадхо-Бей на побережье Северного Ледовитого океана с городом Валдиз на берегу Тихого океана. Проходит через зону вечной мерзлоты и регионы с сильнейшими землетрясениями. Проект трубопровода (он построен зигзагообразной ломаной линией) разработал американский ученый русского происхождения Егор Попов. Благодаря инженерным решениям трубопровод выдержал землетрясение силой 7,9 балла в 2002 году. Запущен в 1977 году.

Дзуарикау—Цхинвал. Самая высокогорная система трубопроводов. Протяженность — 175 км, мощность — 252,5 млн куб. м в год. Проходит через пять хребтов Большого Кавказа, в том числе поднимается на Кударский перевал (3148 м). Газопровод потребовал многочисленных инженерных решений, учитывающих особенности местности, в том числе большое количество оползневых, селеопасных и лавиноопасных участков, а также опасность землетрясений. Запущен в 2009 году.

«Северный поток-2». Трубопровод из Усть-Луги (Россия) в Грайфсвальд (Германия) по дну Балтийского моря. Протяженность — 1230 км, мощность — 55 млрд куб. м в год. Проходит через территориальные воды пяти стран: Германии, Дании, России, Финляндии и Швеции.

Трансаравийский. Один из крупнейших заброшенных трубопроводов. 1214-километровая система когда-то соединяла Аль-Кайсум (Саудовская Аравия) и Сайду (Ливан). Пропускная способность — 79 тыс. куб. м в сутки. Само строительство проходило при температуре +55°С, так что металлические детали возможно было брать в руки только в рукавицах. Перекачивание нефти началось в 1950 году. В 1967-м часть нефтепровода перешла под израильский контроль, нефть продолжала передаваться в небольшом объеме. В 1990 году Саудовская Аравия прекратила поставки. Сегодня вся линия не пригодна для транспортировки нефти.

Длиннее длинного

Именно из-за ветхости труб в 1994-м произошла одна из самых известных в мире экологических катастроф. В Республике Коми в реку Колва по причине коррозии из нефтепровода недропользователя АО «Коминетф» вылилось порядка 100 тыс. тонн нефти. Масштаб катастрофы усугубился тем, что об аварии какое-то время не знали и продолжали перекачивать нефть по разрушенному трубопроводу. Когда первые очевидцы приехали на место, они не поверили своим глазам: на болоте разлилось настоящее море нефти. Из-за своих масштабов этот разлив попал в Книгу рекордов Гиннесса. Для устранения последствий катастрофы недропользователю пришлось взять кредиты у Всемирного и Европейского банков в сумме на \$124 млн, а последствия катастрофы устраняли почти 15 лет.

— Значительную часть работ по ликвидации нефтезагрязнения обширной территории пришлось выполнять нам, а именно обществу «ЛУКОЙЛ-Коми», пришедшему в регион в сентябре 1999 года,— рассказывает начальник отдела охраны окружающей среды ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» Андрей Коптелов.— При этом помимо практического приложения усилий все расчеты по кредитам также легли на плечи компании в лице «ЛУКОЙЛ-Коми». Эксперты из нескольких сибирских институтов вместе со специалистами ЛУКОЙЛа разработали и внедрили первую в стране программу рекультивации загрязненной нефтью земель в составе комплексной программы экологической безопасности.

Проведенные работы позволили в 2004 году снять статус зоны экологического бедствия с загрязненных территорий Усинского района. Все го с 2000 по 2019 год к жизни вернулось более 1350 га загрязненных нефтью земель. Ликвидация не самого лучшего советского наследия продолжается на других территориях и сегодня: за 17 лет ЛУКОЙЛ переработал более 921 тыс. куб. м застарелых нефтесодержащих шламов завода в Волгограде, превратив технократическую пустыню в лес, куда вернулись лисы и зайцы (проект был признан лучшим в конкурсе «Экопроект-2020»).

В небе и под водой

Сегодня в нефтяном секторе активно внедряется сразу несколько технологий для своевременного обнаружения утечек и отказов трубопроводов, что само по себе непросто, учитывая огромные территории, через которые проходят магистрали. Помимо решений, связанных с

внутритрубной диагностикой, например космического мониторинга, есть некоторые, которые выйдут любопытно для стороннего наблюдателя. Одно из них — применение для мониторинга беспилотных летательных аппаратов. Представьте себе, как большая катапульта запускает в небо мини-самолет, напоминающий игрушки, которые делают в кружках авиамоделирования. Но в отличие от детской модели, это устройство способно провести в воздухе почти четыре часа и «осмотреть» десятки километров трасс. Официально беспилотники в нефтяной отрасли начали применять в 2006 году, когда Федеральное управление гражданской авиации США выдало компании ВР разрешение на использование дронов при рабо-

ходу движения радужной пленки, развернули первые три рубежа боновых заграждений, смыли радужную пленку с берегов реки, распылили и собрали отработанный сорбент. Это хороший результат, учитывая, что речь идет о заболоченной, труднодоступной местности.

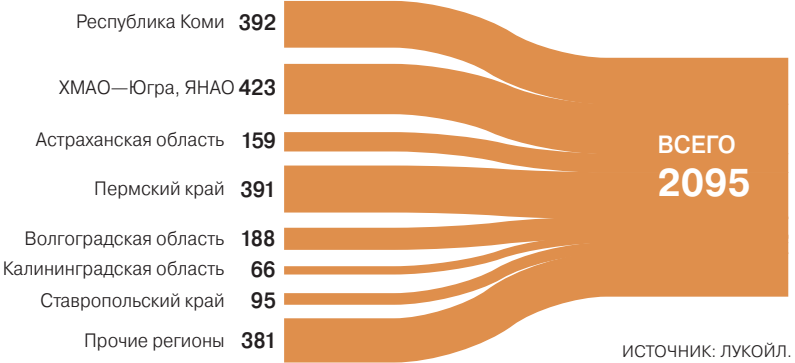
Еще более сложным оказывается мониторинг трубопроводов под водой. ЛУКОЙЛ управляет самой протяженной среди российских нефтегазовых компаний системой морских подводных трубопроводов (550 км) и более 15 лет безаварийно эксплуатирует морские объекты, поэтому здесь накоплен достаточный богатый опыт научных решений. Как же можно проанализировать состояние трубопровода, который залегает на дне? А зачастую к тому же мо-

Беспилотники в нефтяной отрасли начали применять в 2006 году. За это время сама техника усовершенствовалась, а ее применение получило законодательную базу

те на месторождениях Аляски. За это время сама техника усовершенствовалась, а ее применение получило законодательную базу, в том числе в России. В ЛУКОЙЛе новые технологии беспилотного мониторинга активно используют уже два года. Одна из особенностей конструкции — аппараты с двигателем внутреннего сгорания, которые способны работать в тяжелых условиях Севера. Именно это позволило в прошлом году выявить отказ трубопровода у берега реки Лаи и оперативно отреагировать на происшествие: в течение четырех часов с момента обнаружения разлива спасатели установили временные нефтеловушки по

ре это покрыто льдом? Помимо водозащитных осмотров специалисты используют методы внутритрубной и визуальной диагностики, измеряют толщину стенки трубопровода, расщепление металла, пространственное положение оборудования и так далее. Вокруг всех морских объектов круглосуточно дежурят суда с полным набором оборудования для ликвидации возможных ЧС. Неслучайно расходы нефтяных компаний на экологическую безопасность остаются одной из самых солидных строк в бюджете. А технологические решения в этой отрасли — настоящим вызовом как нефтяникам, так и ученым.

ЧИСЛЕННОСТЬ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГРУППЫ ЛУКОЙЛ ДЛЯ ЛИКВИДАЦИИ ЧС (ЧЕЛ.)

Источник: ЛУКОЙЛ.

Показатели надежности трубопроводной системы в России				
	2017	2018	2019	2020
Удельный коэффициент частоты отказов трубопроводов (случаев на км/год)	0,117	0,092	0,081	0,062
Доля парка трубопроводов антикоррозионного исполнения (%)	25,2	26,8	30,4	32,2

Источник: ЛУКОЙЛ.

регенерация

Нефинансовая отчетность становится обязательной

Потребности инвесторов в информации об экологиче-ских, социальных и управленческих аспектах (ESG) трансформируют стандарты корпоративной отчетности. Решение Фонда международных стандартов финансовой отчетности (Фонд МСФО, IFRS Foundation) о включении в свой мандат стандартов по подготовке ESG-отчетности ускорит интеграцию финансовой и нефинансовой отчет-ности. Ранее добровольные нефинансовые стандарты, таким образом, становятся институциональными.

— тенденции —

Финансовые рынки должны оценивать кор-поративные риски и возможности, которые возникают из-за экологических, социаль-ных и управленческих аспектов, поскольку они влияют на стоимость компании. Это со-здаст значительный спрос на высококачес-твенную ESG-информацию. При этом все еще отсутствует универсальный стандарт, кото-рый определял бы, какие показатели долж-ны быть раскрыты в отчетности и как эти по-казатели рассчитать.

Решение этой проблемы было предложе-но множеством добровольных ESG-стандар-тов. Практика применения таких стандар-тов в последние годы продемонстрирова-ла их недостатки: отчеты получаются фраг-ментарными из-за того, что выбор стандар-та отличается от компании к компании, а са-ми стандарты часто имеют узкую тематиче-скую специфику. Фрагментация отчетности увеличивает стоимость и сложность анали-за такой информации для инвесторов и ре-гулирующих органов.

В последние годы инвесторы и другие по-ставщики капитала все чаще указывали на важность приведения ESG-отчетности к вы-соким стандартам качества, выработанным за последние 20 лет стандартами МСФО, ко-торые сегодня применяются в 166 странах и создают международный язык общения, по-нятный инвесторам, компаниям и регулиру-ющим органам. Осенью 2021 года произош-ли долгожданные события, которые будут иметь долгосрочные последствия для разви-тия стандартов ESG-отчетности и прозрачно-сти бизнеса в целом.

Поправки к конституции

В ноябре текущего года Фонд МСФО при-нял новую конституцию (устав организа-ции), согласно которой в фонде создается новый орган, специализирующийся на ESG-отчетности,— Совет по международным стандартам отчетности устойчивого разви-тия (International Sustainability Standards Board — ISSB).

ISSB будет разрабатывать стандарт МСФО по нефинансовой отчетности аналогично с тем, как сейчас в Фонде МСФО разрабаты-вают финансовые стандарты. Задача нового совета — сделать стандарты, которые будут удобны инвесторам для анализа ESG-показа-телей совместно с финансовыми метриками.

Стандартизируемые ESG-показатели бу-дут рассматриваться через призму бизнес-рисков и возможностей компаний, связан-ных с устойчивым развитием. В свою оче-редь, риски и возможности должны найти свое отражение в цене компании, а значит, и доходности инвесторов. Иными словами, нефинансовые стандарты призваны помочь инвесторам учитывать влияние ESG на фи-нансовое состояние компании— эта инфор-мация сейчас не содержится в финансовой отчетности и создает слепую зону.

Нефинансовая отчетность будет включать в себя актуальные для компании ESG-показа-тели, которые теоретически могут повлиять на изменение стоимости компании в крат-косрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах, что повлияет и на инвестици-онные решения инвесторов. «Сейчас бремя сбора и анализа ESG-показателей лежит на инвесторах,— говорит руководитель управ-ления по работе с крупными компаниями

Райффайзенбанка Дмитрий Средин.— Для сравнения компаний по ESG-параметрам аналитикам приходится собирать разнород-ную информацию и приводить ее к сравни-мому формату, что осложняет принятие ин-вестиционных решений. Унифицирован-ный нефинансовый стандарт помог бы бы-стрее и эффективнее решать задачи, которые стоят перед участниками финансового рын-ка уже сейчас.

Прототип нефинансовых стандартов МСФО

Осознавая высокий спрос на стандартиза-цию, Фонд МСФО представил прототипы не-финансовых стандартов для неформального предварительного информирования участ-ников рынка о форме и содержании разра-батываемых стандартов.

Первые два опубликованных документа касаются общих требований к раскрытию информации, связанной с устойчивым раз-витием, а также информации, связанной с изменением климата — презентация про-тотипов была приурочена к климатической конференции COP26 в Глазго.

Оба документа разработаны не с нуля и интегрируют наработки некоммерческих организаций, ранее разрабатывавших до-бровольные стандарты ESG-отчетности. К подготовке прототипов были привлече-ны эксперты TCFD, SASB, Value Reporting Foundation и Всемирного экономического форума.

Во многом прототипы стандартов ISSB представляют собой компиляцию ранее раз-работанных добровольных стандартов. В по-яснительной записке отмечается, что стан-дарты ISSB будут основываться на существе-ующих принципах и рекомендациях и «ожидается, что усилия, приложенные в настоя-щее время к отчетности по вопросам устой-чивого развития, помогут компаниям вне-дрить стандарты ISSB в будущем».

Конкретные сроки внедрения новых ESG-стандартов пока не установлены. Учи-тывая текущие заявления, можно ожидать, что в течение 2022 года будут проведены консультации по предложенным докумен-там и на горизонте 2024 года стандарт мо-жет быть введен в практику. Кроме того, ISSB планирует разработать ряд специфиче-

ских стандартов для ключевых отраслей и актуальных тем в области ESG, на что тоже потребуется время.

Сложности применения

Лидеры G20 уже приветствовали созда-ние ISSB, тем не менее решение об адапта-ции стандартов МСФО принимается каждой страной самостоятельно, поэтому примене-ние новой практики в разных странах может проходить неравномерно.

В России, где МСФО применяется многи-ми компаниями наряду с национальными стандартами финансовой отчетности, с 2017 года ведется работа над созданием нацио-нального регулирования по нефинансовой отчетности — законопроект «О публичной нефинансовой отчетности» разработан Мин-экономразвития, но пока не внесен в Госду-му. Не исключено, что стандарты ISSB при-дут в Россию раньше, чем сформируется на-циональное законодательство.

Условиях отсутствия национального ре-гулирования в области раскрытия ESG-пока-зателей крупный российский бизнес успеш-но применяет добровольные стандарты. На-пример, стандарт Global Reporting Initiative регулярно применяется более чем 100 рос-сийскими организациями.

«Наличие нефинансового отчета и его ауд-ит уже давно являются неким гигиениче-ским фактором для любой компании. Но практика подготовки многостраничных ESG-отчетов нуждается в реформировании: в современном мире, где время является ценным ресурсом, базовые процессы долж-ны быть стандартизированы и понятны для всех. Сейчас у крупных компаний процесс подготовки и аудита ESG-отчета занимает до полугода. Такая тщательная работа связа-на с требованиями стейкхолдеров и рейти-нговых агентств в отношении раскрытия не-финансовой информации. Поэтому унифика-ция данного процесса — это шаг навстречу компаниям»,— считает менеджер по устой-чивому развитию СИБУРА Раиса Момот.

Перед компаниями в ближайшие годы встанет вопрос об объединении финансо-вой и нефинансовой отчетности. Уже сей-час некоторые компании готовят интегри-рованный годовой отчет, демонстрируя по-нимание менеджмента, что финансовые ре-

зультаты нужно рассматривать в контексте ESG-показателей для верной интерпретации результативности бизнеса. При этом остает-ся нерешенными методологические вопро-сы, главный из которых — как «помирить» строгие, устоявшиеся принципы финансо-вой отчетности с формирующимися, зача-стую субъективными показателями устой-чивого развития.

Фундаментальный тренд

«Повышение интереса к нефинансовым дан-ным бизнеса — это один из результатов пе-ресмотра самой идеи экономического раз-вития. Понимание того, что экономические достижения должны рассматриваться в эко-логическом и социальном контексте, бы-ло сформировано еще в середине прошло-го века, в том числе в работах Римского клу-ба — важного мирового исследовательско-го центра по глобальным проблемам. Идея сбалансированного социально-экономико-экологического развития лежит в основе Це-лей устойчивого развития ООН»,— объясня-ет Директор по развитию Центра биоэконо-мики и инноваций Экономического фа-культета МГУ Петр Кирюшин.

Очевидно, что стандарты отчетности по-должат меняться под воздействием масштаб-ных сдвигов в понимании экономического ценности. Компаниям и профессионально-му сообществу предстоит провести боль-шую работу по преодолению сложностей, связанных с интеграцией ESG-показателей в финансовую отчетность, но еще большие вызовы стоят перед самим Фондом МСФО, который предпринимает попытку разрабо-тать единый подход к оценке экологическо-го, социального и экономического эффекта от бизнеса.

Если Фонд МСФО сумеет преодолеть ме-тодологические сложности и распростра-нить строгие принципы финансовой отчет-ности на ESG-показатели бизнеса, участни-ки рынка смогут найти общий язык для об-суждения важнейших вопросов устойчи-вого развития.

Матвей Астапкович,
главный менеджер группы
по оказанию услуг в области
устойчивого развития
«Делойт» в СНГ

Капитализм вовлеченных сторон

— инструменты —

COVID-19, углубление неравенства и климатический кризис потребовали от компаний пересмотра подходов к соци-альной ответственности, указывают эксперты Всемирного экономического форума (ВЭФ). Для устойчивого развития недостаточно ситуационных проектов. Нужны долгосрочные программы, кото-рые реализуются с участием всех заинте-ресованных сторон. В ВЭФе собрали луч-шие практики взаимодействия компаний со стейкхолдерами, чтобы масштабиро-вать идеи капитализма заинтересован-ных сторон. Российский бизнес не оста-ется в стороне от этих тенденций, но запрос на взаимодействие со стейкхол-дерами во многом формируется извне.

Эксперты ВЭФа в свежем докладе «Путе-водитель в области социальной ответствен-ности и взаимодействия со стейкхолдерами» представили подходы к решению проблем социальной справедливости и неравенства путем включения в корпоративную пове-стку широкого круга заинтересованных стор-он: работников компании, клиентов, по-ставщиков, местных сообществ и граждан. Документ развивает концепцию капитализ-ма заинтересованных сторон, сформирова-нную на ВЭФе в начале 2020 года и вошедшую в Давосский манифест. «Цель компании — во-лечь все заинтересованные стороны в устой-чивый процесс создания ценности. Создавая таким образом ценность, бизнес служит ин-тересам не только своих акционеров, но и всему обществу»,— поясняет суть капитализ-ма стейкхолдеров основатель и исполнитель-ный председатель ВЭФа Клаус Шваб.

Направления общих действий

Документ, подготовленный ВЭФом совме-стно с объединением Business for Social

Responsibility (BSR) и фондом Laudes Foundation,— практическое руководст-во для выстраивания коммуникаций со стейкхолдерами. В условиях COVID-19 ком-пании стали понимать, что заинтересо-ваны в устойчивых экономических, социаль-ных и экологических системах и форми-руют запрос на эффективное взаимодейст-вие с внешними стейкхолдерами, подчер-кивают актуальность документа его авторы. «Мы сталкиваемся с тремя взаимосвязан-ными проблемами — стремительный переход к низкоуглеродной экономике, реагирова-ние на социальное и экономическое нера-венство и устранение ущерба, нанесенного COVID, требуют инклюзивных подходов для формирования нового общественного дого-вора XXI века»,— указывает президент BSR Арон Крамер.

Доклад содержит девять примеров, позво-ляющих определить оптимальную траекто-рию взаимодействия компаний с заинте-ресованными сторонами. Так, компании долж-ны выявить и признать проблемы неравен-ства стейкхолдеров, согласовать с ними при-оритеты совместной работы для достижения общих ценностей, определить мероприя-тия по устранению проблемы (модель партнер-ства) и создать механизмы обратной связи для отслеживания прогресса. При этом ав-торы выделяют три направления работы. Первое — совместные решения об инвести-циях: компании могут напрямую финанси-ровать местные организации, чтобы те са-мостоятельно решали проблемы, или ин-вестировать в инфраструктуру. Например, Фонд Coca-Cola в Африке реализует прое-кты по обеспечению сельских общин досту-пом к качественной воде в регионах прису-ствия. Местные же сообщества участвуют в разработке решений, а также привлекаются к работе в проектах. Второе направление — продвижение социальных интересов на по-

литическом уровне. Для эффективной под-держки системных изменений предприя-тиям рекомендуется подкреплять их собствен-ным примером. Так, американская IT-ком-пания Salesforce, продвигая идеи равенства и социальной справедливости, инвестирует в решение этих проблем.

Третье направление связано с практикой строгой отчетности и разделением ответст-венности по всей цепочке поставок. Так, Unilever ввела требования к прямым по-ставщикам выплачивать сотрудникам про-житочный минимум с регулярной отчет-ностью. Крупным компаниям сложнее вы-страивать диалог со стейкхолдерами напря-мую и тем самым обеспечить поддержку на-иболее уязвимых слоев населения: по оцен-кам Международной организации труда, в глобальных цепочках поставок задейст-вовано около 450 млн человек. Важная роль во взаимодействии с заинтересованными сто-ронами сохраняется за профсоюзами, кото-рые напрямую сотрудничают с компания-ми для заключения глобальных рамочных соглашений, защищающих права человека по конкретным вопросам. Дапопе, напри-мер, сотрудничает с Международным сою-зом ассоциаций работников, чтобы обеспе-чить им стабильную занятость в цепочках поставок.

Пока же многие компании ограничива-ются ситуационными решениями, точеч-ными благотворительными инициатива-ми, которые не способны привести к струк-турным изменениям. «Ожидание от бизне-са ответственного поведения не ново, но оз-начает, что люди должны быть в центре биз-нес-моделей, целей и создания ценности — трансформации, которую мы хотим осу-ществить в сотрудничестве с правительства-ми, гражданским обществом, сообщества-ми и бизнесом»,— поясняет исполнитель-ный директор международной организа-

ции World Benchmarking Alliance Гербранд Хаверкамп, цель которой увеличить вклад частного сектора в достижение Целей устой-чивого развития ООН.

Вовлечение все большего числа дейст-вующих лиц в решение социальных проблем, впрочем, не отменяет необходимости систем-ного пересмотра приоритетов большинства акционеров и рынков, которые продолжают поощрять бизнес-модели, вызывающие гло-бальные дисбалансы, отмечают в ВЭФе.

Запрос государства

Крупный российский бизнес, особенно ра-ботающий с зарубежными партнерами и привлекающий финансирование на внеш-них рынках, раскрывает информацию о вза-имодействии с заинтересованными сторо-нами. Но качество такого взаимодействия может быть разным, указывает руково-дитель экспертного совета по ESG-трансфор-мации «Делойт России» Андрей Черногоров. Руководитель по вопросам многообразия и инклюзивности «Делойт» СНГ Иван Кухнин поясняет, что зачастую взаимодействие биз-неса с заинтересованными сторонами носит точечный и нерегулярный характер. «При подготовке отчетов об устойчивом развитии по стандарту GRI компании проводят опро-сы стейкхолдеров по существенным темам, но для некоторых групп это является един-ственным форматом коммуникации с бизне-сом и обратной связи»,— отмечает он.

Практика привлечения широкого кру-га заинтересованных сторон характерна не для всех российских компаний, рассказы-вает директор Центра устойчивого развития «Сколково» Елена Дубовицкая. Компаниям часто ограничиваются сотрудничеством с местными органами власти или НКО, тем са-мым формируя список направлений, по ко-торым оказывают помощь. Однако видна и позитивная динамика: компании проводят

исследования регионов присутствия, вклю-чаящие в себя опросы стейкхолдеров. Все чаще бизнес требует от своих деловых парт-неров быть ответственными: предъявляются требования к соблюдению норм охраны труда и безопасности, справедливого вознагра-ждения, отсутствию принудительного и детского труда. «Документы, регулирующие эту область, перестают быть декларативны-ми и в некоторых случаях, пока еще отдель-ных, становятся частью закупочной полити-ки компании и пунктами рамочного догово-ра, заключаемого с партнерами»,— объясня-ет Елена Дубовицкая.

Многие социальные проблемы закрыва-ются действующим трудовым законодатель-ством, указывает замдиректора группы опе-рационных рисков и устойчивого разви-тия КПМГ Мария Калиновская. Пока сохра-няются сложности с созданием мест для лю-дей с инвалидностью, но компании начина-ют корректировать подходы, разрабатывая как документы (политики по разнообразию, правам человека и другие), так и практи-ки — этого требуют инвесторы и междуна-родные ESG-рейтинги. Кроме того, практи-ка российских компаний в большей степе-ни, чем западных, формируется исходя из за-проса властей как местных, так и региональ-ных, федеральных.

При этом уже сейчас можно говорить о си-стемном подходе компаний, считает Мария Калиновская. «Времена ситуационных и раз-овых проектов, а также простой благотвори-тельности как основной формы помощи обществу ушли в прошлое. Компании разра-батывают долгосрочные программы, стара-ются мерить их эффективность, включаются в решение разных сложных и комплекс-ных общественных проблем, не говоря об инвестициях в инфраструктуру»,— отмеча-ет эксперт.

Диана Галиева

Фабрика зеленых денег

— инструменты —

Консенсус о необходимости предотвра-щения и смягчения последствий гло-бального изменения климата достиг-нут, однако нет согласия в том, как это финансировать. Перспективные про-екты нуждаются в капитале, но многие из них отличаются высокими рисками и неопределенной доходностью. Участ-ники рынка предлагают различные не-стандартные способы решения этих проблем. Среди них — скорейшее со-здание локальных и глобального угле-родных рынков, привязанные к устой-чивости облигации и деление рисков проектов между несколькими участни-ками, что потребует политической воли.

К сегодняшнему дню история о всемир-ной декарбонизации свелась к вопросу о том, кто за нее заплатит. По оценкам Все-мирного экономического форума (ВЭФ), до 2050 года миру потребуется около \$50 трлн, чтобы достичь углеродной нейтральности. Несмотря на то что большая часть негатив-

ных последствий изменений климата при-дется как раз на страны «глобального Юга», многие из них не готовы принести текущий экономический рост и уровень жизни на-селения в жертву борьбе с изменением клима-та (даже если это и подорвет экономический рост и благосостояние в будущем).

Вопрос финансов вызывает разлад даже лагере, казалось бы, союзников в повест-ке мировой декарбонизации. В 2009 году в Копенгагене развитые страны пообещали развивающимся ежегодно до 2020-го пре-доставлять не менее \$100 млрд на климати-ческие проекты. На COP26 в ноябре текуще-го года каждая вторая речь начиналась ли-бо с извинений за невыполнение этого обещания (если выступавший был от развитой страны), либо с обвинения в его невыполне-нии (если страна была развивающаяся): к 2020 году удалось провести финансирование то ли до \$79,6 млрд (на этой цифре настаива-ет ОЭСР), то ли до \$10 млрд (если считать не кредиты, а только безвозвратные гранты, на чем настаивает пул развивающихся стран во главе с Индией).

Таким образом, вопрос декарбонизации мировой экономики, о необходимости кото-рой, кажется, достигнут мировой консенсус, напрямую зависит от того, будут ли найдены приемлемые формы ее финансирования. Ры-нок «зеленых» финансов в мире на сентябрь текущего года достиг, по данным Morningstar, \$3,9 трлн, а за год он увеличится, по оценке аналитиков, на \$740 млрд. Это много, и эта цифра будет расти, но явно недостаточно для того, чтобы достигнуть всех поставленных це-лей. В первую очередь потому, что существу-ющий рынок «зеленых» финансов доступен для коммерчески эффективных проектов, способных не только достичь климатическо-го эффекта, но и получить прибыль. Но не все необходимые к реализации проекты отвеча-ют этому критерию. Поэтому в процесс необ-ходимо вовлечь государство, банки развития и другие институты. Поиску новых форматов финансирования посвящено исследование, подготовленное в октябре ВЭФом и компан-ией Oliver Wyman «Финансирование пере-хода к углеродной нейтральности» (Financing the transition to a net-zero future).

Авторы констатируют серьезную нехват-ку финансовых ресурсов для перехода миро-вой экономики к низкоуглеродному разви-тию. Хотя с 2010 по 2020 год объем накоплен-ных инвестиций, к примеру, в технологии и промышленность, связанные с энергоперехо-дом, вырос с \$235 млрд до \$500 млрд, до 2030 года этот показатель, по оценке Междунаро-дного энергетического агентства, должен утро-иться, чтобы все взятые обязательства были выполнены. Самая трудная задача — «озе-ление» тяжелой промышленности и наибо-лее грязных видов транспорта (авиа, морские и автомобильные перевозки). Они ответст-венны, по данным ВЭФа, за 25% мировых вы-бросов, а к 2050 году эта доля может достиг-нуть 50%, потому что декарбонизация здесь идет медленнее всего в силу дороговизны.

В исследовании ВЭФа обозначены и ключе-вые проблемы, стоящие на пути финанси-рования технологий декарбонизации и энер-гоперехода. Первая — недостаток проектов, достаточно хорошо структурированных и подготовленных для коммерческого финан-сирования. Вторая — политические риски,

связанные с возможной отменой или осла-блением поддерживающих энергопереход и декарбонизацию мер в случае смены власти. Третья — слишком высокие относительно до-ходности риски, не совместимые с риск-про-филем банков, способных обеспечить финан-сирование. Четвертая — слишком короткие сроки (пять-семь лет), на которые коммерче-ские банки готовы кредитовать проекты.

Для преодоления этих барьеров авторы доклада предлагают создавать сложные многоуровневые синдикаты — «сотрудниче-ство экосистем». В них риски разных этапов проектов делятся между участниками с раз-ными риск-профилями (банками, инвесто-рами, фондами и другими) при поддержке страховых компаний и долгосрочной гос-политики, с которой согласны все полити-ческие силы. Особенно важно сотрудниче-ство на первом этапе, когда уровень неопре-деленности выше всего. Роль координатора должны взять на себя банки развития, луч-ше всего приспособленные для таких слож-но структурированных проектов со множеством участников.

регенерация

Капитал ищет этическую опору

Внедрение компаниями принципов ESG все больше влияет на доступность и стоимость привлечения ими капитала. Хотя правила игры на рынке окончательно не закрепились, инвесторы все чаще предпочитают компании, ведущие бизнес ответственно, и отказываются от финансирования «неустойчивых» проектов. Эксперты убеждены: этот тренд будет усиливаться — стоимость капитала в перспективе будет напрямую зависеть от ESG-профиля предприятий, а игнорирующий эти обязательства бизнес покинет рынок. Проникновения ESG в бизнес-практики под внешним давлением недостаточно для целей устойчивого развития — многим компаниям придется радикально пересмотреть процессы принятия решений и свое место в мире.

— переход —

Значение факторов экологического, социального и корпоративного управления (ESG) в определении инвестиционных стратегий растет, констатируют различные исследования рынка. По данным проведенного PwC опроса инвесторов (325 инвесторов по всему миру, в первую очередь управляющих и аналитиков инвестиционных фирм, банков или брокерских компаний), 79% респондентов при принятии решений об инвестициях учитывают подход компании к управлению рисками и возможностями, связанными с ESG. В результате компании, не отвечающие ожиданиям инвесторов, могут потерять доступ к рынкам капитала. Так, 49% опрошенных инвесторов говорят о готовности прекратить финансирование компаний, игнорирующих принципы ESG, а 59% готовы проголосовать против ежегодных выплат дивидендов компаниями, уклоняющимися от устойчивой трансформации.

Новые деньги не для всех

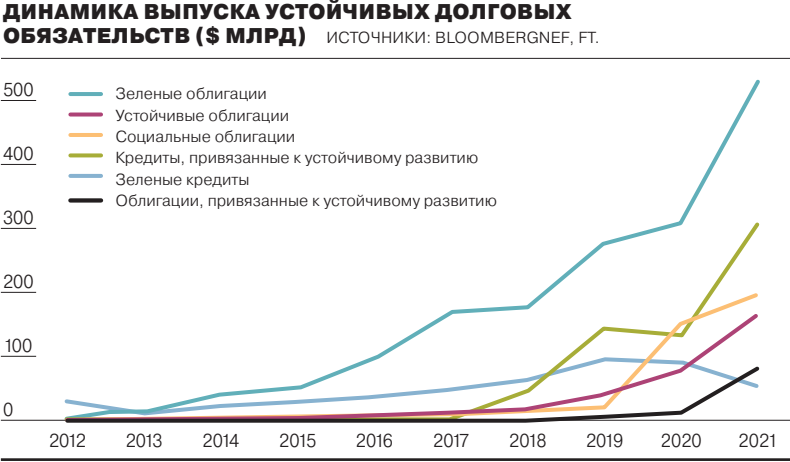
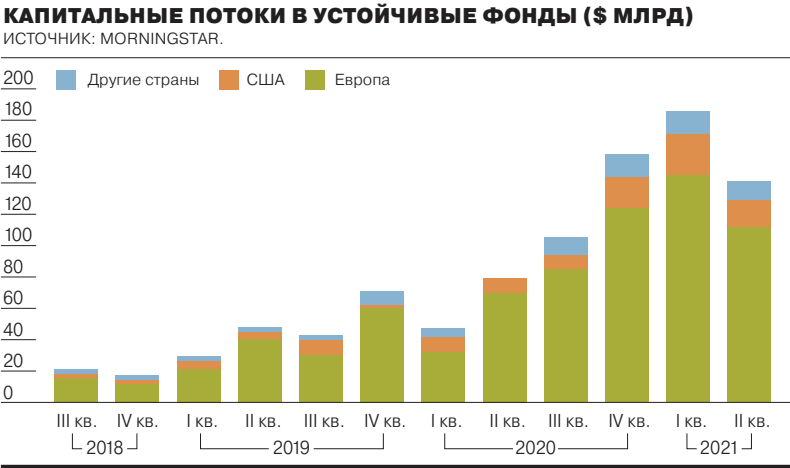
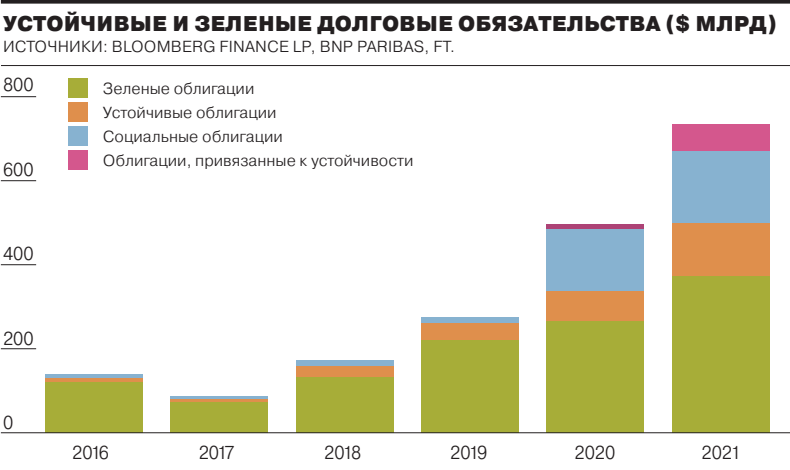
Как указывают эксперты Sustainability Institute by ERM, учет финансовыми факторами ESG для оценки жизнеспособности потенциальных инвестиций и долговых обязательств становится все более распространенным явлением. По данным опросов инвестбанка HSBC 2021 года, 51% эмитентов и инвесторов говорят, что их волнуют экологические и социальные проблемы, поскольку внимание к ним может повысить доходность или снизить риски (в 2020-м об этом заявляли 39% опрошенных).

О том, что тренд на устойчивость усиливается, говорят и рекордные притоки капитала в фонды ESG, и растущее число банков, которые «ставят цели в триллионы долларов для финансирования устойчивости, будь это ускорение перехода к низкоуглеродной экономике или продвижение Целей устойчивого развития ООН», — отмечают в Sustainability Institute. По оценкам Morning star, совокупный

объем мировых фондов ESG составляет \$1,7 трлн. При этом объем эмиссии ценных бумаг, связанных с устойчивостью, в 2021 году вырос до 9% от общего объема против 2% в 2020 году, следует из данных FT. Из опроса ERM следует, что 86% инвесторов при принятии решений о вложениях уже руководствуются рекомендациями экспертных команд по ESG. К 2035 году 95% всех государственных и частных инвестиционных решений будут учитывать эти факторы, ожидают аналитики Deutsche Bank.

Вдогонку за миром

Российские инвесторы также обращают внимание на ESG-повестку. «Мы видим живой интерес инвесторов к этой теме и в ряде случаев уже конкретные планы и действия по ESG-трансформации бизнеса как на уровне руководства компаний, так и на уровне советов директоров. В этом году о том, что вопросы социальной ответственности и устойчивого развития важны для инвесторов, сказали 44% респондентов опроса членов советов директоров российских компаний», — отмечает партнер и руководитель практики корпоративного управления PwC в России Алексей Фегечин. Поскольку в России этот тренд развивается вслед за миром, его драйверами стали крупные компании, ведущие внешнеэкономическую деятельность и привлекающие международное финансирование. Однако при этом банковская сфера в РФ пока запаздывает, тогда как в мире ESG-трансформация началась именно с нее. Как сообщила на конференции «ESG-инвестиции в России: на пути к зеленой экономике» Екатерина Трофимова, партнер департамента управления рисками Deloitte в СНГ, пока лишь 10% российских банков применяют в своей работе хотя бы отдельные элементы ESG-практики, а нефинансовую отчетность (и отдельно и в составе интегрированной) публикует менее 1% кредитных организаций. Кроме того, не более 20% банкиров понимают, что важно для инвесторов в ESG-повестке, и до 15% полагают,

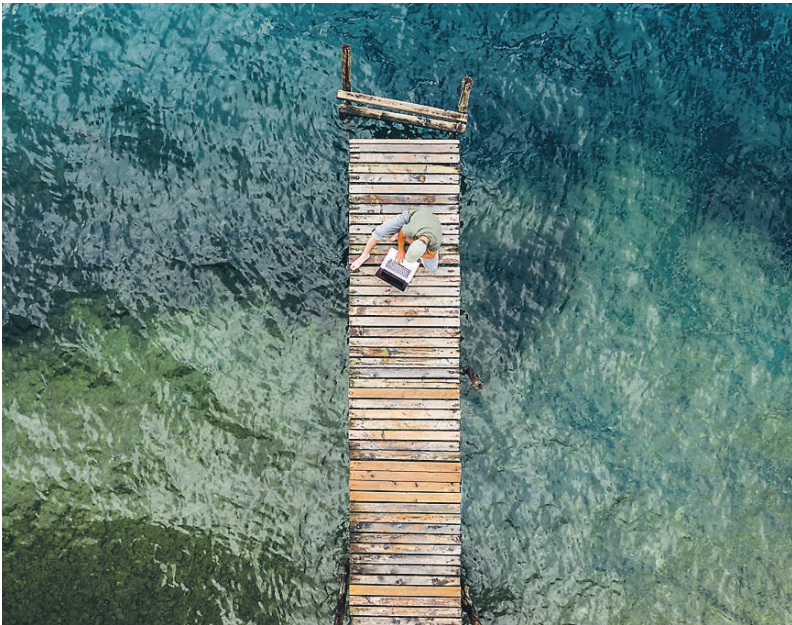
что обладают должным уровнем компетенций для оценки ESG-факторов.

По мнению гендиректора золотодобывающей компании «Полос» Павла Грачева, бизнес не сможет привлечь финансирование без привязки к параметрам ESG уже через пять лет, когда появится консенсус, что и как нужно отслеживать и оценивать в области устойчивого развития. В свою очередь, гендиректор ТМК Игорь Корыtko убежден, что компании, которые игнорируют ESG-повестку, покинут рынок через 5–30 лет.

На этом фоне по результатам опроса 1001 руководителя российских компаний крупного, среднего и малого бизнеса, проведенного PwC и аналитическим центром НАФИ в октябре — ноябре текущего года, 58% руководителей ничего не знают об использовании в бизнес-процессах ESG, 34% — знают что-то, но немного, а из тех, кто знает, 78% убеждены, что их партнеров, инвесторов и кредиторов эти новации не особенно волнуют.

С чего начинать

Центральное место в учете изменений на рынках капитала и ESG-трансформации бизнеса отводится финансовым директорам, следует из доклада «Соединяя ESG, рынки капитала и финансовых директоров» Sustainability Institute. Для упрощения доступа компаний к устойчивому финансированию эксперты рекомендуют оценку рисков и возможностей ESG и их увязку с финансовыми результатами, используя структурированные инструменты и стандарты (например, метрики Целевой группы по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом, Global Reporting Initiative, Sustainability Accounting Standards Board и др.). В том числе предлагается включить аналитику по ESG в инфраструктуру финансовой отчетности для получения более выгодного доступа к финансированию, а затем переход к полному раскрытию ESG-информации, которая отвечала бы потребностям всех заинтересованных сторон,

используя те же общепринятые методы отчетности. Эта работа требует диалога как с регуляторами и разработчиками стандартов, так и с инвесторами и составителями важных для компании рейтингов ESG.

Цифра плюс репутация

Эксперты указывают, что оцифровка будет одним из наиболее важных шагов, необходимых для приведения данных ESG к тому же уровню полноты и точности, что и финансовые показатели. Впрочем, наличие хорошего отчета об устойчивом развитии само по себе не гарантирует финансирования — ассортимент и разнообразие финансовых продуктов будут расширяться, и компании могут экспериментировать с облигациями, привязанными к ЦУР, или к целевым показателям выбросов парниковых газов, или к любым другим экологическим, социальным или управленческим целям.

Следование принципам ESG помимо более дешевых денег на рынке обещает компаниям и другие преимущества — корпоративная программа ESG способна повысить производительность, улучшить распределение ресурсов и укрепить цепочки поставок, указывают отраслевые разработчики IT-решений Benchmark ESG. Кроме того, сильный профиль ESG поможет привлекать деловых партнеров, поставщиков, клиентов и сотрудников. Базой эксперты также определяют запуск отчетности — и тут необходимо поторопиться: в отсутствие данных инвесторы, аналитики истейкхолдеры могут использовать альтернативные источники, которые могут нанести урон корпоративной репутации.

Цифровая трансформация должна сопровождать переход к устойчивости: отсутствие управляемости и координации внутри компании, разобщенность сотрудников, несопоставимые источники данных и ручные процессы с высокой вероятностью ошибок считаются основными барьерами для ESG-перехода. Экосистема ESG поможет объединить коман-

ды и отслеживать развитие организации в проблемных областях, снижать риски и определять возможности для настройки KPI и целей в рамках ESG-программы. Компаниям следует закрепить общее понимание целей, создать основанную на ESG культуру, в рамках которой продвигать свою стратегию как важную для долгосрочного рыночного успеха и устойчивости. «Люди, процесс и миссия — вот три ключевых ингредиента, реализуемых с помощью технологий, которые обеспечивают эффективное управление программами», — констатируют в ESG Benchmark.

Смена идеала

Внедрение принципов устойчивого развития в деятельность компаний во многом происходит под воздействием внешних факторов. Эксперты Forum for the Future и WBCSD настаивают, что этого недостаточно для достижения соответствующих глобальных целей — нужны глубокие преобразования в способах работы предприятий, экономики и общества, для чего, в свою очередь, потребуются переосмысление действующей модели капитализма и фундаментальный сдвиг в мировоззрении, которым руководствуются при принятии бизнес-решений.

В руководстве «Компас для справедливого и регенеративного бизнеса» эксперты выделяют четыре ступени трансформации бизнес-мышления: от снижения вреда, причиняемого бизнесом, и сведения негативного влияния к нулю до восстановления поврежденных систем и встраивания бизнеса в социальные и природные системы. Такой переход должен сопровождаться оценкой рисков и преимуществ на каждом этапе и привести к «справедливому и регенеративному» подходу компаний к бизнесу, считают эксперты. Долгосрочными целями для компаний с новым мышлением станут процветание социальных и экосистем, а также справедливое создание и распределение ценности.

Диана Галиева

Фабрика зеленых денег

— инструменты —

c23 Первый зампред —член правления ВЭБ.РФ Алексей Мирошинченко считает, что предложенная в докладе схема напоминает синдикаты фабрики проектного финансирования, которая существует на базе банка развития с 2017 года. «Наша фабрика позволяет собрать для проекта объединение кредиторов с разными целевыми профилями риска, при котором мы берем на себя самый трудный начальный, инвестиционный этап, когда проект только строится, не создает денежного потока и существуют большие риски задержки сроков, превышения бюджета вместе с невыходом проекта на целевые экономические показатели. Это классическая модель работы института развития», — полагает он. — Теоретически по такой же схеме могла бы быть создана «фабрика зеленого финансирования», направленная на объединение усилий всех заинтересованных в декарбонизации и энергопереходе игроков».

Эксперты ВЭФа и Oliver Wyman указывают и на другие вспомогательные меры. Среди них — искусственное создание спроса через изменения нормативной базы, например путем создания стандартов и запрета использования материалов и топлива с высоким углеродным следом. Другая возможная мера — гарантирование спроса государственных и муниципальных органов. Эффективными могут быть госгарантии по кредитам для подобных технологий и все виды «смешанных финансов», которые предполагают вовлечение филантропических организаций и импакт-инвесторов в начальные стадии финансирования, когда риски наиболее велики.

Необходимо уделить внимание и диалогу с обществом: выстраиванию ясных целей, способных создать необходимое давление на бизнес и поддержку со стороны граждан. Рекомендуется формировать консенсус с помощью открытых, четких планов действий, обозначающих этапы и эффекты преобразований с акцентом на позитивных соци-

ально-экономических результатах. Политика должна быть плавной и ни в коем случае не вести к резкому отключению существующих мощностей в «грязных» индустриях, так как это способно разозлить людей и подорвать общественную поддержку.

Другие два важнейших финансовых вопроса, возникающих при обсуждении затрат на декарбонизацию, — разумно ли существенно увеличивать госрасходы в этой области за счет увеличения долга и какой должна быть цена тонны углерода, чтобы стимулировать предприятия к декарбонизации, не доводя их до убытков и закрытия.

На эти вопросы отвечает развернутое исследование Всемирного банка (ВБ) «Фискальная политика для устойчивого восстановления и „зеленой“ трансформации» (Fiscal policies for a sustainable recovery and a green transformation). В нем приводятся данные о существенном увеличении средней долговой нагрузки в мире в 2020 году: со 104% до 120% к ВВП в развитых странах и с 55% до 64% — в развивающихся. В исследовании обнаруживается, что финансирование проектов в области устойчивого развития выпуском нового госдолга повышает устойчивость (и финансовую, и экологическую) всего госдолга за счет снижения долгосрочных экологических рисков.

Вопрос установления эффективной цены на углерод ВБ видится довольно сложным. Сейчас цены на тонну выбросов в странах, которые применяют такую политику, варьируются от \$2 до \$70–80 за тонну. Цена тонны CO2 в России, установленная в рамках Сахалинского эксперимента, находится ближе к нижней границе диапазона, а граничащий с ней ЕС — к верхней. Опрос Reuters, проведенный в октябре среди экономистов, занимающихся климатической политикой, показывает: чтобы достичь углеродной нейтральности к 2050 году, среднемировая цена тонны CO2 уже сейчас должна составлять около \$100. Это позволит создать достаточное, но не избыточное давление на бизнес, чтобы тот быстрее переходил к новым технологиям.

По подсчетам же специалистов ВБ, если придерживаться политики постепенного повышения цены, то к 2030 году развитые страны должны установить для себя цену порядка \$300, а в преддверии 2050-го — \$700 за тонну. Важно уточнить: эта модель предполагает, что создание рынка торговли квотами будет единственной мерой. Авторы расчетов, указывая на нереальность такой цены, выступают за дополнительные к установлению цены меры господдержки путем наращивания «зеленого» госдолга. Иначе, по их мнению, «восстановление экономики после пандемии будет серьезно замедлено».

«С точки зрения общего благосостояния самый эффективный способ сократить выбросы — это ввести цену на углерод», — убежден заведующий лабораторией экономики изменения климата ВШЭ Игорь Макаров. — Она хороша тем, что создает бизнесу стимулы сокращать выбросы теми способами и в тех отраслях, где это дешевле всего, одновременно перераспределяя ресурсы от более углеродоемких и менее эффективных отраслей и компаний к тем, которые более эффективны и соответствуют меняющемуся глобальному ландшафту».

Однако, полагает эксперт, введение цены на углерод в несколько десятков долларов невозможно в рамках действующей фискальной системы. Неизбежное повышение цен на электроэнергию и тепло ударит по наиболее уязвимым гражданам, а рост издержек производства — по конкурентоспособности бизнеса. Поэтому цена на углерод может вводиться постепенно как часть пакета госполитики и сопровождаться сокращением других налогов (в том числе энергетических), поддержкой новых точек роста, переподготовкой кадров в углеродоемких отраслях и зависящих от них регионах, помощью уязвимым группам населения. «Запустить такой пакет реформ — сложнейшая задача, требующая значительной политической воли», — заключает господин Макаров.

Афанасий Сборов

Трудности перехода

— регулирование —

Реформа наилучших доступных технологий (НДТ), задуманная для благих целей — модернизации промышленности за счет притока инвестиций в ее технологическое переоснащение под угрозой многократного роста экологических платежей, ввязет в бюрократических делах и упирается в лоббистское противодействие. До конца 2022 года основными загрязнителями окружающей среды должны быть получено минимум 300 комплексных экологических разрешений, подтверждающих, что предприятия делают все, что могут, чтобы сократить выбросы и сбросы, но на данный момент их выдано лишь 53, из которых основным загрязнителям и того меньше — 19, хотя ряд требований «наилучших» технологий усилиями лоббистов оказался ниже стандартов 15-летней давности. «Ъ-Регенерация» подробно изучила процесс подтверждения перехода российского предприятия на НДТ, чтобы убедиться, что это возможно и чего это стоит компаниям.

«Зеленая» модернизация

Осенью 2020 года правительство приняло решение о досрочном завершении федерального проекта «Внедрение наилучших доступных технологий», входившего в национальный проект «Экология». Однако де-факто переход нормирования промышленной экологической нагрузки на принципах НДТ, стартовавший в России в 2010 году, далеко не закончен, а во многом еще даже не начал.

Первый вице-премьер Андрей Белоусов не скрывает, что истинная цель реформы — глубокая модернизация производств и необходимый для этого приток инвестиций, а одним из результатов должно быть широкое импортозамещение — переход России к собственному производству в ключевых промышленных отраслях и создание технологического задела для промышленной революции в идеологии

«Индустрии 4.0» (автоматизированных производств «по запросу», связанных с интернетом вещей). Одновременно РФ преследовала и экспортные цели, в том числе интеграцию в производственные цепочки ЕС настолько, насколько это возможно, что оказалось дальновидным в контексте нынешних планов ЕС по учету углеродного следа поставщиков.

Экологический эффект, несомненно, также принимался в расчет — в идеологии НДТ количество выбросов и сбросов загрязняющих веществ, а также отходов определяется на единицу производимой продукции. Это позволяет вместо их очистки «на конце трубы» перейти к внедрению технологий, при которых используется меньше ресурсов, сокращаются количество отходов, объемы выбросов и сбросов в окружающую среду.

НДТ и закон

В конце 2013 года президент в послании Федеральному собранию поручил Белому дому разработать и утвердить комплекс мер, направленных на отказ от использования устаревших и неэффективных технологий и внедрение современных, предусмотрев в том числе меры технического и экологического регулирования. В июле 2014 года принят федеральный закон 219-ФЗ — он сформировал базу перехода на НДТ, ввел соответствующее понятие (это технологии производства товаров, работ и услуг на основе современных достижений науки и техники при наилучшем сочетании природоохранных критериев) и требует разработки информационно-технических справочников таких технологий: их цель — обеспечить контроль соответствия конкретных производств НДТ. Первые десять таких справочников разработаны и утверждены в 2015 году.

Для выстраивания этапов внедрения НДТ 219-ФЗ разделил предприятия на четыре категории по степени негативного воздействия на окружающую среду (НВОС). Перехода на НДТ власти намеревались в первую очередь добиваться от объектов первой категории — со значительным НВОС.

регенерация

Трудности перехода

— регулирование —

С24 Подтверждать соответст-вие их технологических процессов НДТ должны комплекс-ные экологические разрешения (КЭР), что выгодно как властям, так и владельцам. КЭР не только под-тверждает, что производитель «сде-лал все, что мог», для охраны приро-ды, но и заменяет собой разрешения на выбросы, сбросы и размещение отходов (не выше нормативов). 300 крупнейших загрязнителей первой категории НВОС (с общей долей в со-вокупных выбросах и сбросах РФ в 60%) обязаны были получить КЭР до 31 декабря 2022 года, остальные — до 1 января 2025 года. Вправе полу-чать КЭР и объекты второй катего-рии НВОС (от которых вреда мень-ше), но при условии, что в отрасли уже есть справочники НДТ.

В 2018 году в нацпроекте «Эколо-гия» появился даже отдельный фе-деральный проект «Внедрение на-илучших доступных технологий». В его задачи входило разворачивание производств и оборудования экологического машиностроения. Про-ект предполагал разработку 51 отрас-левого справочника по НДТ к 2024 году и выдачу 6,9 тыс. КЭР в 2024 го-ду, из них 150 — в 2021 году с парал-лельным развертыванием за четы-ре года после получения КЭР систем автоматического контроля выбро-сов на предприятиях первой катего-рии НВОС.

В качестве «пряника» за переход на НДТ загрязнителям предусмо-трены налоговые льготы, субсидии на модернизацию и снижение пла-ты за НВОС, «кнутом» же служит ее повышение: с 2020 года ставка пла-ты за объем выбросов и сбросов в пределах технологических норма-тивов при внедрении НДТ обнуля-ется, а за их превышение к ставкам платы за НВОС применяется коэф-фициент 100.

Результаты реформы

К концу 2021 года 51 справочник по НДТ разработан: 39 вертикальных (описывающих технологии конкрет-ных промышленных отраслей) и 12 горизонтальных (межотраслевых, не содержащих технологических по-казателей). Однако они не устроили власти и заставили чиновников го-

Число выданных комплексных экологических разрешений, по данным Росприроднадзора				
Эксплуатирующая организация	Код объекта	Дата выдачи КЭР	Список 300	
2019 год				
1 ООО «Зарубежнефть — добыча Харьяга»	1–0183–001105–П	2019	Нет	
2 ПАО «Русал Братский алюминиевый завод» г. Братск	25–0138–000038–П	2019	Да	
3 ПАО «Русал Иркутский алюминиевый завод» г. Шелехов	25–0138–001778–П	2019	Да	
4 АО «Русал Красноярский алюминиевый завод» г. Красноярск	04–0124–001181–П	2019	Да	
5 АО «СУЭК-Кузбасс»	32–0142–000792–П	2019	Нет	
6 АО «СУЭК-Кузбасс»	32–0142–000791–П	2019	Да	
7 Филиал ООО «Хайдельбергцемент Рус» в пос. Новогуровский	70–0171–001011–П	2019	Нет	
8 АО ЕВРАЗ КТОК	65–0166–000145–П	2019	Нет	
9 АО «Искитимцемент»	50–0154–000093–П	2019	Да	
10 ООО ЯРГЕО	71–0189–000499–П	2019	Да	
11 АО «Ормет»	53–0156–000047–П	2019	Нет	
12 АО «Ормет»	53–0156–000049–П	2019	Нет	
13 ООО «Новотроицкий содовый завод»	ООО «Новотроицкий содовый завод»	2019	Нет	
14 ООО «Южно-Уральская горно-перерабатывающая компания»	53–0156–000052–П	2019	Нет	
15 ООО «Криогаз-Высоцк»	МБ–0178–005176–П	2019	Нет	
16 ООО «Газпром энерго» Уренгойский филиал	98–0114–001786–П	2019	Нет	
2020 год				
1 АО «Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат»	86–0110–000145–П	2020	Да	
2 АО ТАНЕКО	92–0116–001853–П	2020	Нет	
3 ПАО «Татнефть» им. В. Д. Шашина	92–0116–001788–П	2020	Да	
4 АО ТАНЕКО	92–0116–001852–П	2020	Нет	
5 АО «СУЭК-Кузбасс»	32–0142–001052–П	18.09.2020	Нет	
6 АО «СУЭК-Кузбасс»	32–0142–000831–П	03.11.2020	Нет	
7 АО «СУЭК-Кузбасс»	32–0142–000056–П	03.11.2020	Нет	
8 АО «СУЭК-Кузбасс»	32–0142–000125–П	20.11.2020	Нет	
9 ООО «Шакта „Листвяжная“»	32–0142–000324–П	10.06.2020	Да	

*Компания получала КЭР на строящийся объект, который не стоял на учете.

ворить о фактической профанации этой работы. Так, глава Росприрод-надзора Светлана Радионова осенью 2021 года констатировала: «Есть спис-ок наилучших доступных техноло-гий, которые внедряют компании. Но мы не всеми довольны и вообще считаем, что половина из них подле-жит пересмотру. Не считаем их эко-логичными и наилучшими».

Недовольство властей вызвали показатели, включенные в ИТС в ка-честве образцовых. Например, при-нятый в 2017 году справочник «Сжи-гание топлива на крупных установ-ках в целях производства энергии» для угольных ТЭС допускает даже для новых станций выбросы, отли-чающиеся от европейских в разы, а по отдельным показателям — в де-сятки раз и значительно превыша-ющие даже нормы ГОСТ Р 50831–95 1995 года. Это вызвало недовольст-во в природоохранном блоке Бело-го дома (см. „Ъ“ от 19 октября) и по-ручение вице-премьера Виктории Абрамченко актуализировать спра-вочник, но в Минэнерго уже отве-тили, что это будет стоить слишком дорого.

Не возникло, по признанию гла-вы Росприроднадзора, и очередей загрязнителей за КЭР: всего в РФ вы-дано 53 разрешения, а должно быть выдано 16 тыс. до конца 2025-го (см. таблицу).

Как получить КЭР

Процесс получения КЭР на первый взгляд прост: заявка с прилагаемы-ми к ней материалами направляет-ся в межрегиональное управление Росприроднадзора и рассматривает-ся по принципу «единого окна». Ре-шение принимается при участии ве-домств, отвечающих за охрану при-роды: Минприроды (при размеще-нии объекта на особо охраняемых территориях или в их охранных зо-нах), Минпромторга (он подтвер-ждает соответствие применяемых на объекте технологий НДТ), Роспо-требнадзора, Росрыболовства и Рос-водресурсов (они подтверждают со-ответствие выбросов и стоков нор-мативам и санэпиднормам).

Однако для компаний подготов-ка такой заявки — большая работа. В нее входят: инвентаризация источ-ников выбросов, расчет нормативов

допустимых выбросов и сбросов для веществ I и II классов опасности, тех-нологических нормативов, норма-тивов образования отходов и лими-тов на их размещение, одобренная межведомственной комиссией про-грамма повышения экологической эффективности, проект программы производственного экологического контроля, программа создания си-стемы автоматического контроля и программа мониторинга состояния и загрязнения окружающей среды на территориях объектов размеще-ния отходов.

Когда нормативы узковаты

Если производство не укладывается в технологические или экологиче-ские нормативы, для получения КЭР нужно представить программу по-вышения экологической эффектив-ности. Документ разрабатывается на 7 лет (14 — для градообразующих и оборонных предприятий) и должен включать мероприятия по сниже-нию выбросов и сбросов, перечень превышений экологических норма-тивов и график поэтапного сниже-ния выбросов и сбросов загрязняю-

щих веществ, а также данные об эф-фективности таких работ, объем и источники финансирования и пере-чень ответственных. Обоснования программы должны содержать ин-формацию о производствах, для кото-рых предусмотрена модернизация, с указанием видов и объемов выпу-скаемой продукции, сведения об ос-новных технологических процессах и оборудовании, о применяющихся НДТ, о результатах сопоставления тех-нологических показателей каждой применяемой на объекте техноло-гии с показателями НДТ и так далее. Утверждать программу должна меж-ведомственная комиссия.

Невозможное возможно

И тем не менее пройти этот админи-стративный лабиринт возможно. В июле АО «Архангельский ЦБК» по-лучило КЭР на все виды негативно-го воздействия на окружающую сре-ду, хотя для этого предприятию при-шлось разработать программу повы-шения экологической эффективнос-ти на 18,2 млрд руб.—она предпо-лагает сокращение объема сброса сточных вод за счет систем оборот-

ного водоснабжения. На предпри-ятии воспринимают КЭР не толь-ко как прямое разрешение на рабо-ту, но видят в нем и косвенную вы-году: оно одновременно является ин-струментом верификации «зеленых» проектов компании и подтверждает ее ESG-статус как ответственного по-ставщика. Также предприятие рас-считывает на привлечение субсидий и льготного финансирования для ре-ализации программы.

Таким образом, разрешительный документ стал инструментом устой-чивого развития и модернизации предприятия, возник даже новый тер-мин — ESG-КЭР. В настоящий момент АО «Архангельский ЦБК» выстраивает вокруг этого документа свою полити-ку устойчивого развития.

Что дальше

Мировая экологическая повестка диктует российскому бизнесу свои требования — под угрозой углерод-ных налогов оказалась значительная часть прибылей ориентированной на экспорт промышленности. И углерод-ным следом дело не кончится: анало-гичные требования распространяет-ся и на иные экологически опасные мар-керные вещества, говорят эксперты. Казалось бы, продолжение рефор-мы НДТ — один из способов управ-ления такими рисками. Однако фе-деральный проект «Внедрение НДТ» со сроком окончания 21 декабря 2024 года летом 2020 года был замор-ожен из-за антикризисного секве-стра бюджета, а затем свернут: влас-ти рассудили, что, по сути, в перехо-де на НДТ заинтересована сама про-мышленность и в проектном управ-лении этот процесс не нуждается.

При этом несколько важных во-просов реформы остались открыты-ми. Среди них — доработка законо-дательства и устранение противоре-чий в части таких понятий, как НДТ, ТН, НВОС и ПДК, определение тре-бований к системам автоматическо-го контроля выбросов и производ-ственному контролю, создание еди-ного центра, отвечающего за прове-дение и стимулирование реформы: отдельный НКО и госорганам зада-ча такого масштаба вряд ли под силу.

Ирина Демина,
«Профессиональный
экологический консалтинг»;
Олег Сапожков

«Ощущение от подготовки к получению комплексного экологического разрешения — позитивное»

— мнение —

ВЯЧЕСЛАВ МУТЬЕВ, директор по экологии Segezha Group, о пер-вом опыте компании в подготов-ке к технологическому нормиро-ванию экологической нагрузки и значении реформы для россий-ской промышленности.

Согласно российскому законо-дательству, обязательно получить комплексное экологическое раз-решение (КЭР) к 2024 году распростра-няется на все предприятия, отно-сящиеся к первой категории. В Segezha Group таких объектов два. Это АО «Се-гежский целлюлозно-бумажный ком-бинат» и АО «Сокольский целлюлоз-но-бумажный комбинат».

Сегежский ЦБК — ключевой ак-тив группы. Это один из крупней-ших работодателей и налогоплатель-щиков Республики Карелия. Комби-нат также обеспечивает теплом и го-рячей водой жилой и коммерческий фонды города Сегежа — около 95% потребителей. Построено предприя-тие было еще до начала Великой Оче-чественной войны — первая очередь принята в эксплуатацию в 1939 го-ду. Сегодня его мощность составляет около 384 тыс. тонн мешочной крафт-бумаги, в том числе высокопрочной микрокрепированной. В 2017 году на предприятии начала работать но-вая бумагоделательная машина БДМ №11 производительностью 110 тыс. тонн продукции в год. Такое оборудо-вание было запущено в нашей стра-не впервые за предыдущие 25 лет. Комбинат также выпускает лесохи-мическую продукцию: талловую ка-нифоль, талловый пек, талловое ма-сло, дистиллированное талловое ма-сло, жирные кислоты и сульфатное мыло. Его продукция экспортирует-ся более чем в 70 стран мира. Segezha Group занимает второе место в мире по объему производства крафт-бумаги для многослойных мешков в пе-рвую очередь благодаря мощностям Сегежского комбината. На бумагу и упаковку приходится около 44% вы-ручки холдинга.

Исходя из исключительной важ-ности актива для группы, было при-нято решение заняться получением КЭР прежде всего для Сегежско-го ЦБК. Работа стартовала в 2019 го-ду. Она велась силами непосредст-венно экологов Сегежского ЦБК под

руководством управляющей ко-мпании холдинга. Также привлекал-ся хорошо зарекомендовавший се-бя на рынке подрядчик — компания EcoStandard group.

Сначала мы провели сравнитель-ный анализ фактических показате-лей загрязняющих веществ в сбро-сах комбината и технологических показателей наилучших доступных

технологий (НДТ). Он показал пре-вышение загрязняющих веществ при сбросах в водные объекты. В ре-зультате началась срочная разрабо-тка программы по повышению эко-логической эффективности (ППЭЭ) Сегежского ЦБК. В сентябре этого года наша ППЭЭ получила одобре-ние межведомственной комиссии Минпромторга. Она была приложе-

на к нашей заявке и пакету докумен-тов на получение КЭР в Федераль-ную службу по надзору в сфере при-родопользования. В ближайшие ме-сяцы ждем результатов по итогам ее рассмотрения.

Сейчас компания активно зани-мается реализацией ППЭЭ. Предва-рительно затраты на ее выполнение оцениваются в 2,5 млрд руб., а срок реализации — 2021–2026 годы. В частности, модернизируется цех кау-тизации регенерации извести. Впе-рвые за последние 30 лет устанавлива-ются новые охладители извести для известково-регенерационных печей. Их полная замена позволит ощутимо сократить атмосферные выбросы из-вестковой пыли. Также мы меняем пылеулавливающие электрофиль-тры на всех трех сорогенерацион-ных котлах (СРК). Еще в 2017 году мы установили новый электрофильтр на СРК-4. В этом году — на СРК-2. В сле-дующем году поставим его на СРК-3. Но-вое оборудование обеспечит практи-чески полное улавливание твердых частиц — более 99%.

В рамках ППЭЭ будут реконстру-ированы и очистные сооружения стан-ции биологической очистки, уже проведена замена фильтра-пресса №1 и отремонтирован аэротенк. Так-же прорабатывается проект установ-ки системы сбора, очистки и утили-зации дурнопахнущих газов.

Одновременно с этим на Сегеж-ском ЦБК разработана и принята про-грамма производственного экологи-ческого мониторинга. В настоящее время устанавливается единая си-стема мониторинга промышленных стоков «Навигатор». Инвестиции в нее составили более 32 млн руб. По проекту на всех основных площад-ках комбината, включая бумажное производство, варочный цех, хими-ческий корпус, ТЭС-2, биржу и стан-цию биологической очистки, будут установлены специальные датчи-ки. Они позволят в онлайн-режиме контролировать ключевые пока-затели электропроводности, темпера-туры, наличия взвешенных частиц в сбрасываемых сточных водах. Ежее-кундно весь объем получаемых с дат-чиков данных будет обновляться и анализироваться. Мы сможем отсле-живать малейшие изменения в про-изводственном процессе и заблаго-временно предупреждать возможные нештатные ситуации как на промы-шленной площадке комбината, так и на станции биологической очистки. Поставщик оборудования для мони-торинга — компания Emerson, один из лидеров в области промышлен-ной автоматизации технических процессов.

Раскрою небольшой секрет: в на-шей компании к проблемам экологи-и подходят творчески, пустой фор-мализм не про нас. Команда наших экологов старается выполнять по-ставленные задачи с позиции «плюс альфа». Дело в том, что одновременно со всеми весьма непростыми рабо-тами по линии КЭР мы ведем несколь-ко пилотных экологических проек-тов. Многие из них еще не прошли промышленные испытания и вызы-вают особый интерес благодаря но-ваторству, нестандартному подходу к решению типовых задач. В будущем по мере успехов мы непременно со-общим о них в медиа.

Но стоить рассказать и о сложно-стях, с которыми мы столкнулись в процессе получения КЭР. При подго-

товке заявки наиболее трудоемкой и сложной задачей было проведение учета и инвентаризации объектов на комбинате, при этом максимально полно и правильно. Промышленно-му объекту уже более 80 лет. Это не-простое инженерно-техническое со-оружение, мощнейшее градообразую-щее предприятие. Были объединены усилия всего коллектива: от экологов до производственников. Каждый чет-верг проходили заседания рабочей группы, на которых обсуждались те-кущая работа, непонятные или неод-нозначные моменты.

При этом общее ощущение от по-дготовки к получению КЭР — позитив-ное. Во многом этот настрой смогли поддержать представители государст-венных органов власти как на респу-бликанском, так и федеральном уров-нях. Совместными усилиями удалось создать конструктивную, деловую ат-мосферу. Для нас очень важна была оперативная обратная связь по всем нашим действиям, а также высоко-профессиональные консультации чиновников по возникавшим в хо-де подготовке вопросам. Надеемся на положительное решение властей в отношении нашей заявки.

В ближайших наших планах — начать подготовку к получению КЭР для Сокольского ЦБК. В целом проце-дура ясна, алгоритм действий тоже понятен. Опыт, приобретенный на-ми на примере Сегежского ЦБК, ста-нет ощутимым подспорьем. Эколо-гическая составляющая — неотъем-лемая часть стратегии долгосрочно-го развития Segezha Group. При этом КЭР выполняет очень важную стиму-лирующую функцию, диктуя отчет-ливые временные рамки для многих рутинных процессов.

Полагаю, что выстраиваемая в на-шей стране система КЭР станет боль-шим благом не только для экологии и общества, но и для ускоренного развития отечественной промыш-ленности. Внедряемый принцип обязательного соответствия произ-водства НДТ поднимет уровень не только экологических стандартов, но и качества выпускаемой продук-ции, повысит эффективность пред-приятий. Ведь основной производст-венный фонд в России по-прежнему требует неотложной модернизации и обновления — он достался нам еще от советской эпохи.

регенерация

Мировая экономика прощается с линейным мышлением

По данным организации Circle Economy, занимающейся изучением и продвижением концепции экономики замкнутого цикла, в 2020 году только 8,6% ресурсов, поступающих в экономику, были вторичными. В 2018 году этот показатель был равен 9,1%, и дальнейшее развитие по линейному пути приведет к выбросам 65 млрд тонн парниковых газов к 2030 году. На этом фоне многие страны ускорили переход к циклической экономике. Летом текущего года Минприроды предложило создать закон об экономике замкнутого цикла, идет работа по соответствующему федеральному проекту. Центр устойчивого развития бизнес-школы «Сколково» и «Ъ-Регенерация» изучили основные подходы и инструменты перехода к циклической экономике в разных странах и сравнили российскую практику с зарубежной.

SHUTTERSTOCK / VESPERINERY

— исследование —

Что такое циклическая экономика, и зачем она России

Важную роль в развитии практической концепции циклической экономики сыграл фонд Эллен Макартур, который в 2013 году опубликовал первый комплексный доклад «Навстречу циклической экономике: экономическое обоснование для ускоренного перехода к устойчивому развитию». В нем была аргументирована необходимость перехода к экономике замкнутого цикла и определены ее критерии и принципы. Согласно определению фонда, экономика замкнутого цикла (циклическая экономика) — это модель развития, в основе которой лежат принципы устойчивого производства продуктов, их надлежащей утилизации, а также формирование культуры ответственного потребления. Устойчивое производство — это ключевой компонент концепции, решающий проблему ограниченности линейной экономики, которая работает по схеме «производство — использование — утилизация».

Комплексный переход к циклической экономике важен для России по ряду причин. В первую очередь изменение подхода к производству позволит решить острую проблему образования большого количества отходов. Согласно госдокладу о состоянии и об охране окружающей среды, удельный показатель образования отходов в расчете на ВВП в 2020 году составил 78,4 тонны на 1 млн руб., что на 33% выше показателя 2015-го. Циклический подход к производству поможет решить проблему высокой углеродоемкости экономики, в частности энергетического сектора, на который, по данным Росстата, приходится почти 80% всех выбросов парниковых газов. Экономика замкнутого цикла предполагает помимо прочего переход на возобновляемые источники энергии и повышение энергоэффективности в рамках производственных процессов. Следует отметить ее возможный вклад в решение ресурсной проблемы. В докладе 2021 года об эффективности управления госфондом недр Счетная палата отметила низкий уровень показателей по воспроизводству дефицитных и стратегических полезных ископаемых, а циклическая экономика минимизирует вовлечение первичных ресурсов в производство.

Существует и репутационный риск: невыполнение взятых на себя обязательств, а также отставание от стран-партнеров потенциально может привести к ухудшению взаимотношений между государствами. Переход к экономике замкнутого цикла, как отмечают в Счетной палате, позволит государству сократить расходы на ликвидацию накопленного экологического ущерба и увеличить доходы от введения новых налогов в отрасли. Также переход к новой мо-

дели позволит минимизировать негативное воздействие на природную и окружающую среду, общество (в том числе увеличив занятость). Будут решены проблемы здравоохранения, связанные со складированием большого количества отходов.

Международный опыт

Можно выделить два подхода, которые применяются странами для перехода к экономике замкнутого цикла. Первый подход — централизованный — заключается в принятии единого документа, регламентирующего меры, которые будут приняты в этой области. Такой подход характерен для ЕС и его стран-членов, Китая, Японии, Австралии, Уэльса и Шотландии. Второй подход — децентрализованный — заключается в реализации инициатив и программ на уровне административно-территориальных единиц, городов. Его придерживаются США и Канада. В Англии и Северной Ирландии переход к циклической экономике регулируется в рамках нескольких актов, преимущественно ориентированных на решение проблемы образования большого количества отходов.

Нидерланды лидируют в переходе к циклической модели производства: 24,5% ресурсов, поступающих в экономику страны, являются вторичными. Правительство Нидерландов выбрало централизованный подход к переходу и в 2016 году объявило об обязательстве перейти к полностью циклической экономике к 2050-му.

Выстраивание системы обращения с отходами является частью циклической экономики, но не его эквивалентом. Например, в Германии принят Акт о развитии экономики замкнутого цикла, в рамках которого циклическая экономика привносится к обращению с отходами. Эксперты агентства Construcia, Инициативы циклической экономики Германии (CEID) и Фонда Эллен Макартур отмечают, что, несмотря на успехи страны в решении проблемы отходов, переход к циклической экономике ей еще предстоит. В 2021 году CEID опубликовала доклад под названием «„Дорожная карта“ по переходу Германии к циклической экономике», в котором отметила выдающийся прогресс страны в отношении отходов и недостаточность действий по другим направлениям концепции.

При переходе к циклической экономике важно наладить сотрудничество с другими странами для обмена опытом. В 2021 году по инициативе ЕС был создан Глобальный альянс по циклической экономике и рациональному использованию ресурсов. В него помимо ЕС и других стран вошли организации ООН — Программа ООН по окружающей среде и Организация объединенных наций по промышленному развитию. Стратегическими партнерами стали Фонд Эллен Макартур, Всемирный форум по цикличе-

ской экономике и Программа действий в области экономики замкнутого цикла.

Инструменты перехода

Разработка комплексного плана действий — один из самых эффективных путей, по которому могут пойти страны для перехода от линейной экономики к циклической. В 2015 году Фонд Эллен Макартур разработал методологию по переходу к экономике замкнутого цикла, адресованную регуляторам. В 2020-м финский инновационный фонд Sitra выпустил похожее руководство по разработке национальной «дорожной карты».

Согласно этим документам, в первую очередь необходимо определить цели, на достижение которых будет направлена стратегия. Нужно выделить ключевые секторы и релевантные группы заинтересованных сторон, с которыми должно быть налажено сотрудничество. Затем рекомендуется идентифицировать и оценить возможности и барьеры ключевых секторов и экономики в целом, ассоциирующиеся с переходом. В результате нужно определить направления развития и перечень приоритетных мероприятий. Переход к новой модели должен включать в себя изменение подхода к производству и развитие культуры ответственного потребления. Направления работы и мероприятия следует обсуждать и согласовывать с заинтересованными сторонами.

На практике подход к разработке стратегии не всегда соответствует рекомендациям, в том числе по причине национального контекста и приоритетной проблематики. Тем не менее у стратегий стран разных регионов обнаруживаются общие черты (см. таблицу на стр. 27). Все проанализированные национальные зарубежные стратегии направлены на минимизацию образования отходов производства и развитие устойчивых производственных практик. Практически все страны делают акцент на использовании вторичных ресурсов в производстве, переработке отходов. У Канады несколько иной подход: регулятор жестко определяет для себя компоненты циклической экономики, исключая переработку отходов из концепции, и делает акцент на увеличении срока службы товара. Немаловажное место в стратегиях занимает создание устойчивой модели потребления, при которой пользователи ответственно подходят к покупке товаров, их эксплуатации и утилизации.

Страны ставят качественные и количественные цели для измерения прогресса. Среди чаще всего используемых количественных целей — сокращение образования отходов и их направление на переработку, увеличение доли использования вторичных ресурсов в производстве и эффективности использования ресурсов (в расчете на ВВП). Качественные цели ставятся по производственным изменениям, повышению осведомленности общества.

У каждой страны своя РОП

— исследование —

Исследование систем расширенной ответственности производителя за отходы товаров и упаковки (РОП) в Германии, Швеции, Финляндии, Белоруссии, Казахстане и еще нескольких странах показало: изьяны и лучшие стороны этого механизма построения экономики замкнутого цикла. В тех странах, где понимают смысл РОП, основные цели и задачи этого механизма, он повышает уровень утилизации и снижает объемы полигонного захоронения отходов. В тех же странах, где такое понимание отсутствует, а применение механизмов РОП носит характер карго-культу, в том числе в России, механизм предсказуемо не работает.

Главные цели института РОП как механизма, вовлекающего производителей товаров и упаковки в создание циклической экономики, — сокращение образования отходов потребления и повышение уровня сбора и переработки вторичных материальных ресурсов. Для этого необходимо создавать разветвленную инфраструктуру сбора вторсырья, вовлекать в участие в нем население, стимулировать переработку и создавать устойчивые финансовые схемы взаимодействия заготовителей и переработчиков.

В немецком законе KrWG (2012 год) под экономикой замкнутого цикла понимается «предотвращение образования и переработка отходов». Его целями являются поощрение ее формирования для сохранения первичных ресурсов, а также защита людей и окружающей среды при образовании и управлении отходами. Похожие определения можно найти в директивах ЕС и законодательстве Великобритании, Ирландии и многих других стран.

В России нет специального закона об экономике замкнутого цикла — в Минприроды его только обещают написать к концу 2021 года. Однако в утвержденной в декабре 2020-го вице-премьером Викторией Абрамченко Концепции совершенствования института РОП цель этого механизма названа точно: «Создание эффективной системы возврата вторичных материальных ресурсов в хозяйственный оборот в рамках перехода к циклической экономике». Казалось бы, формально запущенный в РФ еще в 2015 году способ сокращения производства отходов должен был за это время сплотить общество, найти широкую поддержку в бизнес-среде и обеспечить снижение полигонного захоронения. На деле вместо объединения усилий семь лет продолжается борьба производителей и чиновников, собираемых альтернативно РОП квазианалога — экологического сбора — ничтожно мала, а свалки продолжают расти.

Разные роли

В системе РОП субъектами являются производители товаров и упаковки, население, сборщики, транспортировщики и переработчики вторсырья и, конечно, органы власти. Производители — источник отходов (и того, что со временем ими станет), поэтому их справедливо называют загрязнителями. В мировой практике загрязнитель должен платить за последующую после потребления его товаров «уборку». Меморандум о РОП, подготовленный Фондом Эллен Макартур, одобрили более 150 транснациональных компаний и НКО. Согласно меморандуму, производитель несет ответственность за продукт на протяжении всего его жизненного цикла.

Население в системе РОП выступает как соучастник загрязнителя и честно платит: производители все затраты, включая расходы на исполнение РОП, включают в себестоимость продукции. Впрочем, затраты эти не так велики, как любят говорить об этом лоббисты производителей. По оценочным расчетам авторов, последствий доведения нормативов утилизации упаковки до 100% (до сих пор они были ниже — производителям требовалось время на адаптацию к новому порядку) граждане не заметят: рост себестоимости продукции составит менее 0,5–1%, по отдельным видам упаковки — до 3%. Минэкономки оценили дополнительный вклад РОП в инфляцию в 0,1–0,2 процентного пункта.

Ситуация в других странах похожа — так, плата за переработку упаковки в Финляндии составляет €119 за тонну, или 12 евроцентов за килограмм. Для большинства покупок плата за переработку их обертки не превышает нескольких центов. В Германии доля платежа за переработку упаковки в цене товара также колеблется в пределах 1%: доля РОП в цене продукта «сыр тертый/пластиковый пакет» — 0,53%, «мука/бумажный пакет» — 0,14% и т. д. По отдельным группам товаров со специфической и трудноперерабатываемой

упаковкой эта доля составляет 1–3%, например «молоко/тетрапак с крышечкой» — 2,05%.

Введение РОП в Белоруссии и Казахстане сопровождалось возражениями против ожидаемого значительного роста цен на товары, но на деле этого не произошло. В белорусской системе на начальном этапе платежи за РОП были ниже 1% себестоимости и остались несущественными. Так, цена РОП за товары в ПЭТ-бутылках составила 1,5 коп. (минеральная вода в рознице стоила 1,2 белорусского рубля). Вопросы вызывает только дорогая техника. Так, исполнение РОП в отношении смартфона стоит примерно 3% розничной цены.

При этом плата за РОП — это выручка нескольких самостоятельных видов бизнеса: заготовителей, транспортировщиков и утилизаторов отходов, зарабатывающих на вовлечении отходов в повторный хозяйственный оборот и, по сути, уборке за загрязнителями.

Европейское не значит правильное

В каждой стране, где РОП работает, используются как минимум два способа ее реализации: самостоятельный сбор и утилизация отходов и наем профессионалов, способных организовать инфраструктуру сбора вторсырья. Это логично: самостоятельное выполнение РОП требует инвестиций и имеет смысл, только когда производителю дешевле создать свои мощности по сбору и сортировке отходов. Поэтому в Германии и ряде стран ЕС производители объединились по типам отходов и создали профильные ассоциации. Они и стали, по сути, операторами РОП, в функции которых входят сбор платежей и выполнение целей по сбору отходов. Однако эта тактически успешная система оказалась стратегически неэффективной. Еще в 1993 году у немецкого Федерального антимонопольного ведомства возникли серьезные сомнения в отношении общих гарантий сбора и утилизации отсортированных отходов. Несмотря на попытку германского правительства в 2003 году сделать работу ассоциаций производителей прозрачнее, им это не удалось до сих пор. Финский и прибалтийский опыт также показывает, что производители сами по себе плохо организуются и чаще уклоняются от РОП, а ассоциации заняты скорее конкуренцией между собой, чем сбором вторсырья.

Контроль ассоциаций производителей средств РОП создал и другие проблемы. Например, в европейской модели ответственность несут производители товаров в упаковке, будь то цветочный магазин, бакалея и т. п., а не производители упаковки (гофрокартона, ПЭТ-бутылки и другие), что только запутывает схему распределения затрат на инфраструктуру и административные расходы. Так, немецкая GrunePunkt тратит на администрирование около 5% сборов, тогда как в Белоруссии на это уходит около 1% средств. Причина в том, что в белорусской модели РОП ответственность возложена на производителя упаковки именно с целью упрощения администрирования. Вместо 200 тыс. хозяйствующих субъектов контроль ведется за 19 тыс., а штат белорусского «Оператора ВМР» состоит из 30 человек. Аналогична структура РОП и в Казахстане.

В итоге европейская схема «один вид отхода — одна ассоциация», когда ассоциации бумажной упаковки занимаются сбором макулатуры, стеклышки — стеклом и т. д., не только создает монополии и снижает конкуренцию, но и дорого обходится гражданам. В этом отношении российские, белорусские и казахстанские производственно-готовительные предприятия и пункты приема вторсырья, принадлежащие независимым предпринимателям, больше соответствуют духу свободы и конкуренции, чем немецкий GrunePunkt или литовская Zalisias Taskas. При этом в ЕС примерно 90% средств РОП идет на создание инфраструктуры сбора и сортировки отходов, 5% — на административные расходы, оставшиеся 5% — на просвещение и PR, а переработчикам в этой схеме не достается ничего.

Как должно быть?

Накопленный опыт показывает, что в оптимальной схеме оператор средств РОП должен быть равноудаленным и независимым от производителя товаров и упаковки. Она и была принята за основу в ближнем зарубежье, где управленческие традиции и социально-экономические отношения традиционно близки к принятым в РФ. В Белоруссии РОП действует с 2012 года, в Казахстане — с 2016-го, и средства РОП там аккумулируют де-факто государственные организации.

В Казахстане оператором РОП (и импортеров) назначено товарище-

ство с ограниченной ответственностью «Оператор РОП», наделенное полномочиями постановлением правительства. В Белоруссии же это госучреждение «Оператор вторичных материальных ресурсов». Их равноудаленность от производителей упаковки позволила создать близкий к идеалу механизм экономики замкнутого цикла, к которой так стремятся все европейские страны.

В Белоруссии основная часть средств РОП (95%) в 2020 году расходовалась на два направления: 41,6% — на компенсацию расходов заготовителям по сбору отходов потребления, 55,3% — на выполнение госпрограмм по строительству новых производств по сортировке и использованию коммунальных отходов и ВМР и совершенствование уже работающих предприятий в этой сфере. На организационно-техническое и информационное обеспечение, финансирование НИОКР и деятельности самого «Оператора ВМР» тратится менее 3% сборов. С 2021 года средства РОП выделяются и утилизаторам, но точно — на переработку отходов электрического и электронного оборудования. При этом компенсация выдается только тем заготовителям, кто собирает и сдает отходы на переработку на территории страны, принимая его от жителей через пункты приема, контейнеры для раздельного сбора отходов, сортировочные линии. Объемы, собранные у юридических лиц, в местах оптовой и розничной торговли, не компенсируются: для ритейла и прочих компаний сдача вторсырья — дополнительный источник дохода, и господдержка здесь не нужна.

В Казахстане же средства РОП распределяются между сборщиками, транспортировщиками и утилизаторами. Например, за килограмм макулатуры сборщики вторсырья получают 33,9 тенге (5,81 руб.), утилизаторы — 4,5 тенге (0,77 руб.), а с транспортировщиками по установленному тарифу «тонна/км» рассчитываются сборщики. Обязательными условиями для получения средств РОП являются регистрация и участие в цифровой платформе EcoQolday, которая кроме контроля и учета исполняет и функции онлайн-биржи вторичных ресурсов, причем сборщики получают субсидии только после подписания и размещения акта приема вторсырья утилизатором на цифровой платформе. Такая биржа, видимо, лучший механизм обеспечения баланса спроса и предложения, снижающего волатильность рынка вторсырья: она позволяет сборщикам наращивать продажи, а утилизаторам — стабильно загружать свои мощности и к тому же способствует обелению отрасли. Последнее особенно актуально: российские заготовители, работающие по-белому, жалуются на конкуренцию соподольным бизнесом, предлагающим более высокие закупочные цены за счет экономии на издержках.

Внедрение правильной модели РОП дает впечатляющие результаты. В Казахстане за первый квартал 2021 года по сравнению с первым кварталом 2020-го сборы вторсырья выросли в 3,8 раза (с 10 тыс. до 38 тыс. тонн). Количество участников в системе EcoQolday по состоянию на сентябрь 2021 года достигло 800, включая 185 предприятий по сбору вторичного сырья, 33 перерабатывающих завода и 582 транспортных компании, а к ноябрю перевалило за 1 тыс. В Белоруссии до внедрения РОП собираемость и использование вторсырья из ТКО не превышало 9–10% (в основном это была заготовка однородного и чистого «коммерческого» вторсырья у юрлиц, а из коммунальных отходов ВМР почти не извлекались). Теперь же благодаря созданной системе мотивация собираемости отдельных фракций достигла 95% в макулатуре, 76% — в стекле, 33% — в пластике, для батареек она составляет 31%, для электроники — 83%, для изношенных шин — 82%, отработанных масел — 89%.

Для эффективного функционирования института РОП в России целесообразно адаптировать опыт аналогичных белорусской и казахстанской систем. Обе модели, как, впрочем, и европейские, показывают: компенсация заготовителям является одной из главных задач операторов РОП как самое трудоемкое и важнейшее звено системы, нуждающееся в господдержке.

В России Денис Буцаев, руководитель ППК РЭО, предлагал создать Фонд РОП. Эта идея не нашла поддержки не только у чиновников, но и у экспертов. Основная причина, как мы полагаем, в низкой эффективности деятельности ППК РЭО, которой никто не хочет доверять средства РОП.

Солдун Будатаров,
РАНХиГС и Wasteconsulting;
Александр Долгушин,
Александр Куклин,
Екатерина Лазарева,
Екатерина Черничкина

регенерация

Экокожа лопаается от энтузиазма

Организация «Инициатива по инновационным материалам» (The Material Innovation Initiative) представила доклад Next-Gen Material («Материалы нового поколения») о том, как меняется этот рынок и как он будет выглядеть в будущем. Документ рассказывает и о том, как бренды перестраивают свои операционные и бизнес-процессы для работы с новыми видами материалов, почему инвесторам стоит обратить внимание на этот рынок и что нужно делать инвесторам, чтобы стать успешными.

— новации —

По меньшей мере две трети экологического следа брендов одежды и обуви обусловлено выбором материалов, с которыми они работают. Инициатива The Material Innovation Initiative (MII) — некоммерческий проект по поддержке развития рентабельных и экологически устойчивых материалов неживотного происхождения для текстильной промышленности, автопрома и производств товаров для дома. Чтобы такие материалы вышли на рынки быстрее, MII сотрудничает со стартапами, инвесторами, брендами и учеными. Особое внимание MII сконцентрировано на замене натуральной кожи: объем этого рынка в 2017 году составлял \$414 млрд.

Однако потребители предъявляют высокие требования к функциональности, соответствию модным трендам и экономичности альтернатив. Опрос MII 519 покупателей в США показал: 55% респондентов предпочли бы альтернативные материалы, а те, кто предпочитает натуральную кожу, ссылаются на то, что она качественнее, и согласны перейти на сопоставимые по цене и свойствам материалы. Часть потребителей (69% из тех, кто предпочли бы альтернативу коже, и 44% выбравших натуральную кожу) готова даже покупать материалы нового поколения дороже. Объем инвестиций в альтернативные материалы в 2020 году был сопоставим с совокупными вложениями за предыдущие четыре года, и аналитики ждут, что по мере масштабирования инновационных компаний этот рост продолжится. На конференции Rethinking Materials 2021 («Переосмысление материалов-2021») инвесторов спросили, будет ли 2021-й годом спада или роста спроса на инновации и экологически чистые материалы. Все участники дискуссии оценили перспективы в 11 баллов по 10-балльной шкале.

Что такое материалы нового поколения? Материалы Next-Gen — это альтернативы коже, шелку, шерсти, меху и пуху. Для их производства используют новые технологии, например биомимикрию (подходы, подражающие природе). MII разделяет инновации на несколько категорий: первичные (как порошок из яблочной кожу-

ры для изготовления кожи Beyond Leather и волокно листьев ананаса для материала Pinatex) и вторичные материалы растительного происхождения (как целлюлоза из отходов производства апельсинового сока для материала Orange Fiber), а также новые волокна из грибов (мицелии — корневые структуры, богатые хитином, подходят для изготовления альтернатив коже). Еще одно направление — тканевая инженерия (компания VitroLab заявляет, что может таким образом произвести миллиарды квадратных метров кожи из материала, взятого при биопсии у одной коровы, а по оценкам компании Faigcraft, при производстве такой кожи выбросы CO₂ и потребление химикатов для дубления сокращаются на 90%). Еще одна категория — материалы вторичного оборота: в основном это переработанные пластики и текстиль (например, компания Save the Duck производит одежду из пластиковых бутылок, и, хотя источником сырья служат невозобновляемые ресурсы, такие материалы относят к Next-Gen в силу их циклического использования). В MII участвуют 74 компании, 42 из них основаны после 2014 года, большинство (30) новых компаний сосредоточено на технологиях биомимикрии кожи. Только в 2016 году создано десять новых компаний по производству альтернатив коже. Исторически основой для них было растительное сырье, но в последнее время для создания экокожи все чаще используются материалы, полученные из мицелия и микробов.

Коллаборации с брендами Основной покупатель подобных материалов — индустрия одежды. Многие бренды публично заявляют о целях устойчивого развития и измеримых результатах, которых они планируют достичь, что открывает спрос на инновации для достижения поставленных производителями целей. Масштабируемых решений, которые бы были устойчивыми, технологичными и отвечали запросам потребителей, на рынке пока нет. Но у крупных брендов есть ресурсы, чтобы повышать уровень разработки новых материалов, и они уже вкладываются в это. На рынке появляются интересные коллаборации, например Lululemon, Kering, Adidas и

PHOTO: SHUTTERSTOCK/ANDREW KATYUK

Stella McCartney в партнерстве с Bolt Threads, в портфеле которого есть, например, Mylo — экокожа из мицелия грибов, или Microsilk — биоразлагаемый шелк, созданный по биотехнологии, рассмотренной у пауков. Adidas в партнерстве с тем же Bolt Threads в 2021 году создали кроссовки Stan Smith Mylo из этой альтернативы кожи, при этом на совершенствование Mylo компании потратили годы работы и изготовили 4 тыс. образцов. Ralph Lauren и Allbirds инвестируют в Natural Fiber Welding (NFW) — стартап, который использует вторичные натуральные волокна для производства устойчивых материалов. «Работы NFW, пионера в этой области, помогут не только продвинуть нашу работу в Ralph Lauren, но и повлиять на позитивные изменения во всей отрасли», — говорит Дэвид Лорен, вице-президент и директор по инновациям Ralph Lauren.

Дизайнеры Товары из инновационных материалов привлекают внимание покупателей, но дизайнерам работать с ними сложно: материал может быть непрочным, трудно окрашиваемым, требовать изменения промышленных технологий, могут возникать проблемы и с устойчивостью поставок. По словам Джессики Крюгер, основательницы лондонского бренда веганских лакшери-аксессуаров LUXTRA, у дизайнеров уже сложился перечень требований к инновациям: это «настоящая экологичность» (например, подложка из полиэстера может вызвать вопросы), долговечность, прочность и эстетичность (ключевой параметр для дизайнеров, здесь важны ширина палитры цветов, отделок, текстуры, возможность нанести тиснение и т. п.), а также не в

последнюю очередь доступность, место и время изготовления (они влияют как на цену, так и на углеродный след, связанный с доставкой).

«Для меня барьером при работе с материалами нового поколения может быть размер минимального заказа — так было, например, с виноградной кожей: проект называется Vegea, я следила за ним, когда он стал финалистом Global Change Award в 2017 году, или сложность получения материала. Иногда на сайтах стартапов подробно разъясняются все «устойчивые» преимущества новинки, но не понятно, как и почему ее можно приобрести: каталога, корзины нет, описания процесса заказа тоже нет. Зато рабочий email указан всегда — это очень радует. Но и тут все не так просто: многие не заинтересованы в партнерах, «малышах» и не отвечают на письма. Барьером становится и отсутствие материала в наличии: когда-то давно я хотела работать с Pinatex, но привлекавшие меня оттенки были распроданы, а дата рестока сдвигалась несколько раз. Я около года ждала, а потом актуальность ушла», — рассказывает российский дизайнер «устойчивой» одежды Мира Федотова. «Рынок подобных материалов молодой — не хватает практики применения и опыта, добиться баланса эстетики и практичности почти невозможно, если речь не идет о единичных кустарных изделиях. Бренды и дизайнеры не готовы рисковать, чтобы вводить в ассортимент подобные материалы, и берут их лишь для экспериментов и PR», — сетует Виктория Терра, дизайнер бренда Vitetta, исследователь материалов и лидер экодизайн-клуба Howtobedesigner. «По статистике, «модники-инноваторы» — это менее 5% потребителей, и даже если покупатели изначально «экоо-

сознанны» и готовы купить товар на пробу, перенасыщение рынка товаров fast fashion не позволяет говорить даже об 1% продаж таких изделий. Однако новые материалы хорошо использовать для обучения будущих дизайнеров», — говорит Виктория.

Кроме того, новые материалы требуют изучения полного цикла их обращения — бывает, что экологичные по задумке инновации конкурируют с уже устоявшимися циклами переработки сырья или технологий их вторичного использования еще нет. «Давайте рассмотрим переработанный полиэстер в качестве примера. Мы видим слово «переработанный» и думаем, что это что-то хорошее. Но это ошибка: такое мнение не берет в расчет более широкую картину. Переработанный полиэстер получают из ПЭТ-бутылок. При этом в ряде стран, как в Германии, уже есть хорошо функционирующие замкнутые циклы производства ПЭТ-бутылок, и нет смысла забирать из системы ПЭТ для производства волокон. Кроме того, ПЭТ не подходит для контакта с кожей, а когда волокна полиэстера смешиваются с другими материалами, например с хлопком, эластаном или вискозой, то после использования их уже нельзя переработать: отсутствуют технологии. Нет сомнений в том, что мы должны продолжать исследования и разработку новых материалов, но при этом всегда учитывать три фазы продукта: производство, использование и то произойдет с материалом после использования. В противном случае мы будем говорить красивые слова, но делать те же самые ошибки, что и сейчас», — говорит Анна Вергара Олазабаль, консультант по сертификации материалов, отвечающих принципам циклической экономики Cradle to Cradle.

«Важно понимать, что под названием «материалы неживотного происхождения» смешиваются — зачастую намеренно — два совершенно разных понятия: «веган» (материалы неживотного, но все же органического, природного происхождения) и «синтетика» (зачастую произведенная из нефти, пусть даже опосредованно). Синтетика дешева, но оставляет на порядок более глубокий экологический след. Однако и доступные для индустриального использования веган-материалы пока на самом деле тоже не без греха: обычно в них, например, 80% или меньше веган-материала, а остальное — добавки, которые зачастую напрочь подчеркивают все преимущества», — добавляет Андрей Голуб, гендиректор ICOL Group по Италии, основатель компании ELSE Corp., эксперт кластера Fashion Tech РАОК.

Отметим также, что для пошива коллекций большинство брендов сотрудничает с фабриками, которым для перехода на новые материалы требуются время, ресурсы и знания для перенастройки оборудования и изменения операционных процессов. Ключевой здесь является готовность фабрик-партнеров совместно с брендом и инноваторами работать над поиском наилучших технологий работы с новым материалом.

Перспективы рынка инновационных материалов

По оценкам MII, объем продаж инновационных материалов следующего поколения составит около \$2,2 млрд в 2026 году — это 3% рынка объемом более \$70 млрд. Прогноз базируется на динамике других отраслей, включая рынки электромобилей, альтернативных белков и замен пластика. MII ждет, что отрасль материалов Next-Gen в ближайшие пять лет будет расти на 80% в год. Есть и более сдержанные оценки, согласно которым объем рынка синтетической кожи оценивается в \$63,3 млрд в 2020 году и достигнет \$78,5 млрд к 2025-му при среднем годовом темпе роста 4,4% в период с 2020 по 2025 год.

Пока внимание экологически активных потребителей сосредоточено на сокращении использования синтетических материалов и борьбе с пластиковым загрязнением, хотя замена материалов животного происхождения инновационными позволяет сократить огромные выбросы парниковых газов животноводческой отрасли. Впрочем, реакция брендов на запросы потребителей — сокращение или отказ от синтетических материалов — повышает спрос на инновации. По мнению экспертов, материалы неживотного происхождения постепенно заменят натуральную кожу: выращивание животных занимает месяцы или годы, а на производство альтернативных материалов уходят недели, что в итоге снижает риски и издержки.

Екатерина Егорова,
Moscow Circular

Мировая экономика прощается с линейным мышлением

— исследование —

c26 Часто делается акцент на развитии инновационных решений и образования: отмечается необходимость перехода к новым, усовершенствованным производственным процессам, что требует соответствующей подготовки кадров. Выделяются и ключевые секторы или группы товаров (ресурсов), что позволяет сконцентрироваться на проблемных областях для достижения максимальных результатов по поставленным целям.

Переход к циклической экономике помогает странам в решении климатической проблемы, зависимости от ресурсов, импортируемых из других стран. К примеру, в ЕС план по переходу к циклической экономике является частью «зеленой сделки» — комплексной стратегии устойчивого развития союза, в рамках которой Европа ставит перед собой амбициозные климатические цели.

Подход к циклической экономике в России

Принципы экономики замкнутого цикла не новы для России. В Ф3 «Об отходах производства и потребления» среди приоритетных направлений госполитики в обращении с отходами в первую очередь указано максимальное использование исходных сырья и материалов, а также предотвращение образования отходов. Развивается механизм расширенной ответственности производителей, приняты информационно-технические справочники наилучших доступных технологий, посвященные обращению с отходами.

Текущее законодательство предусматривает главным образом ре-

гулирование обращения с отходами. Создание системы обращения с отходами и переход к циклической экономике — взаимосвязанные, но не взаимозаменяемые задачи. В долгосрочной перспективе концепция экономики замкнутого цикла не может быть полностью реализована в отсутствие изменений производственной модели.

Комплексная законодательная база для перехода к циклической модели развития начала формироваться в августе 2021 года, и Минприроды предложило правительству разработать отдельный закон «Об экономике замкнутого цикла». Инициатива одобрена Белым домом, а министерам обещало подготовить концепцию законопроекта до конца года. Сегодня развитие экономики замкнутого цикла зафиксировано в перечне правительственных инициатив

социально-экономического развития страны до 2030 года.

Минприроды выбрало централизованный подход для перехода к циклической модели: согласно плану реализации национальных целей развития до 2024 года и их планированию до 2030-го, для достижения показателя «Создание устойчивой системы обращения с ТКО, обеспечивающей сортировку отходов в объеме 100% и снижение объема отходов, направляемых на полигоны, в два раза» планируется разработать федеральный проект «Экономика замкнутого цикла». Предварительная версия проекта (есть в распоряжении «Б-Регенерации») предполагает в том числе стимулирование использования вторичных ресурсов, минимизацию образования отходов и их переработку. Таким образом, повестка экономики замкнутого цикла в России фокусируется на решении проблем об-

ращения с отходами и повторного использования ресурсов. Это объясняется стремлением регулятора решить набравшую проблему образования отходов, которая в последние годы получила широкий публичный резонанс. Такой подход практически не учитывает важный компонент циклической экономики — развитие устойчивого производства.

В документе также не отражен возможный вклад федерального проекта в иные цели устойчивого развития, которые могут быть достигнуты в процессе перехода к циклической модели развития. Нет связи проекта с мероприятиями, направленными на адаптацию и смягчение последствий изменения климата, снижение зависимости страны от импорта.

В текущей версии проекта указаны и приоритетные отрасли для перехода, среди которых строительст-

во, промышленность и сельское хозяйство. Особое внимание уделяется упаковке и пищевым отходам, упоминаются отходы компостирования. Этот подход соответствует мировым практикам и позволяет устранить болевые точки, составляющие большую часть проблемы. В документе упор делается и на подготовку квалифицированных специалистов, создание профильных кафедр на базе высших учебных учреждений, а также на формирование общества ответственного потребления при помощи информирования и просвещения. Также указаны измеримые цели для отслеживания прогресса и необходимость развития и применения инновационных решений.

Между тем, хотя инструментарий проекта документа соответствует мировой практике и рекомендациям по переходу к экономике замкнутого цикла, сама концепция

циклического развития, на которой основывается федеральный проект «Экономика замкнутого цикла», ограничена минимизацией образования и переработкой отходов, а также вовлечением вторичного сырья в производство.

Линейная модель развития доказала свою неэффективность. По данным ОЭСР, текущий уровень потребления может привести к нехватке ресурсов и усилить экологические проблемы: изменение климата, эвтрофикацию, деградацию земель, загрязнение вод. Экономика же замкнутого цикла может стать базой для решения этих глобальных проблем. Как и многие другие страны, Россия выбрала этот путь и уже учла такие важные элементы циклической системы, как обращение с отходами и вторичными ресурсами, подготовка кадров для перехода к циклической экономике и формирование ответственного потребления.

Но переход должен включать в себя помимо этого изменение модели производства для повышения ее устойчивости и соответствия принципам циклической экономики. Кроме того, проблемы изменения климата и ресурсной зависимости нельзя рассматривать в отрыве от перехода к экономике замкнутого цикла, а их взаимосвязь должна быть отражена в законодательстве. Успех данного перехода зависит и от того, как будет налажено сотрудничество с бизнесом, научным сообществом и другими государствами, которые уже далеко продвинулись на пути к циклической экономике.

Елена Дубовицкая,
Яна Морозова,
Центр устойчивого развития
бизнес-школы «Сколково»

Токсичное выводят на чистоту

Уже около двух лет в сфере обращения с отходами I и II классов идет реформа, первые результаты которой должны появиться весной 2022 года. Отвечает за изменения Федеральный экологический оператор — дочернее предприятие госкорпорации «Росатом». Преимущественно реформа затрагивает промышленные предприятия, у которых образуются отходы I и II классов, но перемены коснутся и обычных граждан.

— тенденции —

По данным ООН, ежегодно в мире образуется до 400 млн тонн отходов I и II классов. Согласно официальным данным, с 2013 года в России ежегодно образуется свыше 300 тыс. тонн отходов I и II классов. Впрочем, по экспертным оценкам, их 350–400 тыс. тонн. Это отходы металлургических, химических и нефтехимических производств, обрабатывающей промышленности и агропромышленного комплекса. При этом объектов по обработке и обезвреживанию таких отходов, позволяющих обеспечить безопасное и эффективное обращение с ними, недостаточно.

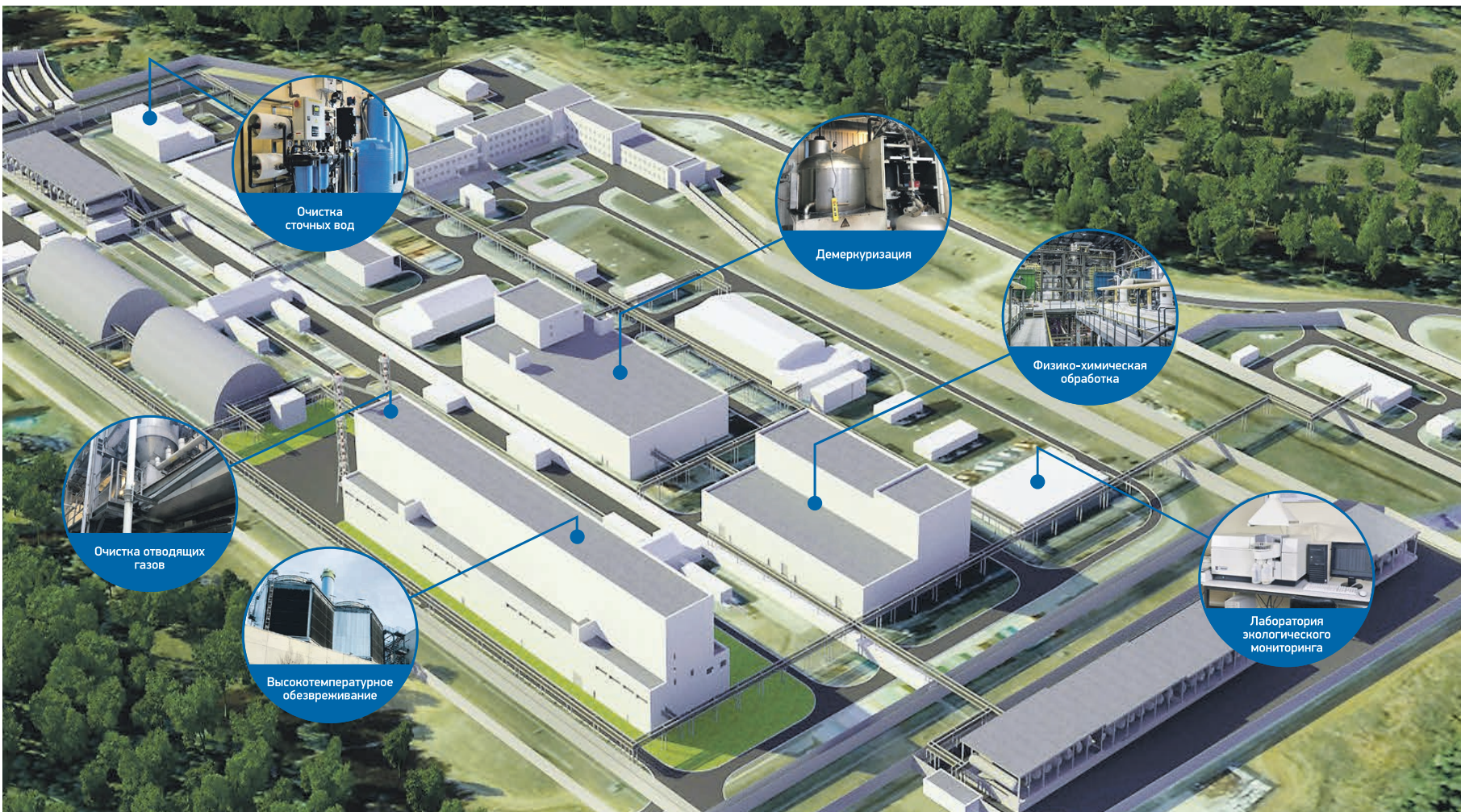
Отходы I класса чрезвычайно опасны: при попадании в окружающую среду они наносят ей непоправимый урон. К ним относятся ртутьсодержащие отходы, отработанные растворы кислот и другие. II класс — высокоопасные отходы, которые наносят серьезный вред окружающей среде. К ним относятся материалы, содержащие свинец, отходы химического производства и химических источников тока, например батарейки и аккумуляторы (см. рис. «Образование отходов I и II классов в субъектах РФ в 2020 году»).

Благодаря национальному проекту «Экология» с 2022 года все операции с отходами будут проводиться через «одно окно» Федерального оператора по обращению с отходами I и II классов (ФЭО). По словам вице-премьера Виктории Абрамченко, курирующей в правительстве вопросы экологической политики, долгое время в стране отсутствовала система, позволяющая в полном объеме обезвреживать как накопленные отходы I и II классов, так и вновь создаваемые. «Эта проблема была поднята в 2017 году, и в соответствии с поручениями президента в составе национального проекта „Экология“ был разработан федеральный проект „Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности“, — поясняет вице-премьер. Цель федерального проекта — создать инфраструктуру для обращения с промышленными отходами, наносящими непоправимый вред окружающей среде. Проект планируется завершить в декабре 2024 года, общий объем финансирования — более 36 млрд руб.

Советское наследие и нелегальные переработчики

С советских времен обращение с промышленными отходами было устроено просто: в основном токсичные вещества хранились на территории тех же предприятий, где и образовывались. Кроме того, для них создавались специальные хвостохранилища и полигоны. С тех пор на территории России осталось большое количество объектов, которые несут серьезную опасность для людей и окружающей среды. В реестре Минприроды по состоянию на май 2021 года значится 327 объектов накопленного вреда.

По словам Елены Шаройкиной, председателя комиссии Общественной палаты РФ по экологии и охране

окружающей среды, оценить, насколько полон реестр, довольно трудно: «Десятки объектов были внесены в него лишь в этом году, и еще предстоит оценить масштабы бедствий на каждом из них. Ущерб уже нанесен. Это касается как природы, так и здоровья местных жителей. Самое главное сегодня — не допускать появления новых объектов накопленного экологического ущерба».

Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат стал одним из самых известных объектов накопленного вреда. Минприроды оценивает отходы комбината в 8 млн тонн, которые располагаются на площади 450 га в картах-накопителях. Другим громким случаем объекта накопленного вреда стал бывший химический ком-

«Самое главное — не допускать появления новых объектов накопленного экологического ущерба»

бинат в Усолье-Сибирском, признанный территорией экологической катастрофы. В ноябре 2018 года в Усолье-Сибирском ввели режим ЧС из-за риска возникновения угрозы техногенного характера: с предприятия в город нелегально начали вывозить зараженный химическими отходами металл.

Хотя отходы производства размещаются на территориях самих предприятий, есть случаи, когда они попадают на полигоны твердых коммунальных отходов. Происходит это из-за недобросовестных подрядчиков, которые заключают контракт на утилизацию отходов I и II классов, но извлекают только ценное сырье (в основном металлы), остатки вывозят на свалки.

«Рынок конечного обращения с отходами I и II классов в части их переработки — самый плохо контролируемый. На легальную переработку уходит очень мало отходов, — говорит Степан Аксюткин, генеральный директор ООО

„Спецперевозчик“. — В России множество компаний, которые правомочно утилизировать отходы, но у некоторых из них ничтожные мощности. Несмотря на это, они принимают сотни и тысячи тонн промышленных отходов, формально подавая акты об их утилизации». Сейчас в России перерабатывается до 2% отходов I и II классов.

Серые схемы обращения с промышленными отходами привели к тому, что государство не способно в полной мере контролировать их жизненный цикл, а реальные переработчики не могут собрать достаточный объем сырья для своей работы, так как логистическая цепочка обрывается в массе подрядчиков. Бизнесу, обрабатывающему отходы, такая ситуация тоже невыгодна. «Современный бизнес пришел к осознанию, что недобросовестное обращение с отходами I и II классов может привести к значительным репутационным рискам, невозможности выйти на международный рынок или получить „зеленое“ финансирование», — говорит Кирилл Комаров, директор блока по развитию и международному бизнесу госкорпорации «Росатом».

В рамках национального проекта «Экология» наладить отрасль поручено «Росатому», так как госкорпорация имела опыт обращения с отходами I и II классов, в том числе с радиоактивными. «У „Росатома“ есть все, чтобы взять ситуацию под контроль: и необходимый опыт, и научные разработки, и достаточный объем финансирования, который государство может четко контролировать», — говорит Елена Шаройкина.

Единое окно для отходов I и II классов

С 2022 года за прозрачность и сбор информации об отходах будет отвечать Федеральная государственная информационная система учета и контроля за обращением с отходами I и II классов (ФГИС ОПВК). Планируется, что она начнет действовать уже в декабре текущего года. Платформа будет отслеживать весь жизненный цикл отходов: от их образования до утилизации. С помощью этой системы в онлайн-режиме можно будет контролировать перемещение отходов, производить их учет, оптимизировать логистику и выявлять нарушения.

Предприятия (юрлица, ИП, региональные операторы ТКО), которые образуют отходы I и II классов, будут обязаны заключать с ФЭО договор об оказании услуг по их утилизации, если у них нет собственных мощностей для переработки своих отходов. Обязательной эта процедура станет с 1 марта 2022 года. «Работа предприятий в системе ФГИС ОПВК сделает прозрачным обращение с отхо-

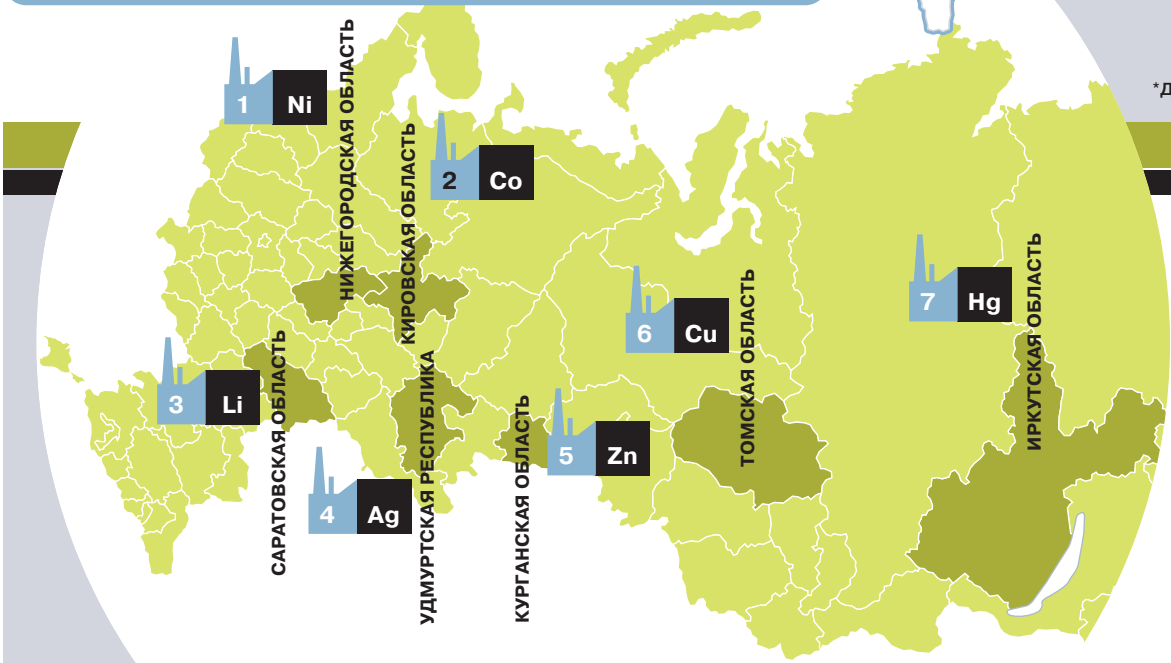
«Перед Россией стоит большая задача — заставить людей отдельно собирать и сдавать опасные отходы»

дами в рамках предприятия, будет являться подтверждением соблюдения требований в области охраны окружающей среды», — отмечает Кирилл Комаров. Предполагается, что создание системы обеспечит баланс, необходимый для минимального воздействия производств на окружающую среду.

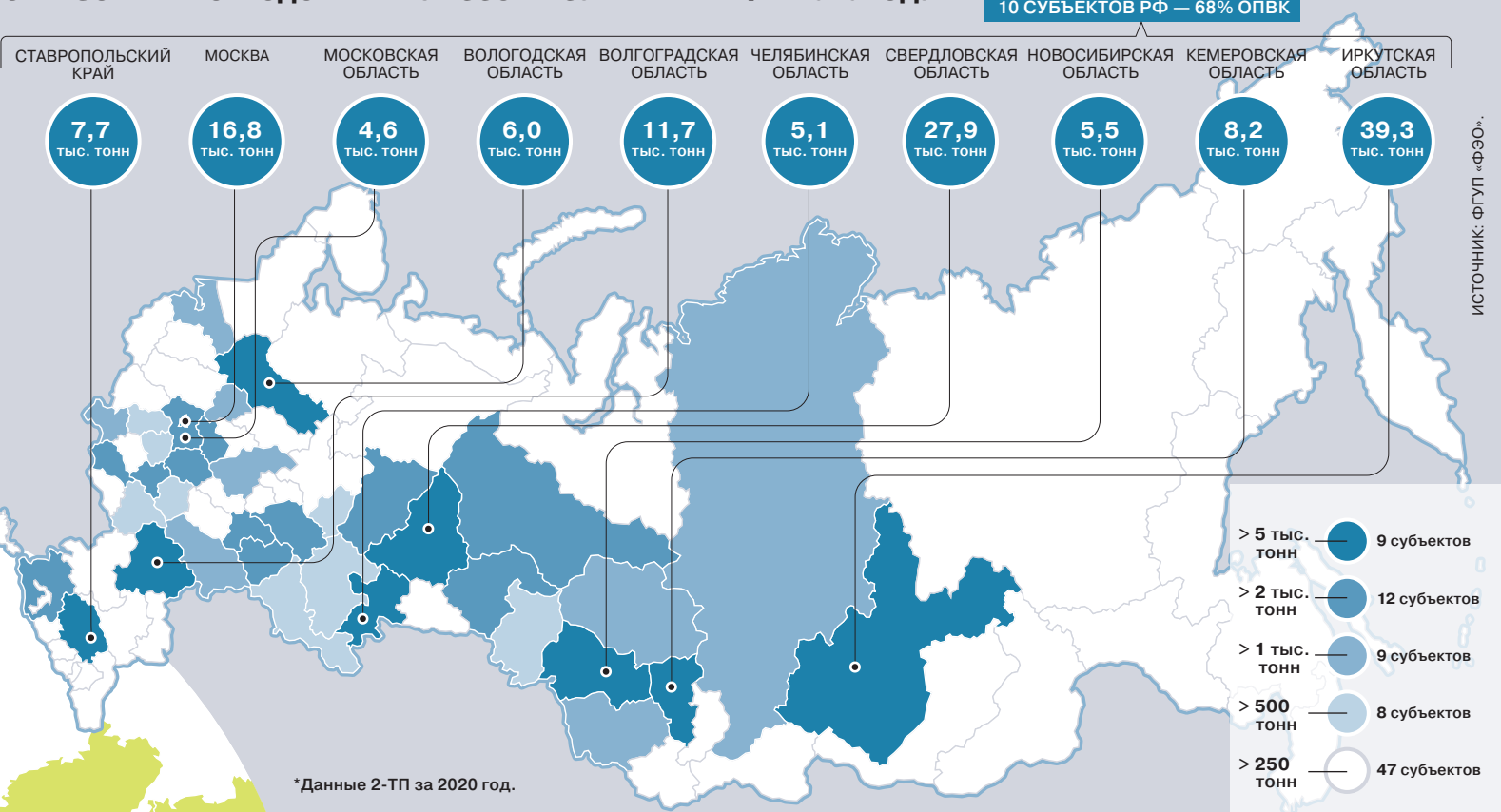
Мировая практика имеет схожую схему обращения с промышленными отходами. Например, в США полномочия по управлению ими переданы на региональный и муниципальный уровни, но при этом осуществляется федеральный контроль: штаты и муниципалитеты отчитываются перед Федеральным агентством по охране окружающей среды. В Европе обращением с промышленными отходами традиционно занимается частный бизнес, однако и в этом случае их контролирует единый государственный орган.

Виктория Абрамченко отмечает, что Россия действует в соответствии с общемировыми трендами: «Путь, который ряд зарубежных стран проходит более 40 лет, нам предстоит преодолеть гораздо быстрее. Мы применили лучшие зарубежные практики и разработки российских ученых. Начинаем создавать в России уникальную сеть для переработки отходов

ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ I И II КЛАССОВ

ОБРАЗОВАНИЕ ОТХОДОВ I И II КЛАССОВ В СУБЪЕКТАХ РФ В 2020 ГОДУ*

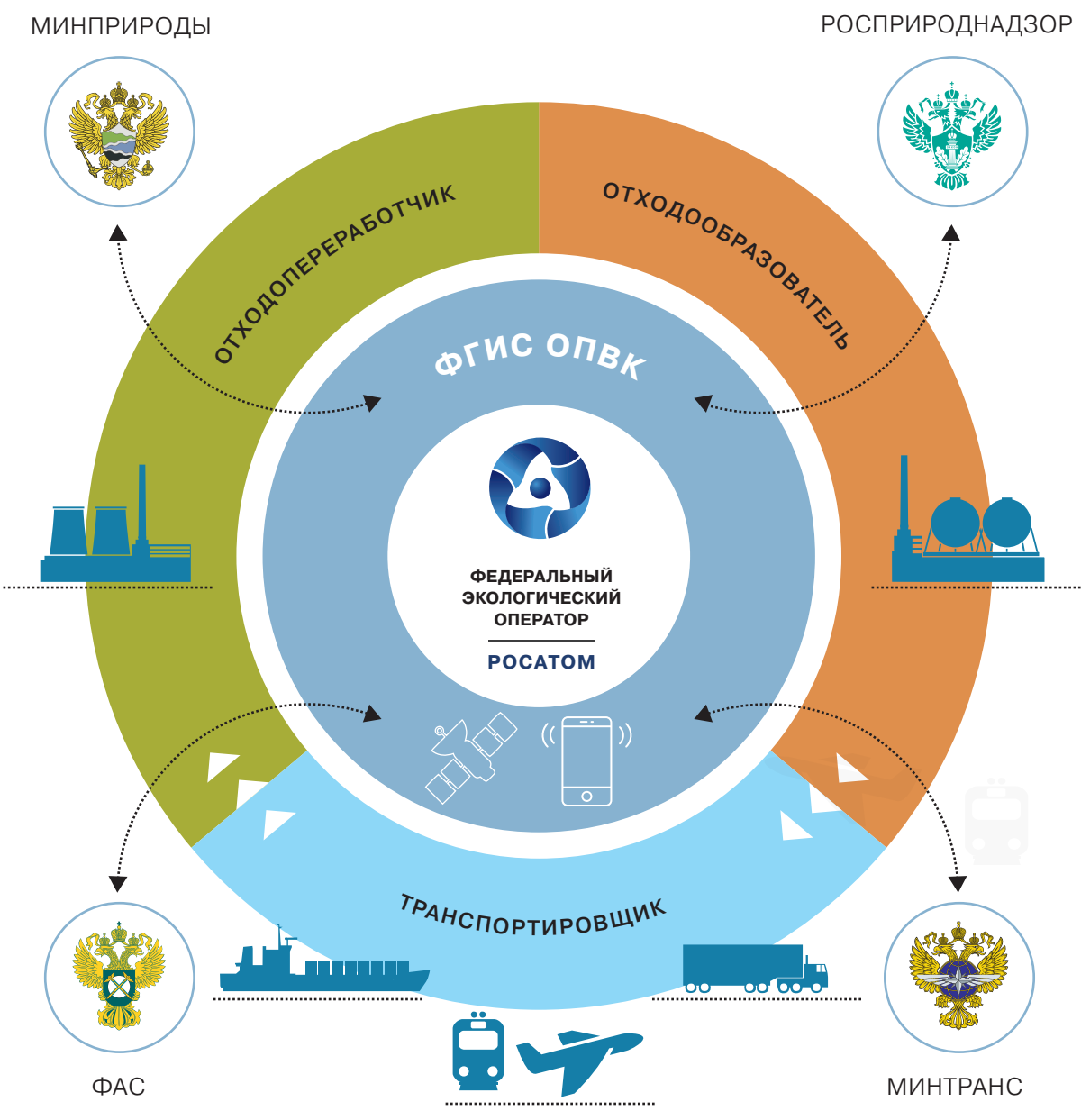
ПРОДУКТЫ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ I И II КЛАССОВ

Продукты переработки	Отрасли применения	Продукты переработки	Отрасли применения
1. Алюминий	Производство аккумуляторов	4. Медь	Радиоэлектроника
Литий	Металлургия	Серебро	Легкая промышленность
Никель			Строительство
Кобальт		5. Медь	Электроника
Медь		Оксиды металлов (никель, цинк, кобальт)	Автомобилестроение
2. Медь	Металлургия	6. Медь	Химическая промышленность
Оксиды металлов (никель, цинк, кобальт)	Химическая промышленность	Соль	Радиоэлектроника
Материал для дорожного строительства	Строительство	Материал для пересыпки полигонов ТКО	Агрохимия
3. Соль	Химическая промышленность	Материал для дорожного строительства	Строительство
Материал для пересыпки полигонов ТКО	Агрохимия		Обращение с ТКО
Материал для дорожного строительства	Строительство	7. Ртуть	Металлургия
	Обращение с ТКО	Стекло	Химическая промышленность
		Алюминий	Электротехника
		Технический грунт	

регенерация

Токсичное выводят на чистоту

СИСТЕМА ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ I–II КЛАССОВ В РФ (С 1 МАРТА 2022 ГОДА) ИСТОЧНИК: ФГУП «ФЭО».

И II классов с возможностью получения продуктов рециклинга. Весь мир пришел к тому, что отходы — это потенциально полезное сырье».

По мнению Александра Никитина, генерального директора экологического правового центра «Беллона», извлечь зарубежный опыт полезно, однако полностью перенять его не получится. «Скопировать иностранный опыт невозможно с точки зрения технологий — они у каждого свои, некоторые из них очень дороги. Более того, есть российские технологии, которые лучше зарубежных. Также у нас различные нормативные базы. Еще одно различие: общество по-разному относится к проблеме. Сейчас перед Россией стоит большая задача — заставить людей разделять собирать и сдавать отходы I и II классов. В Европе за это взялись давно — там люди сами занимаются отходами, которые образуют», — поясняет эксперт. По его словам, в Европе на переработку отправляется примерно 50–60% общего количества промышленных отходов.

Приблизить замкнутый цикл

Сегодня в России наблюдается дефицит современных мощностей по переработке отходов I и II классов, поэтому вторая задача, которая стоит перед «Росатомом», — создание базовой инфраструктуры для переработки отходов. Сложившаяся в стране за долгие годы полулегальная практика привела практически к полному исчезновению реальных переработчиков. В мире же растет тренд на построение экономики замкнутого цикла.

Чтобы заново выстроить систему утилизации отходов I и II классов, планируется перепрофилировать четыре объекта, ранее специализировавшихся на уничтожении химического оружия, — в Кировской, Курганской, Саратовской областях и Удмуртской Республике, и еще три больших предприятия построй в Нижегородской, Томской и Иркутской областях. Всего будет создано семь экотехнопарков, использующих новые российские и зарубежные технологии. Ожидается, что новые предприятия с учетом сопутствующих производств дадут около 2 тыс. высокотехнологичных рабочих мест до 2024 года (см. рис. «Продукты переработки отходов I и II классов»).

Экотехнопарки будут работать с гальваническими растворами, отработанными растворами кислот и щелочей, шламами, шлаками, отходами химического и нефтехимического производства, аккумуляторами, батарейками, ртутьсодержащими катализаторами, а так-

Схема организации экотехнопарков исключает контакт отходов с окружающей средой

же с лампами и градусниками. Для переработки отходов будут применять технологии в зависимости от их вида: физико-химическая обработка и утилизация, высокотемпературное обезвреживание и демеркуризация.

После демеркуризации ртутьсодержащих отходов можно получить товарную ртуть марки Р0, потенциальные покупатели — Китай, страны Африки и Латинской Америки. С помощью химико-физической обработки из отходов будут извлекать железо, алюминий, олово, свинец, медь, серебро, золото, а также другие материалы, которые можно использовать повторно. Экотехнопарк в Нижегородской области будет полностью ориентирован на переработку химических источников тока (батарейки, аккумуляторы).

Схема организации экотехнопарков исключает контакт отходов с окружающей средой. Технологии предполагают единый замкнутый производственный цикл: отходы от одних стадий будут являться сырьем для других. Замысел прост: все, что можно переработать, должно быть переработано. По словам Александра Мажуги, научного руководителя РХТУ имени Менделеева, сейчас не существует таких технологий, с помощью которых можно полностью переработать отходы. По его оценкам, около 10% объема отходов I и II классов придется захоранивать либо подвергать термической обработке, пока не будут найдены новые технические решения.

Александр Мажуга отмечает, что Россия находится в роли догоняющего, поскольку в стране недавно начала развиваться отрасль переработки промышленных отходов. «Я надеюсь, в течение ближайших трех лет мы нарастим научно-технологический потенциал, что позволит нам догнать другие страны и создать такую инфраструктуру, которая поможет эффективно перерабатывать отход в товарный продукт», — говорит он.

По инициативе ФЭО создан консорциум «Передовые ЭкоТехнологии», куда вошли российские университеты и научные организации. Главная задача объединения — подготовка кадров для отрасли по обращению с отходами I и II классов. В свою очередь, РХТУ имени Менделеева стал главным научным центром и по обучению,

По инициативе ФЭО создан консорциум «Передовые ЭкоТехнологии», куда вошли российские университеты и научные организации

и по разработкам новых технологий (см. рис. «Технологии переработки отходов I и II классов»). Менделеевский университет развивает концепцию «зеленой» химии — направление, которое, с одной стороны, призвано сделать химический процесс безопасным, безотходным и ресурсосберегающим, а с другой — способствовать превращению отходов в новый продукт», — поясняет Александр Мажуга.

Кроме утилизации отходов I и II классов ФЭО планирует развивать направление по общему снижению объема их образования. Согласно ФЗ-89 «Об отходах производства и потребления», государственная политика в области обращения с отходами должна выстраиваться в иерархической последовательности, где в приоритете максимальное использование исходного сырья, а также минимизация образования отходов. «Мы видим одной из стратегических задач реализацию приоритетных направлений государственной политики по сокращению образования отходов и снижению класса их опасности. Когда будут понятны объем и характеристика переданных отходов производства, относящихся к отходам I и II классов, федеральный оператор приступит к формированию предложений по сокращению образования отходов и снижению класса опасности в источниках их образования», — поясняет Андрей Лебедев, директор направления по реализации государственных и отраслевых программ в сфере экологии госкорпорации «Росатом».

Собрать отходы I и II классов у населения

Сейчас перед государством стоит сложная задача по сбору отходов I и II классов у населения, например ртутных ламп, батареек, аккумуляторов, ртутных градусников. По данным «Гринпис» за 2020 год, только 18,5% жителей страны имеют доступ к инфраструктуре раздельного сбора отходов (РСО). Задача по внедрению системы РСО возложена на местное самоуправление и управляющие компании. В свою очередь, ФЭО готов разработать необходимые методические рекомендации по сбору отходов и сопроводждать регионы в организации деятельности на местах.

«Метополресурс», крупнейший переработчик батареек и аккумуляторов в России, решает эту проблему совместно с компаниями по производству химических источников тока, магазинами по продаже электроники и администрациями городов. Общественная кампания по сбору батареек распространилась по всей стране: во многих школах и госучреждениях можно встретить импровизированные пункты сбора. Впрочем, это не решает проблему полностью — еще значительное количество данных отходов остается вне контроля.

«Мы удваиваем количество пунктов сбора, а вес собранных батареек прирастает всего на 10–15%, — рассказывает Владимир Мащук, генеральный директор ГК „Метополресурс“. — Около 3% от всего объема батареек, что продается в России, поступает на переработку. Предстоит длительная работа по вовлечению в этот процесс людей и организаций, не разделяющих или даже отрицающих экологические ценности».

Евгений Анисков

Запретить нельзя, регулировать

В 2021 году в России активизировалось обсуждение запрета производства перерабатываемого одноразового пластика, а вместе с ним и других трудноперерабатываемых материалов. В последние годы многие страны выводят с рынка или ограничивают присутствие на нем такой продукции ради решения проблемы мусорного кризиса. Однако, как показывает практика этих стран, одного запрета недостаточно. Для решения проблемы нужен набор сопутствующих запретам регуляторных и рыночных мер.

— регулирование —

В работе экспертов ОЭСР «Предотвращение одноразового пластикового загрязнения: возможные последствия различных подходов к управлению», опубликованной в октябре текущего года, отмечается, что упаковка составляет почти половину всех пластиковых отходов на планете (46,7%, данные 2015 года). По состоянию на июль 2018 года 127 государств приняли те или иные регуляторные меры для сокращения использования пластиковых пакетов, а 56 стран запретили или обложили налогом другие одноразовые товары: одноразовые столовые приборы, бутылки, упаковку, а также некоторые виды полимеров. Но если на этом остановиться, к середине XXI века объем сожженного за последние 100 лет пластика достигнет 12 млрд тонн, столько же будет отправлено на свалки или попадет в окружающую среду и только 9млрд тонн будет переработано. Пластиковое загрязнение приводит к тяжелым экологическим последствиям: отравлению воздуха, почв и подземных вод, распространению инфекционных заболеваний, которые разносят питающиеся отбросами грызуны, изменениям климата из-за выбросов парниковых газов при гниении отходов.

Глобальный экологический ущерб от пластикового производства специалисты оценивают в \$40 млрд в год. Другая проблема заключается в том, что ресурсы, которые могут быть использованы повторно, отправляются в печь либо на свалку. Одна только Европа теряет £105 млрд в год — 95% экономической ценности пластиковой упаковки.

Особенности налогообложения

Проанализировав опыт разных стран в поисках оптимального решения для сокращения вреда природе и финансовых издержек, в ОЭСР заключают: запреты не панацея, они должны сочетаться с налогами и сборами. Более того, они могут быть наилучшим решением, поскольку позволяют добиться максимальной экономической эффективности и плавно изменить потребительское поведение, не вызывая недовольства населения экологической политикой. К примеру, в марте 2002 года Ирландия ввела сбор за одноразовые пластиковые пакеты, которые до того бесплатно раздавались в магазинах. В первые два года действия налога в экологический фонд, контролируемый Министерством охраны окружающей среды, культурного наследия и местного самоуправления, поступило £14 млн. Среди прочего средства были направлены на развитие отрасли переработки отходов.

В 2010-х Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия благодаря соответствующим налогам и сборам за считанные годы сократили использование одноразовых пакетов (из пластика, бумаги и растительных альтернатив) в диапазоне от 60% до 80%. Последовав примеру соседей, правительство Англии в октябре 2015-го ввело обязательную плату за одноразовые пластиковые пакеты. Спустя три года их продажи в семи крупнейших розничных сетях упали на 86%. Следует отметить, что в Англии, Уэльсе и Шотландии законодательство нацелено на поддержку благотворительности. Благодаря этому в 2017–2018 годах почти 60% британских ритейлеров, на которых приходится почти 80% продаж пластиковых пакетов, собрали £51,6 млн — часть из них пошла на экологические проекты.

Однако если речь идет о тех товарах, которые больше всего загрязняют окружающую среду, их будет правильнее вывести с рынка, заменив многоразовыми альтернативами, признают специалисты. Именно таким путем пошел ЕС, в 2019 году запретивший одноразовые пластиковые столовые приборы, тарелки и трубочки, которые легко могут быть сделаны из других материалов. Вместе с тем ЕС запретил использование полистирола при производстве упаковок для еды и напитков, а также оксоразлагаемые пластики, которые хотя и распадаются на мелкие частицы под воздействием ультрафиолета, тепла и кислорода, но все равно приводят к загрязнению окружающей среды.

трафиолета, тепла и кислорода, но все равно приводят к загрязнению окружающей среды.

Эксперты также говорят о необходимости учета региональных особенностей, важнейшие из них — потребительские привычки, доступность и экологичность альтернатив пластику, последствия для конкуренции и рынка труда.

Например, в Бельгии налог на одноразовые пластиковые столовые приборы и пленку не смог радикально ограничить их потребление и в итоге был отменен. Причиной этого могли стать сложившиеся потребительские привычки и отсутствие на рынке доступных альтернатив. Авторы доклада объясняют: чтобы налоги и сборы сработали, цены на одноразовые товары и упаковку должны учитывать стоимость экологического ущерба, готовность потребителей платить за такую продукцию и чувствительность спроса к изменению цены.

Добровольное необязательное

Кроме того, не стоит возлагать ответственность на добровольные инициативы, отмечают эксперты, приводя в пример инициативу британского Фонда Эллен Макартур «Глобальное обязательство по новой экономике пластмасс», запущенную три года назад. Присоединившиеся к ней ритейлеры и производители обязались к 2025 году увеличить среднее содержание вторичного сырья в пластиковой упаковке с 2,5% до 25%. Однако выполнение таких амбициозных обязательств стоит больших денег — далеко не у всех компаний они есть (тем более в эпоху COVID-19), некоторые же фирмы могут и вовсе быть «безбилетниками»: не принимать должные меры и лишь получать прибыль от участия в подобных инициативах.

Да и взятые компаниями обязательства могут быть недостаточно для решения проблемы пластикового загрязнения. Добровольные инициативы являются лишь дополнением государственного регулирования, считают эксперты.

Точечный контроль

Специалисты предупреждают, что простая замена одноразовых пластиков бумажной или биополимерами из растительного сырья не уменьшит количество мусора и ущерба природе. Во-первых, товары и упаковки из них так же недолговечны и часто используются считанное число раз. Во-вторых, бумажные и биопластиковые пакеты могут обладать даже большим экологическим следом, чем обычная пластмасса. Главной целью разумной экологической политики должен стать переход к товарам, которые можно использовать многократно.

К примеру, когда в Уэльсе ввели сбор за все одноразовые пакеты, в том числе сделанные из бумаги и биопластиков, их потребление за три года упало на 71%. Вместе с тем существенно увеличилось использование многоразовых авосек и сумок. Не надо забывать, что эффективность любой политики зависит от соблюдения всеми заинтересованными сторонами нормативных требований и запретов.

Для успешной борьбы с пластиковым загрязнением эксперты ОЭСР рекомендуют регулировать оборот конкретных материалов и товаров, а не просто, например, всех пластиковых пакетов. Это облегчит контроль реализации запланированных мер.

Недостаток надзора может поставить под угрозу реализацию политики по предотвращению пластикового загрязнения. Особое сопротивление законодательным нововведениям следует ожидать в регионах, экономика которых основана на производстве пластиков, химической промышленности, добыче нефти и газа и смежных отраслях, подчеркивают специалисты.

Для мониторинга и оценки применяемых мер необходимо собирать не только количественные, но и качественные данные об одноразовом пластике и его альтернативах на рынке. К первым относятся вес, объем продаж, доля в общем объеме отходов и т. д., ко вторым — состав и характерные особенности продукции.

Борьба с одноразовым в России

Регулирование оборота трудноперерабатываемых материалов и товаров из них обсуждается в правительстве как минимум последние два года. Меры, касающиеся поэтапного запрета производства и ввоза одноразового пластика, должны войти в стратегию развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года и будут действовать на территории Армении, Киргизии, Белоруссии, Казахстана и России. Документ планировали утвердить до конца первого квартала 2021 года, но этого пока не было сделано.

В июне «Российский экологический оператор» (РЭО), куратор мусорной реформы в России, опубликовал список из 28 одноразовых пластиковых товаров и упаковок, рекомендованных к запрету. В нем: трубочки, тарелки, стаканы, приборы, крышки от стаканов, капсулы от кофе, ватные палочки, непрозрачные и цветные бутылки из ПЭТ, коробки и пачки для табачной продукции, блистерная упаковка для лекарств, упаковка для куринных и перепелиных яиц, несколько видов пакетов — дойпак, флоупак, в форме кувшина, саше-пакет, сумка-сетка для овощей и фруктов.

Полностью запретить производство одноразовых товаров и упаковок из пластика в России планируется в 2024 году, заявил в сентябре на Восточном экономическом форуме глава Минприроды России Александр Козлов. «Запрет предлагаем вводить постепенно, чтобы производство успели перестроиться», — сказал он. Ранее вице-премьер Виктория Абрамченко сообщала, что запрет планируют ввести в ближайшие два года.

В РЭО считают, что экологичной заменой ватных палочек могут быть изделия из дерева или бумаги, а полистирола в упаковке для яиц — пульперкартон. Однако в исследовании ОЭСР такие материалы названы неоптимальными альтернативами, поскольку они не подходят для многократного использования.

Александр Титов

регенерация

«Принципы устойчивого развития — в ДНК нашей компании»

Бизнес-модель компании «Авито» основана на репотреблении, что сильно сокращает экологический след пользователей сервиса. За 2020 год благодаря деятельности компании был предотвращен выброс CO₂, объем которого могут поглотить 12 млн га соснового леса, и сэкономлено 74 млрд кВт·ч электроэнергии, что больше годового энергопотребления Москвы. Коммерческий директор компании **Игорь Макаров** и директор по продукту **Амит Пурохит** рассказали о настоящем и будущем механизмов устойчивого развития, зашитых в продукт и жизнь «Авито».

— интервью —

— Какой подход к маркетингу устойчивого развития вы используете в компании?

ИГОРЬ МАКАРОВ: Основной фокус устойчивого развития, который зашит в нашу бизнес-модель, направлен на post consumption (постпотребление. — «**Ъ-Регенерация**»). Сервис «Авито» создавался как онлайн-платформа для репотребления. Люди искали людей, у которых были необходимые вещи или потребности в них вместо того, чтобы покупать новые. Принципы устойчивого развития изначально заложены в ДНК нашей компании. Большинство сделок на нашей платформе сокращают производство новых товаров и способствуют снижению экологической нагрузки и росту вклада наших пользователей в сохранение окружающей среды.

Ежемесячно на платформе взаимодействуют почти 50 млн человек, а число размещенных объявлений превышает 83 млн. Большая часть из них связана с торговлей товарами между пользователями. Кто-то продает детские вещи, велосипеды, оргтехнику, кто-то покупает автомобиль или книжную библиотеку. Все вместе это оказывает грандиозный эффект на снижение нагрузки на экологию. И мы умеем это считать.

Например, перепродажа автомобилей, оргтехники, книг и товаров моды помогла пользователям «Авито» за 2020 год сэкономить более 1,3 млрд кг различных

материалов, 267 млн ГДж энергии, 123 млн куб. м воды. Это предотвратило выброс 18 млн тонн парниковых газов от снижения производства новых товаров. По данным Рослесинфорга, для поглощения тонны углерода нужно 2,5 га леса, из чего вклад «Авито» составляет почти 12 млн га леса — это почти на 30% больше всей площади карельских лесов!

Сохранение 123 млн куб. м воды, которая потребовалась бы на производство данных видов товаров, превышает объем годового водопотребления Владивостока, а экономия 74 млрд кВт·ч электроэнергии превышает годовое энергопотребления Москвы.

Выбирая «Авито», все наши пользователи выбирают и разумный подход к потреблению, будь то потребность быстрой и выгодной сделки или желание улучшить свое жизненное пространство.

В то же время молодое поколение очень четко понимает, что хочет жить в экологически чистом мире и хочет своим существованием как можно меньше загрязнять планету. Недавно мы провели исследование для создания бренд-платформы, чтобы понять, какие ожидания от «Авито» есть у нашей аудитории. В том числе среди тех, кто еще только размышляет, что им может дать «Авито», и тех, кто будет формировать основные принципы потребления в ближайшем будущем. И выбор компании во многом зависит для них от возможности ее позитивно-

Игорь Макаров

го влияния на экологический след общества. И эту аудиторию привлекают те бренды, которые помогают им быть сопричастными с этой целью. Поэтому сам принцип бизнес-модели «Авито» дает нам фору для устойчивого развития в будущем.

Наши инициативы ограничиваются внешними коммуникациями. С нашими международными акционерами мы поддерживаем концепцию «зеленого» офиса. В наших офисах установлены контейнеры для раздельного сбора отходов, батареек, одежды, и мы получаем отчеты об их переработке. Старую технику под списание мы передаем по специальной программе. Более 3 тыс. человек, которые работают в «Авито», на примере наших собственных внутренних инициатив видят, как реализуется ответственное отношение к потреблению.

И это не пустые слова — это неотъемлемая часть культурного кода компании. Это меняет людей изнутри. Дома или на улице, прежде чем выбросить пластиковую бутылку, ты начинаешь задумываться о том, чтобы положить ее в специальный контейнер. При покупке же товаров в магазине ты стараешься сократить количество упаковки. Из каждого такого небольшого действия и формируется настоящая забота о планете. Нельзя сказать лучше Экзюпери: «Есть такое твердое правило... при-

вел себя в порядок — и сразу приведи в порядок свою планету». Иначе твоя планета вся зарастет баобабам.

— Расскажите про ваше видение продукта и опыт в отрасли устойчивого развития?

АМИТ ПУРОХИТ: Мне близки осознанность и благотворительность — у меня уже был опыт запуска подобных проектов на предыдущей работе в Amazon. Понимая глобальные проблемы изменения климата, стоящие перед всем человечеством, и имея возможность влиять с помощью своих технологий на экологический след общества, «Авито» разрабатывает разные механики, стимулирующие разумное потребление. Важно, что с точки зрения продукта этот проект развивается в рамках программы внутреннего предпринимательства, которую мы недавно запустили на «Авито».

— Расскажите подробнее о механиках благотворительности и осознанного потребления?

А. п.: Прежде чем запускать механики, мы проанализировали все типы мотивации и поведения пользователей на нашей платформе. Я бы выделил три категории. Для одних разумное потребление — это миссия. Они видят «Авито» как пространство, где можно реализовать свою задачу: сократить потребление, дать вторую жизнь вещам. Другие также понимают важность такого образа жизни, стараются чаще соответствовать ему, но не всегда это является их приоритетом. Третьи же ищут на «Авито» выгодный способ купить или продать нужные им вещи, освободить свое жизненное пространство и не всегда задумываются о том, что уже являются частью экономики ответственного потребления. Задача «Авито» — дать возможность первым двум категориям удобнее достигать их цели в осознанности. А третьей категории — показать, что они уже поступают ответственно, и это может стать для них дополнительным стимулом вовлечения в бережливый подход к потреблению.

Сейчас мы тестируем разные механики для этих задач. Через них мы рассказываем пользователям о том, какой положительный вклад они уже вносят, продавая и покупая

Амит Пурохит

товары на «Авито». Кроме того, сейчас мы думаем над созданием калькулятора личного экологического вклада на уровне каждого пользователя.

Среди наших продуктовых механик есть такие, которые, с одной стороны, стимулируют желание помочь другим людям, с другой стороны, делают это через принцип осознанности. Так, мы хотим сделать массовой историю с передачей игрушек и вещей от одних людей к другим. Для таких пользователей мы договорились с партнерами о бесплатном вывозе. Это упрощает клиентский путь для тех, кто хотел бы поучаствовать в подобной инициативе, но не могли или не готов был тратить время на поиск решений. Сейчас мы как раз пиотируем такой проект.

Многие наши пользователи пытаются с помощью «Авито» избавиться от ненужных вещей и готовы отдать их бесплатно или за минимальную цену. Это не всегда получается сделать быстро, так как требует поиска получателя и логистики и, как следствие, времени. На «Авито» мы ежедневно анализируем и модерируем порядка 5 млн объявлений, поэтому алгоритмы искусственного интеллекта настроены на самые разные сценарии размещения. Наши нейросети могут анализировать подобные объявления, и мы сможем рекомендовать пользователям удобные спо-

собы решения вплоть до субсидирования доставки. За активные действия в области разумного потребления мы будем выдавать специальные бейджи и характеристики профиля. Как раз сейчас продумываем техническую реализацию этой механики.

Недавно, например, мы встретились с ребятами из «Лиза Алерт». Очевидно, что есть много людей, которые готовы помогать техническими средствами поисковым отрядам и отдавать им свои инструменты, автомобили и оборудование — мы взяли задачу в разработку и договорились сделать это максимально простым и удобным для каждого способом через алгоритмы «Авито».

Наша программа социальной ответственности связана с моделью заботливого отношения и включает в себя несколько различных механик. Если при подаче объявления в популярных общих категориях размещение является платным, «Авито» направит автоматически определенную сумму в благотворительные фонды. Кроме того, после подачи объявления в некоторых категориях пользователю предлагается самостоятельно передать пожертвование в один из фондов, после чего у него появляется специальный социальный бейдж «Знак добра». Другие пользователи видят его и узнают о возможности помогать через «Авито».

Также мы запустили подключение специальных аккаунтов для бесплатного поиска новых хозяев для собак и кошек из приютов. Это дает шанс на новый дом и новую жизнь питомцам. Пиотируем эту механику с одним из подобных фондов. Конечно, все это работает только тогда, когда вовлеченность для пользователя необременительна, а приветствия и важность участия в ней доступны и прозрачно объяснены во всех коммуникациях. Поэтому успех программы реализации ответственного отношения к природе, людям и своему жизненному пространству — это совместный труд продукта и маркетинга. Где самые яркие и социально важные инициативы рождаются на стыке технологий и актуальных запросов общества.

Возвращение на круги своя

— тенденции —

Устойчивое благополучие стран зависит не от динамики ВВП, а от состояния экосистем планеты. На климатическом саммите ООН COP-26 141 страна-участница подписала декларацию, в которой сохранение и восстановление природных систем стоят на первом месте. Текущие подходы к производству и потреблению угрожают 90% биоразнообразия. Помочь сохранению ресурсов и восстановлению природных систем может циклическая регенеративная экономика.

Здоровье экосистем напрямую зависит от состояния биоразнообразия. К примеру, снижение разнообразия почвенных микроорганизмов приводит к нарушению естественного круговорота элементов в почве. Растения не получают достаточного количества питательных веществ и развиваются хуже, поскольку зависят от деятельности микроорганизмов, почвы истощаются и меняют свои физические свойства, хуже удерживая воду и испускаясь. Люди получают еду меньшей питательной ценности, а производители теряют прибыль из-за роста расходов на удобрения и орошение.

Защитить, чтобы сэкономить

В октябре текущего года в китайском Куньмине прошла 15-я ежегодная конференция ООН по биоразнообразию. В преддверии климатической встречи COP-26 в Глазго многие дискуссии были связаны с изменением климата, поскольку природные экосистемы непосредственно участвуют в его регулировании. Но помимо этого был сформулирован важный подход «30 к 30»: не менее 30% природных территорий к 2030 году должны стать охраняемыми (сейчас — 16% на суше и 7,4% в океане, из них лишь 2,5% — полностью охраняемые участки). Цель в 30% — промежуточная и поможет частично остановить глобальную потерю биоразнообразия.

Более миллиона известных человеку видов сегодня находится на грани вымирания, и это беспокоит не только ученых и активистов, но и по-

литиков и экономистов. По данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), потеря биоразнообразия находится в первой пятерке рисков мировой экономики и потенциальная экономическая выгода от расширения природоохранных территорий планеты до 30% к 2050 году принесет дополнительно \$64–454 млрд в год.

В Куньмине лидер Китая Си Цзиньпин анонсировал создание фонда биоразнообразия для помощи другим странам в размере 1,5 млрд юаней (\$235 млн). В Глазго были представлены несколько финансовых планов поддержки биоразнообразия. Эффективность финансовой поддержки проектов сохранения природных систем, однако, требует исследований и контроля. Займы, которые сейчас используются для поддержки «зеленых» проектов, с одной стороны, создают дополнительное бремя для стран, уже имеющих долги, но богатых природным капиталом, а с другой, в отличие, например, от возобновляемой энергетики, где ожидается возврат инвестиций, вложения в экосистемные услуги приносят лишь неторгуемые блага. Авторы статьи в журнале Nature — The answer to the biodiversity crisis is not more debt («Ответ на кризис биоразнообразия — не наращивать больше долги»), осуждающей эту проблему, отмечают:

на смену займам должна прийти система грантов с обязательным исследовательским компонентом.

Что не так с прогрессом

Недавний отчет Фонда Эллен Макартур The Nature Imperative: How the circular economy tackles biodiversity loss («Природный императив: как циклическая экономика борется с утратой биоразнообразия»), посвященный оценке состояния биоразнообразия в контексте экономического развития, выделяет пять основных типов воздействия прогресса на природные системы: нерациональное землепользование, истощение природных систем, изменение климата, загрязнение окружающей среды и распространение инвазивных видов растений и животных.

Деятельность человека преобразила 77% земель и 87% поверхности океана. Их использование ориентировано на неиспользуемые задачи и не учитывает долгосрочных изменений, а также необходимости поддержки природных процессов и механизмов. Ежегодно добывается 100 млрд тонн первичных материалов, но только 9% из них задерживаются в экономике — остальные становятся отходами. При сохранении такого подхода в 2050 году человечеству потребуется уже 170 млрд тонн ресурсов и не две, как сейчас, а три планеты.

К быстрым и разрушительным климатическим изменениям не готовы не только люди. Они угрожают половине исчезающих видов наземных млекопитающих и четверти исчезающих видов птиц. Загрязнение микропластиком, лекарствами, нефтепродуктами и другими отходами физически вредит живым существам и нарушает баланс экосистем. Например, более 70 тыс. кв. км Балтийского моря уже мертвые зоны из-за размножения водорослей, вызванного стоками. Чужеродные же виды способны встраиваться в природные системы, нарушая их структуру и развитие. Примерно на пятой части суши Земли местные виды растений и животных находятся из-за них в уязвимом положении.

Чтобы остановить сокращение биоразнообразия, проектов по сохранению и восстановлению природы недостаточно. Как отмечает Межправительственная научно-политическая платформа по биоразнообразию и экосистемным услугам, проблему нельзя решить без трансформации политики, экономической и социальной сфер, а также технологий. В этом же — одна из ключевых мыслей отчета Фонда Эллен Макартур: нужно быстро и кардинально менять системы производства и потребительские привычки.

Замкнутый круг

По данным международной группы UNEP по ресурсам, 90% потерь биоразнообразия вызваны добычей и переработкой природных ресурсов. Отчет фонда напрямую связывает это с линейной структурой экономики, преобладающей сегодня в мире. В циклической экономике потребность в добыче ресурсов сильно ниже: ранее добытое сырье и сделанные из него вещи используются дольше и продуктивнее, а потери ресурсов в циклах использования минимизируются, что сокращает нагрузку на экосистемы от добычи и переработки ресурсов. Кроме того, один из принципов циклической экономики — направление части усилий на восстановление природных систем.

Компаниям предлагается сделать три шага к поддержке и восстановлению биоразнообразия: изучить, как

влияет на него деятельность компании, и определить цели по снижению и обнулению этого воздействия; подобрать конкретные циклические решения, которые помогут добиться этого, сотрудничать с заинтересованными сторонами, трансформировать сложившиеся в индустрии устаревшие подходы.

Авторы отчета обращаются в первую очередь к наиболее ресурсозатратным отраслям: пищевой промышленности, строительству, индустрии моды и производителям пластиковой упаковки. Пищевая промышленность ответственно более чем за 50% всего антропогенного негативного влияния на биоразнообразие. Строительная индустрия — крупный потребитель ископаемых с особым выраженным линейным подходом к их использованию: она оказывает негативное влияние на 29% видов живых организмов из «красного» списка Международного союза охраны природы — видов, которым угрожает исчезновение. Для производства одежды и аксессуаров характерны короткие и зачастую одноразовые циклы использования. Также авторы упоминают о высоком загрязнении окружающей среды химикатами, нагрузке на почвы, деградации земель и напоминают: сегодня в мире только 14% пластиковой упаковки попадает в переработку, а 86% попадают на полигоны, сжигаются или выбрасываются в окружающую среду.

Каждой из индустрий рекомендуют свои пути перехода к циклической и меры по сохранению биоразнообразия, хотя многие из них универсальны. Рекомендации для пищевой промышленности включают изменения продуктовых линеек в пользу природоцентричности их производства и потребления, координацию с фермерами для продвижения изменений и создание привлекательного дизайна для продуктов циклических производств, а также участие в создании новых стандартов и требований для проциклической реформы сельского хозяйства и лоббирование законодательных изменений, ориентированных на продовольственный рынок. Фонд выпустил детальный отчет The big food redesign study («Редизайн круп-

ной пищевой промышленности»), посвященный реформе отрасли.

В перечне идей для строительной индустрии — компактный дизайн городской среды (для сокращения выбросов транспорта и сохранения места для природной среды: в пример приводится Кейптаун, где восстановление зелени и ранее деградировавших участков земли предотвратило дефицит воды), а также отказ от сноса и максимальное использование уже возведенных объектов, развитие вторичного оборота стройматериалов и переориентация на стройматериалы из возобновляемых ресурсов.

Индустрии моды предложены переход к циклическому использованию одежды и тканей, выбор безопасных химических соединений для производства одежды, отказ от пластика и устойчивые подходы к выращиванию и производству сырья за счет создания здоровых агроэкосистем. В отчете есть примеры уже существующих решений — например, компания Colofixit нашла способ делать пигменты для одежды и тканей без опасных химикатов, в разы снизив потребление воды и электроэнергии.

Самые радикальные рекомендации даны в отношении пластиковой упаковки — это отказ от нее при любой возможности и максимальное повторное использование как упаковочного, так и конструкционного пластика. Это, по данным отчета, может сократить на 80% ежегодное загрязнение Мирового океана пластиком и уменьшить на 25% выбросы парниковых газов, сэкономив около \$200 млрд в год и создав к 2040 году 700 тыс. новых рабочих мест.

Законодателям же предлагается признать циклическую экономику одним из способов устранения базовых причин сокращения биоразнообразия, создать условия для ее появления, а также соотнести изменения в национальном законодательстве с глобальными целями политики в области циклической экономики. Последние опубликованы Фондом Эллен Макартур в 2021 году в документе Universal circular economy policy goals.

Лена Шеллягина, Сергей Червяков, Moscow Circular